

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2018

О творчестве художника Джеймса Уистлера читайте на странице 65.

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Андрей Белый. «Навстречу огненным стрелам» 4
--------------------	---

Замечательные современники

<i>Евгений Тяжелников</i>	Неизгладимое 22
<i>Елена Логунова</i>	Любить людей 40
<i>Виктор Ом</i>	Расскажи о Душе — душе! 76
<i>Елена Воробьева</i>	Наталья Клейменова. «Это прекрасное искусство — балет» 89

Забытые усадьбы

<i>Дмитрий Зелов</i>	Братцево. Тайны и загадки усадьбы-призрака 32
----------------------	--

Рассказ

<i>Дмитрий Ворожцов</i>	Последняя картина 50
-------------------------	-----------------------------------

Это интересно

<i>Ирина Опимах</i>	Уистлер против Рескина, или Что такое настоящее искусство и сколько оно стоит 65
---------------------	---

Поэзия

<i>Тамара Сальникова</i>	Стихи 86
--------------------------	-----------------------

Эссе

<i>Анатолий Крищенко</i>	Парижский узник 95
--------------------------	---------------------------------

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Зимняя вишня доктора Ватсона 109
--------------------------	---

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	Одноклассники 116
---------------------	--------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фото из личного архива
балерины Наталии Клейменовой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. № 9652

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.09.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*Последним российским императором традиционно называют Николая II. Фактически это так, но следует добавлять: последний царствовавший император. Потому что после отречения Николая престол сутки занимал его младший брат и многолетний наследник цесаревич Михаил. Император Михаил II. Формально именно он был последним российским императором, и только сложное семейное положение (да и склад характера) помешали ему стать им по-настоящему, а России — гипотетически избежать революционного кошмара. Не сложилось...*

Светлана **Бестужева-Лада** «Император на один день»

«*Две яркие и очень талантливые личности. Писатель и художник. Их связывала многолетняя дружба — это и долгие, затягивающиеся за полночь душевные беседы, и общность интересов, и многое, многое другое, что делало эту дружбу такой удивительной и крепкой. Поэтому после ухода из жизни Ильи Глазунова появилось желание написать документальную повесть-воспоминание об этом замечательном человеке с открытым и добрым сердцем, который был для писателя Переверзина не только близким другом, но во многом и наставником...*

Иван **Переверзин** «Мой Глазунов»

«*Беседа журналистки Елены **Воробьевой** с актрисой Театра Романа Виктюка **Марией Матто**. Мария не только занята во многих спектаклях театра, она часто снимается и в телесериалах: «Пятницкий», «Лесник», «Дежурный ангел-2», «Бальзаковский возраст, или Все мужики сво...», «Дочки-матери», «Кто в доме хозяин?» и других. Но особенно она запомнилась театральным зрителям в спектакле Романа Виктюка «Сергей и Айседора: недокументальная история любви и смерти», где она сыграла Галину Бениславскую.*

«*Окончание детектива Андрея **Дышева** «Одноклассники»*

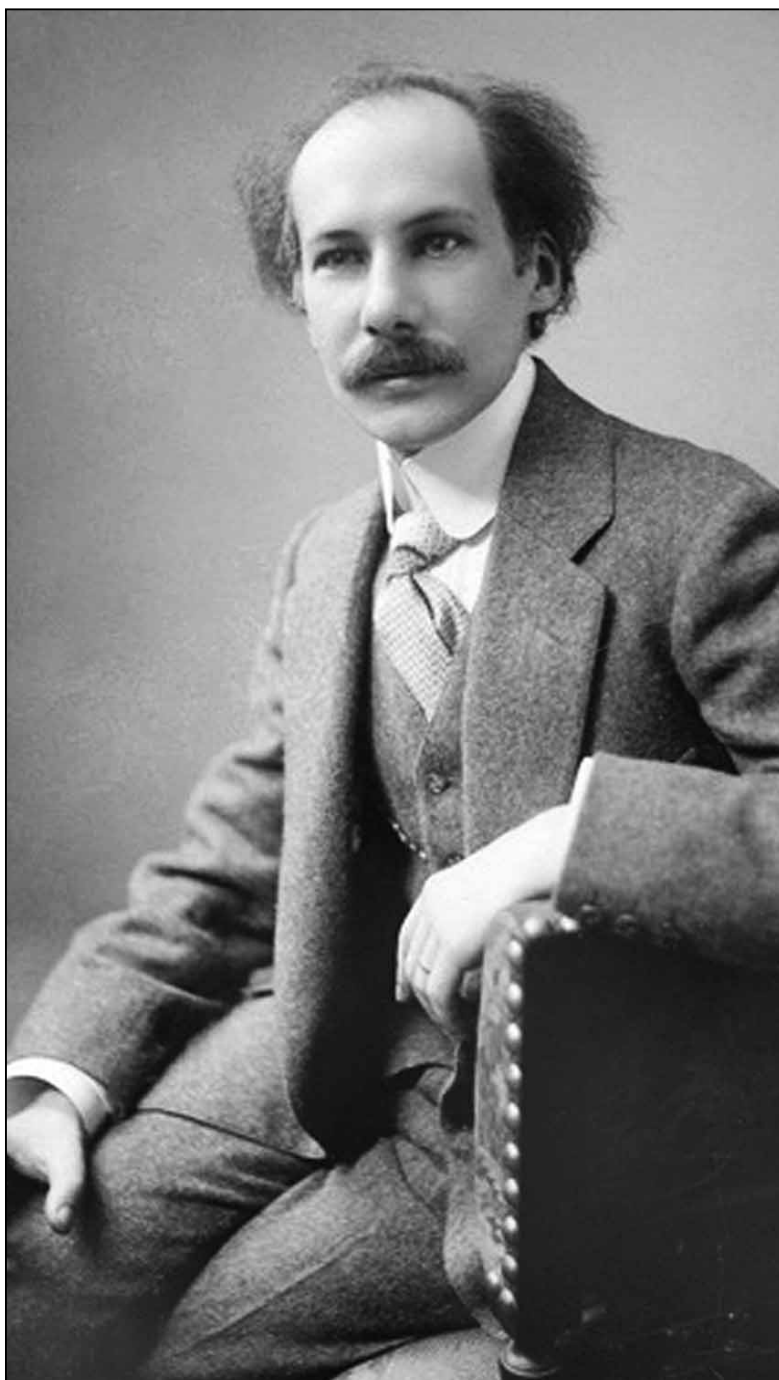
Юрий Осипов

Андрей Белый

«Навстречу огненным стрелам»

В русской литературе не найти, пожалуй, писателя более экспериментального, необычного и провидческого, чем Андрей Белый. Он удивлял в свое время и продолжает удивлять сегодня. Прозаик, поэт, филолог, философ, теоретик литературы и один из ведущих представителей русского символизма, этот мятущийся художник с исключительной остротой выразил в своем творчестве ощущение тотального кризиса современного ему общества и миропорядка.

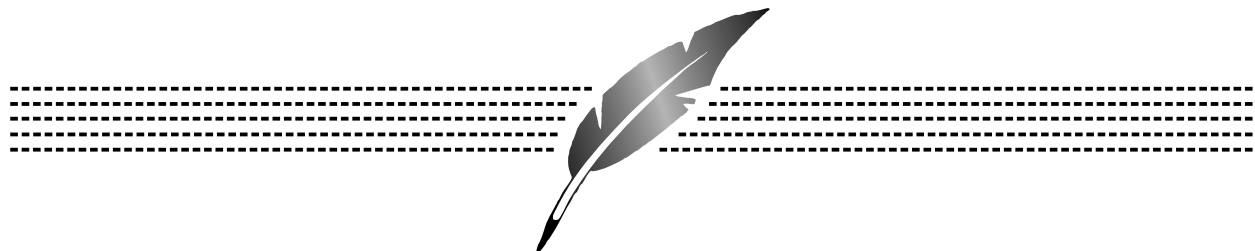
Чудаковатый мистик,
с юности и впоследствии
убежденный теософ,

Андрей Белый верил в предначертанную ему свыше судьбу, которая управляет его делами и поступками. Столь же самозабвенно верил он в свое исключительное предназначение, ища в нем оправдания не слишком благовидному поведению в личной жизни и крайнему эгоизму. В этом Борис Николаевич был подобен Марине Цветаевой, написавшей в юности: «еще меня любите за то, что я умру». Кстати, свою кончину Белый с пугающей точностью предсказал уже в первом сборнике стихов:

*Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел,
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.*

Этот странный человек, проникновенный творец, наивно-восторженный, любвеобильный, незащитный, как ребенок, обладавший поистине энциклопедическим кладезем знаний, один из ярчайших представителей русского Серебряного века, вместе со столь близкими ему Валерием Брюсовым и Александром Блоком, приветствовал революцию. Затем все же бежал в эмиграцию (Блок умер от отчаяния гораздо раньше), но нашел в себе силы вернуться на родину и служил ей до смертного часа. Последнее веление судьбы, последний заслуживающий уважения человеческий поступок.

Борис Николаевич Бугаев родился 14 (26) октября 1880 года в Москве, в доме на углу Арбата и Денежного переулкa. Там прошла значительная часть его драматической, полной событий жизни.

Отец Белого, Николай Васильевич Бугаев, был выдающимся ученым-математиком и философом-лейбницианцем, занимавшим одно время должность декана физико-математического факультета Московского университета. Основатель Мос-

ковской математической школы, которая под его руководством предвосхитила многие идеи Циолковского и других русских теоретиков космических полетов, он снискал широкую известность в европейских научных кругах, а столичным студентам запомнился своей феноменальной рассеянностью и анекдотическими чудачествами. При этом отличался редкостной невзрачностью, давшей повод одной из знакомых его сына, не знавшей ученого

в лицо, спросить: «Скажите, кто эта обезьяна?»»

К своей уродливой внешности Николай Васильевич относился вполне иронически и часто повторял, когда сын еще лежал в пеленках: «Надеюсь, Боря выйдет умом в меня, а лицом в мать». Шутка, за которой крылась семейная драма. Мать Белого, Александра Дмитриевна, была необыкновенной красавицей, причем намного моложе супруга. Выдающийся художник-передвижник К. Маковский даже писал с нее невесту в картине «Боярская свадьба». В отличие от мужа, она очень любила светскую жизнь.

Получалось, что родители будущего писателя ни умом, ни уровнем интересов никак не подходили друг другу: неряшливый, безобразный, вечно занятый математикой муж и молодая, кокетливая красавица-жена. Разлад в их отношениях был неизбежен, и семью изо дня в день сотрясали ссоры и скандалы по любому мельчайшему поводу. Нервный, впечатлительный мальчик невольно наблюдал их и навсегда остался поражен этими «семейными житейскими грозами».

Под влиянием затяжной родительской драмы фактически сформировался причудливый характер Бориса. Матерью он восхищался и жалел ее, а отца в детстве ненавидел. Впрочем, повзрослев, стал относиться к нему с почтением, осознав глубину его знаний. Любовь же к матери уживалась в израненной душе подростка с нелестным мнени-

ем о материнских умственных способностях. Всю пору отрочества он, по собственным словам, был буквально «раздираем» родителями: отец мечтал сделать сына своим преемником, мать боролась с этим намерением музыкой и поэзией. «Я был яблоком раздора, я рано ушел в себя», — скажет позднее Белый.

Тем не менее, мальчик рос в тепличной, чисто «женской» атмосфере. Его баловали мать, тетка, гувернантка. А он, отличаясь нервозностью и капризностью, при этом хорошо учился и жадно тянулся к знаниям. Стихи Гейне и Гете читал в подлиннике, любил сказки Андерсена и Афанасьева, вместе с матерью слушал музыку Бетховена и Шопена. Когда подошел срок, его отправили в знаменитую частную гимназию Льва Поливанова, одну из лучших в Москве. Лев Иванович, преподававший у себя в гимназии едва ли не шесть предметов, включая латынь и греческий, превращавший свои уроки в театрализованные импровизации и восклицавший, что «диплом — ерунда, если с ним заблуждает по миру угаснувшее сознание», стал для Бори Бугаева объектом подлинного поклонения. Он пробудил у юного гимназиста любовь к языкам и словесности, подтолкнул к первым самостоятельным литературным опытам. В Поливановской гимназии уже ярко проявился его поэтический талант — Борис начал писать для школьного журнала.

Вторым сильнейшим потрясением в юношеской жизни Бориса Бу-

гаева стало постепенное сближение с семейством Михаила Сергеевича Соловьева, сына крупнейшего нашего историка С.М. Соловьева, брата, друга и единомышленника знаменитого религиозного философа и мыслителя, поэта-мистика, литературного критика и публициста В.С. Соловьева. Он был также отцом талантливого поэта религиозно-мистического толка С.М. Соловьева (младшего). В доме этого высокоодаренного семейства Борис Бугаев в 1901 году прочитал свои первые стихи. На семейном совете было решено, что проба пера оказалась удачной, и что родился новый самобытный поэт. Не случайно Михаила Соловьева начинающий стихотворец называл своим крестным отцом. Именно он предложил юноше взять

литературный псевдоним «Андрей Белый», дабы скрыть от близких свои «декадентские увлечения» и не повергать в отчаяние родного отца дебютом «символиста».

Выбор псевдонима был не случаен. Белый цвет означает божественное начало, символизирует второе крещение. А по мнению Марины Цветаевой, уход студента Бориса Бугаева в литературное творчество можно приравнять к религиозному подвижничеству. Имя «Андрей» тоже глубоко символично. Оно переводится с древнегреческого как «мужественный». Так звали одного из 12 апостолов, учеников Иисуса Христа, которого, согласно Евангелию от Иоанна, Спаситель призвал к себе первым. Вот почему его назвали Первозванным.

Валерий Брюсов

Нина Петровская

В 1903 году Борис блестяще окончил... естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (выполнив волю отца), а на следующий год поступил уже на историко-филологический факультет, где демонстрировал столь же впечатляющие успехи, но в 1905 году прервал учебу по причинам закружившего его «вихря жизни». Имелись, впрочем, у молодого поэта и конкретные житейско-мировоззренческие причины. Через год он подал прошение об отчислении его из университета, в связи с поездкой за границу.

Перед поступлением в университет Борис испытывал состояние

«ножниц», поскольку не выбирал, быть ли ему «физиком» или «лириком». Юноша составил себе собственный план обучения: 4 года — физико-математический факультет, 4 года — филологический, чтобы реализовать идею «овладения фактами» на основе «эстетики и естествознания». Но и такого диапазона учебных дисциплин ему было недостаточно, и в университете он увлекся еще философией. Вечерами подолгу засиживался в кабинете отца над книгами по проблемам гипноза, спиритизма, оккультизма, индийской культуры. Серьезно штудировал труды Дарвина и философов-позитивистов. Энциклопедическая

Андрей Белый

«разбросанность» его увлечений одновременно поражала и восхищала современников. И. Анненский вспоминал: *«Натура богато одаренная, Белый не знает, которой из своих муз ему лишний раз улыбнуться. Кант ревнует его к поэзии. Поэзия — к музыке».*

Выбор, и притом окончательный, был сделан, разумеется, в пользу литературы. Ей Андрей Белый вскоре посвящает себя целиком. Однако прежде отдает щедрую дань участию в борьбе различных литературных группировок и направлений Серебряного века. Осенью 1903-го он совместно с А. Петровским, С. Соловьевым, В. Владимировым и дру-

гими сторонниками образовал кружок «Аргонавты». Его убежденные члены заявляли, что служат особой мифологии житнетворчества, поклонялись воспетой Вл. Соловьевым Вечной Женственности, ставили задачей познание мистических тайн бытия и назвались «младосимволистами».

Этот недолгий период Белый характеризовал впоследствии как «зори» символизма, которые якобы взошли лично для него после сумерек декадентских блужданий и пессимистских настроений. В русле общих стремлений символистов к синтезу видов и родов искусства молодой поэт создал четыре произведения, не имевшие аналогов. То были, по его определению, «симфонии», где прозаическое повествование строилось по законам музыкальной, симфонической формы. Традиционную развязку сюжета здесь заменило скрещение и чередование «музыкальных тем» рефренами, ритмизацией отдельных фраз. Самым выразительным произведением этого жанра стала «Северная симфония», возникшая, как писал автор, из музыки Эдварда Грига.

Выход драматических «симфоний» сблизил Белого с В. Брюсовым, Д. Мережковским и З. Гиппиус, А. Блоком. По предложению признанного мэтра символизма Валерия Брюсова, он стал готовить сборник стихов для журнала «Скорпион». Супруги-литераторы Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус привлекли его к своим петербургским

религиозно-философским собраниям и журналу «Новый путь». Наконец, в том же 1903 году, завязалась переписка между Белым и Блоком, положившая начало многолетней дружбе-вражде двух непревзойденных поэтов.

Заочно они были знакомы давно. Белый восхищался поэзией Блока. А тот, в свою очередь, решил вступить в полемику со статьей «О формах искусства», автором которой являлся Белый. По сути, несходство взглядов молодых символистов на цели искусства послужило поводом для первого блоковского письма. А ровно через год у себя в квартире на Арбате Борис Николаевич, наконец, лично встретился с Блоком и его женой, Любовью Дмитриевной, дочерью Менделеева.

К тому моменту Андрей Белый уже опубликовал первый поэтический сборник «Золото в лазури», где впервые нарушил традиционный силлаботонический строй стиха, смешав двухсложные и трехсложные размеры. При этом строки располагал, согласно интонации, опередив «столбики» и «лесенки» тонических стихотворений Маяковского. А еще — все идеальное, возвышенное, мифическое обозначил световыми (солнце, заря) и цветовыми (блеск драгоценных камней и тканей) символами.

*Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.*

«Трудно представить себе два существа, более противоположных,

чем Боря Бугаев и Блок», — вспоминала Зинаида Гиппиус. «Бедное, "потерянное дитя". Невменяемо. Безответственно». Таким виделся ей Андрей Белый, одухотворенный, мятущийся и вместе с тем, подобно своему отцу, житейски беспомощный, рассеянный, непрактичный. Он обладал аурой, способностью притягивать людей, в особенности женщин, находивших художавого, артистичного, правда, рано начавшего лысеть молодого поэта-символиста с бездонными магнетическими глазами авантажным. А Вл. Ходасевич писал: «В 1904 году Андрей Белый был еще очень молод, златокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Газетная подворотня гоготала над его стихами и прозой, поражающими новизной, дерзостью, иногда — проблесками гениальности. Другое дело — как и почему его гений был впоследствии загублен... Им восхищались. В его присутствии все словно мгновенно менялось, смещалось или озарялось его светом... Кажется, все, даже те, кто ему завидовал, были немножко в него влюблены. Даже Брюсов порой попадал под его обаяние».

Казалось бы, что могло быть общего между ним и вежливо сдержанным до чопорности, «застегнутым на все пуговицы», по петербургски рафинированным Александром Блоком? Общим было подвижничество служения поэзии, осознание своего высокого предназначения, отношение к жизни как к материалу искусства, пристрастие к филосо-

фии и громадная эрудиция. А еще — культ Прекрасной Дамы, воспетой в ранних стихах Блока, которому поклонялись «младосимволисты». Найти земное воплощение Прекрасной Дамы стало их целью. И вот таким воплощением оказалась для Белого жена друга, Любовь Дмитриевна. Он влюбился в нее незаметно, а она неожиданно ответила ему взаимностью.

«Той весной... я была брошена на произвол всякого, кто стал бы за мной упорно ухаживать, — писала

женщина соглашалась разделить его страсть, он ощущал себя чуть ли не оскверненным.

До встречи с женой Блока Борис пережил недолгий, бурный роман с поэтессой Ниной Петровской. Для двух поэтов — совсем еще молодого А. Белого и маститого В. Брюсова — эта роковая красавица мечтала стать музой, но стала наваждением. Дочь заштатного чиновника, она окончила зубоврачебные курсы, обладала хорошими манерами, вкусом и живым воображением, толкнув-

тот странный человек, наивно-восторженный, любвеобильный, обладавший поистине энциклопедическим кладезем знаний, до самозабвения погруженный в свой внутренний мир, один из ярчайших представителей Серебряного века, верил в предначертанную ему свыше судьбу и столь же самозабвенно верил в свое исключительное предназначение на Земле

потом Любовь Дмитриевна. — ...*Боря же кружил мне голову, как самый опытный Дон Жуан, хотя таким никогда и не был*». Противоречивый характер поэта до крайности осложнял их любовные отношения. С женщинами Борис Николаевич всегда придерживался одной и той же тактики: сначала покорял свою избранницу личным обаянием, не допуская при этом, однако, даже намека на чувственность. А затем начинал пылко домогаться предмета своего обожания, всякий раз приходя в бешенство, будучи отвергнутым. Если же

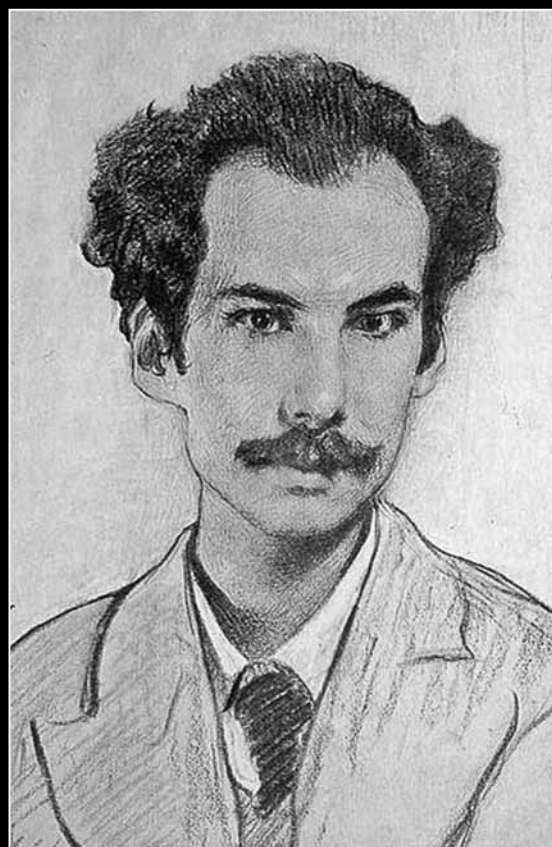
шим ее в литературу. В артистических салонах Москвы ее быстро заметили, и Нина не могла не обратить внимания на белокурого, голубоглазого «ангела» Борю Бугаева, чья духовная энергия была через край и в чьем присутствии все вокруг озарялось.

Спустя несколько недель после их знакомства завсегда и салонов обратили внимание, что на груди у Нины красуется большой черный крест из дерева. Такой же носил и Андрей Белый. Очень скоро он совершенно охладел к экзальтированной поэтес-

се, а она почувствовала себя брошенной и униженной. Поначалу хваталась за других мужчин в надежде отомстить «ангелоподобному», вызвать его ревность. Увы, тщетно. Тогда с револьвером в сумочке явилась в Политехнический на лекцию бывшего возлюбленного, улучила момент, подошла вплотную к трибуне и собиралась уже выстрелить, но, к счастью, револьвер дал осечку.

«Ты — слаще смерти, ты желанней яда околдовала мой свободный дух!» — напишет Н. Петровской В. Брюсов, сделавший ее прототипом своей неистовой, демонической Ренаты в нашумевшем «готическом» романе «Огненный ангел». Там Брюсов вывел также себя и Белого. Однако развязка мучительно-сладких отношений в этом любовном треугольнике оказалась иной, чем в жизни. Автор решил Ренату убить и убил. А реальные отношения Брюсова и Петровской длились семь лет и тоже ни к чему не привели... Окончила свои дни одинокая, всеми забытая 48-летняя поэтесса, отравившись газом в нищенском квартале Парижа.

К Андрею Белому Любовь Дмитриевну толкнули не только его врожденное обаяние и настойчивость, но и ее сексуальная неудовлетворенность, поскольку муж видел в ней больше возвышенный поэтический идеал, нежели земную полнокровную и темпераментную женщину. Физическая сторона их супружества оставляла желать лучшего.

Андрей Белый

Одно время они встречались на снятой московской квартире и хотели вскоре совместно выехать в Италию. Поездка сорвалась. Последовало тяжелое объяснение с Блоком, после которого Любовь Дмитриевна решила порвать с Белым. Этот период жизни был исполнен для поэта не проходившей болью: *«Сколько дней, — вспоминал он, — сколько взрывов сердца, готового выпрыгнуть вон, столько же кризисов перетерзанного сознания»*. Этим дело не ограничилось. В подмосковном блоковском имении Шахматово появился секундант Белого, Эллис, передавший Александру Александровичу вызов на дуэль. Слава богу,

Любовь Менделеева

Александр Блок

она не состоялась. Но конфликт внутри бывшего любовного треугольника не погас. Со временем на него наложился серьезные творческие разногласия.

В следующем году между друзьями-соперниками вновь возникла острая размолвка, причиной которой послужил поэтический сборник А. Блока «Нечаянная радость». На журнальных страницах Белый откровенно очернил вошедшие в сборник стихотворения и пьесу «Балаганчик». «Подделка под детское и идиотское, — заявлял он. — Блок перестал быть Блоком». Блок ответил с присущим ему достоинством: «Я перестал понимать Тебя. Только

поэтому не посвящаю Тебе этой книги». Много лет спустя, уже после смерти Блока, Белый признался, что его тогдашняя критика «Нечаянной радости» была несправедливой. Новую размолвку Белого с Блоком усугубила их полемика вокруг произведений писателей-реалистов. Это опять привело к вызову на дуэль, теперь уже со стороны Блока. Но Белый прислал ему несколько примирительных писем, и конфликт был исчерпан.

Увы, только на время. Блок большую часть года жил в Петербурге, Белый — в Москве. В очередной приезд в Москву Александр Александрович навестил Бориса Нико-

лаевича, и между ними состоялся откровенный долгий разговор. Хрупкий мир был восстановлен и вскоре вновь нарушен очередной ссорой из-за вышедшего сборника стихотворений Вл. Соловьева «Цветы и ладан». Поэты разошлись, но «разделаться навек» так и не смогли. Белый снова первым сделал шаг к примирению. Переписка между ними возобновилась. С 1910 года их «зигзагообразные» отношения приняли, по словам А. Белого, характер

няло символистов религиозно-философской ориентации. *«Мало что читавшая и даже невежественная в проблемах культуры, далекая от всякой общественности, она росла в обстановке развала большого имения и впадения в нищету аристократа-помещика А.Н. Тургенева, ее отца... Природная восприимчивость, соединенная с болезненной чуткостью, не могла заменить ей сознания и знаний... в ней чувствовалась неизбежная боль из-под ангелоподобной*

С

вои первые стихи Борис прочитал в кругу семьи Соловьевых. Эта проба пера оказалась удачной, и все дружно решили, что родился новый самобытный поэт. Не случайно начинающий стихотворец называл Михаила Сергеевича Соловьева своим крестным отцом, потому что именно он предложил Борису Бугаеву взять псевдоним «Андрей Белый»

«ровной, спокойной, но несколько далековатой дружбы». Как и в былые годы, их письма начинались теперь обращениями: *«Дорогой, близкий, любимый Саша!»* и *«Милый, дорогой Боря!»*

Стремясь избавиться от неизжитого чувства к Любове Дмитриевне, Белый осенью 1910 года надолго покидает северную столицу и неожиданно обращает внимание на художницу, антропосовку Асю Тургеневу, сотрудничавшую с издательством «Мусaget», которое объеди-

улыбки... Вот с этим-то растерянным, болезненным и теперь меня пугающим существом я связал свою жизнь в эпоху разуверенья в себе!» — так описывает свою первую жену А. Белый в мемуарном цикле «Меж двух революций».

Живя в гражданском браке, они в конце года отправились за границу и путешествовали по Италии, Тунису, Палестине. Семейная жизнь не изменила Бориса Николаевича, он остался прежним — экспансивным, вспыльчивым, порывистым, хотя его отношение к действитель-

ности изменилось. Душевные раны он пытался залечить работой и писал матери: *«По возвращении в Россию приму все меры, чтобы обороняться от наплыва ненужных впечатлений. Перед моим взором теперь созревает план будущих литературных работ, которые создадут совсем новую форму литературы...»*

Среди его творческих замыслов — «философский кирпич» под заглавием «Теория символизма» и эпическая трилогия о философии русской истории «Восток или Запад». Первой частью этой трилогии стал опубликованный тогда же роман «Серебряный голубь», в котором заметно влияние Гоголя. Проза поэта, причудливая, импрессионистическая, буквально кипит и переливается в этом романе всеми цветами радуги. Писатель вывел здесь образ Аси, наделив ее своим воображением чертами «тургеневской девушки».

Россия с «разложившимся прошлым и нерожденным будущим» определяет содержание посвященного Некрасову сборника «Пепел», куда вошли жанровые стихи и вещи социальной направленности. В другой сборник А. Белого «Урна» включены стихотворения того же периода, во многом навеянные «петербургской драмой» поэта, его трагическим и возвышенным чувством к Любове Дмитриевне. *«В "Урне" я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому "Я", — писал автор в предисловии к сборнику. В «Мусгагете», между тем, были изданы сборники фило-*

совских и критических статей А. Белого «Символизм» и «Арабески». Современники их, к сожалению, не оценили. Белого считали поэтом-мистиком, творцом необычных художественных форм, гением или сумасшедшим, пророком, паяцем — но только не теоретиком. Символисты не раз говорили, что «попытка Белого сойти с "пути безумий" на строгий путь критической мысли не могла не закончиться полной неудачей».

Раздраженный и растерянный, испытывающий нужду в средствах, Борис Николаевич и его жена весной 1911 года вернулись в Россию. В поисках случайного заработка он подрабатывал в мелких газетенках и журналах, скитался по углам, которые предоставляли ему сердобольные знакомые. Хроническое безденежье приводило его в удрученное состояние. Доведенный до отчаяния, он писал в середине года Блоку: *«... Через 2 недели я зареву благим матом у всех порогов богатой буржуазной сволочи: "Подайте, Христа ради, А. Белому"».* Невзирая на сложные и запутанные отношения между знаменитыми поэтами, благородный Александр Александрович тут же выслал другу необходимые деньги. Это поддержало его на какое-то время.

Слегка воспрянув духом, Белый принялся за вторую часть «Серебряного голубя». Основной темой нового произведения выступает Петербург как неживое видение, злое марево, скрывающее перекрестие двух главных тенденций

исторического развития России. Жители этого зловещего города-призрака несут в себе губительную двойственность, противоречия, отравляющие их сознание и повлиявшие на жизнь и судьбу самого автора.

«Апполон Апполонович (Аблеухов) не хотел думать далее: непокойные острова — раздавить, раздавить! Приковать их к земле железом огромного моста и проткнуть во всех направлениях проспектными стрелами... Мокрый, скользкий проспект пересекался мокрым проспектом под прямым, девяностоградусным углом; в точке пересечения линий стал городской...» Ну, как тут не вспомнить блоковское: *«Ночь, улица, фонарь, аптека. Бессмысленный и тусклый свет...»* Первый в мировой литературе «роман сознания». Абсолютный шедевр русской орнаментальной прозы.

После выхода романа Белый становится живым классиком. Приходит относительная материальная независимость, позволившая ему в 1912 году вновь отправиться с женой за границу. В Германии Борис Николаевич познакомился с основателем популярного антропософского движения австрийским доктором философии, лектором и социальным реформатором Р. Штейнером и сделался с тех пор его верным последователем. Переехав в 14-м году в Швейцарию, супруги Бугаевы вместе с другими последователями идей Штейнера участвовали в строительстве фантастического Иоаннова храма.

Литературному творчеству Белого это увлечение едва ли пошло на пользу. Погрузившись во внутреннее самопознание, писатель явно «не дотянул» до уровня «Петербурга» два своих последующих, автобиографических романа — «Котик Летаев» (1917) и «Крещеный китаец» (1921). Февральская революция встряхнула его сознание. Он увидел в ней неизбежный прорыв к спасению России. И столь же радостно встретил поначалу Октябрьскую революцию. Прославленному символисту она казалась величественным символом *«спасительного освобождения творческих начал от инерции застоя, возможностью выхода России на новый виток духовного развития»*.

В предшествовавшие революции годы сумасшедшие поездки за Штайнером по всей Европе, лихорадочные лекционные выступления в разных городах на темы мировой культуры и философии (включая Ницше и Шопенгауэра) явственно обозначили душевную разность супругов Бугаевых. Еще в 1913 году Ася поставила мужу ультиматум: *«Я не жена тебе»*.

«Ася объявила мне, что в антропософии она окончательно осознала свой путь как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем лишь брат с сестрой... Все мои усилия протянуться к Асе и поведать ей мой внутренний мир, — писал позднее Белый, — разбиваются о какую-то корку ледяной холодности, равнодушия... Я не мыслю себе недели, проведенной без нее,

*С первой женой
Асей
Тургеневой*

а она — как будто вовсе не нуждается во мне».

В Россию супруги вернулись в 18-м году уже вполне отчужденными друг от друга людьми.

Большевики встретили писателя весьма приветливо. В то время, когда значительная часть творческой интеллигенции бежала из объята Гражданской войной страны, укрепляющаяся советская власть, остро нуждаясь в крупных именах, старалась «встроить» А. Белого, как и А. Блока, в складывающийся механизм своей идеологической политики.

Блок сперва восторженно призывал собратьев по перу «слушать

музыку Революции» и в одночасье написал языком петроградской улицы проникнутую революционной стихией поэму «Двенадцать», возглавив в финале красногвардейский патруль фигурой Иисуса Христа «в белом венчике из роз» — словно впереди двенадцати апостолов обновленного мира. Белый откликнулся на октябрьские события поэмой «Христос» (1918), главный герой которой является светлым символом космической революции. Блок, правда, замолчал после издания «Двенадцати», а Белый попробовал «вписаться» в советскую реальность публицистическими произведениями «Очерк», «Революция

*Со второй
женой
Клавдией
Васильевой*

и культура» и сборником стихов «Звезда». Тяготая к идеям так называемого «духовного коммунизма», он в первые послереволюционные годы вслед за В. Брюсовым, пафосно величавшим себя «поэтом-коммунистом», активно откликнулся на призыв партии развернуть культурно-просветительскую работу в массах и неустанно трудился оратором, лектором, педагогом.

Но уже к 20-му году ему стало в Петрограде тяжело и тоскливо жить. Он стал мечтать о «побеге» за границу, по своему обыкновению, всем разболтал о вынашиваемых планах, и сам же дико пугался насмешливых вопросов друзей о сроках «побега».

И все же летом 1921 года Борис Николаевичу удалось выехать в Европу для организации издания своих книг. Назревавший исподволь разрыв со Штайнером повлек за собой окончательное расставание

с Асей, на которое наложилась боль воспоминаний о Любове Дмитриевне.

Все это привело Белого в совершенно невменяемое состояние. Чинный Берлин оказался изумленным свидетелем затянувшейся истерии знаменитого русского писателя и поэта, сопровождавшейся пьяными танцами. Эмиграция, относившаяся к нему настороженно за то, что он остался в советской России, злорадствовала. Полубезумные фокстроты и польки на верандах берлинских кафе сменялись приступами глубокой депрессии. Белый, словно нарочно, пытался растоптать лучшее в себе, заглушить сердечную муку.

В горячечном бреду, сохранив, тем не менее, остатки свойственной ему хитрости, он сумел загладить вину перед советским посольством, выхлопотал себе въездную визу и уехал в Москву. Там 7 августа 1921 года

его настигла весть о кончине Блока. Борис Николаевич очень тяжело переживал утрату. Написанный им некролог начинался словами:

Оглядываясь на пройденный путь, А. Белый особо выделял из 17 книг, выпущенных за границей, поэму «Госсолалия» — о космических

В

«1904 году Андрей Белый был еще очень молод, златокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Газетная подворотня гоготала над его стихами и прозой, поражавшими новизной, дерзостью, иногда — проблесками гениальности. Другое дело — почему его гений был впоследствии загублен... Ведь им искренне восхищались. В его присутствии все словно менялось, смещалось или озарялось его светом... Кажется, даже те, кто ему завидовал, были немножко в него влюблены...»

«Скончался А.А. Блок — первый поэт современности, смолк первый голос, оборвалась песнь песней».

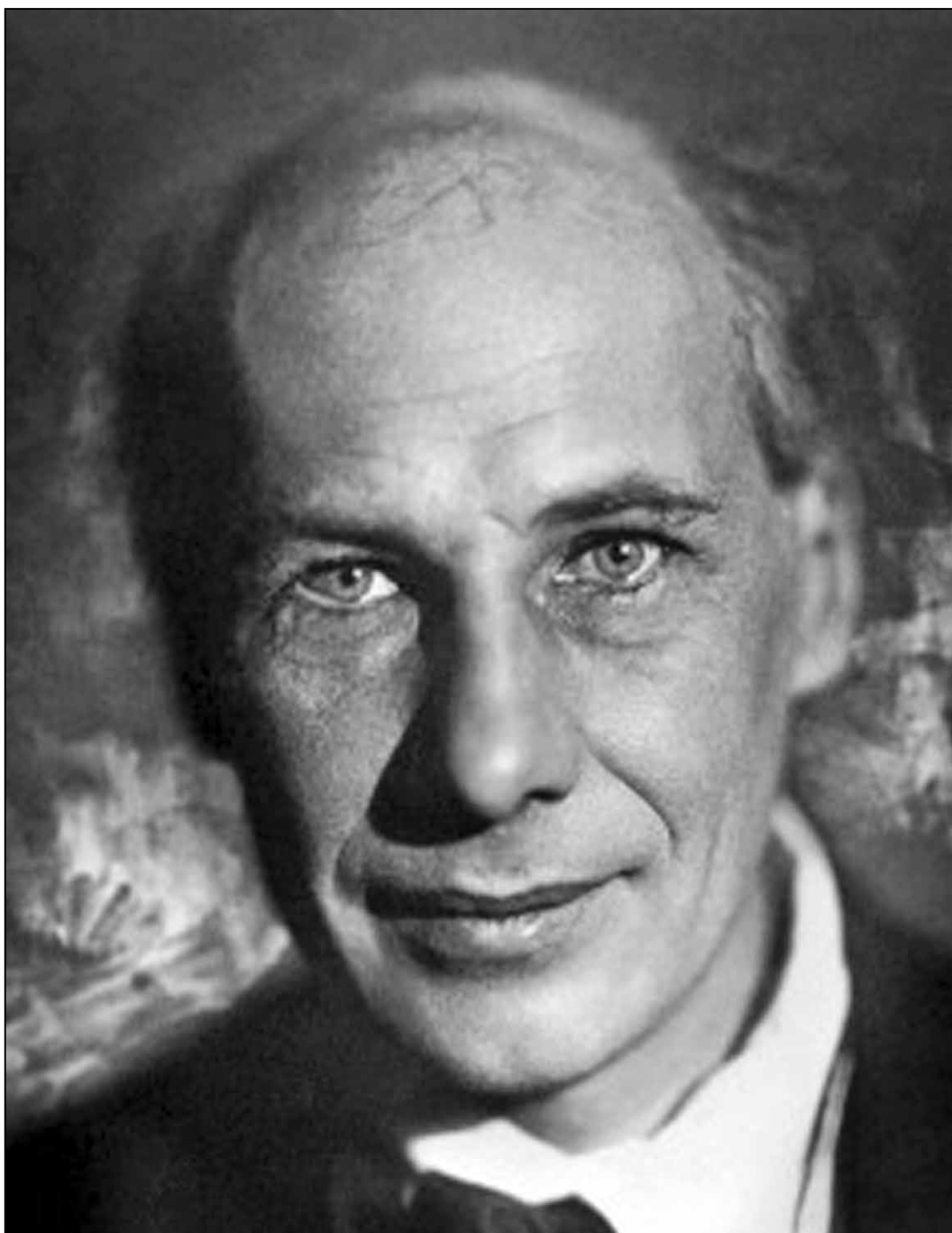
*Ни слова я... И снова я один
Бреду, судьба моя, сквозь ряд
твоих годин.
Судьба железная задавит дни мои.
Судьба железная: верни ее —
верни!*

*.....
Мы искони одни: над нами
замкнут круг.
Мой одинокий, мой далекий друг...*

Ася Тургенева канула в прошлое. В жизни Бориса Николаевича появилась тихая, ласковая женщина — Клавдия Николаевна Васильева, Клодя, как ласково называл ее писатель. Она полностью взяла на себя заботу о нем. В 1931 году они поженились. Жили бедно, трудно, зато в мире и согласии.

смыслах звуков человеческой речи. С годами его работоспособность и творческий накал не пошли на убыль. После возвращения домой он полностью переключился на прозу. Но Белого почти не печатали. А в ящиках письменного стола росли стопки рукописей московской эпопеи. Эпический роман о Москве не сложился, были написаны только две первые части 1-го тома — «Московский чудаки» и «Москва под ударом», а из задуманного 2-го тома — «Маски». А не сложился он потому, что писатель стремился развернуть в нем панораму истории, лишившейся смысла.

Все последние годы Белый вдохновенно работал над замечательным мемуарным циклом в трех томах — «На рубеже двух столетий» (1930), «Начало века» (1933) и «Между двух революций» (1934), в котором ему удалось запечатлеть

ного наследия мужа, включающего литературные отрывки, наброски и тысячи интереснейших писем, выпустила книгу воспоминаний о нем.

В сохранившейся квартире на Арбате, в которой родился, прожил первые 26 лет жизни и которую всегда считал своим настоящим домом Андрей Белый, открыт мемориаль-

ный музей. Давно издан в «золотой» серии «Литературных памятников» роман «Петербург». Неоднократно издаются и переиздаются другие романы, сборники стихов и мемуарные произведения этого уникального поэта и прозаика. Он будет востребован всегда и вознаградит вдумчивого читателя волнующими открытиями. □

**Евгений
Тяжелников**
Первый
секретарь
ЦК ВЛКСМ

Неизгладимое

Членом ВЛКСМ стал в 1943 году, в дни прорыва блокады Ленинграда и разгрома фашистских полчищ в Сталинградской битве, а вскоре и был избран секретарем комитета ВЛКСМ школы. В 1948 году, в канун 30-летия комсомола, меня, секретаря факультетского бюро Челябинского пединститута, наградили По-

четной грамотой ЦК ВЛКСМ, а в следующем — удостоили именной стипендии ЦК ВЛКСМ.

В 1951 году, когда я уже был секретарем комитета ВЛКСМ пединститута, меня принял лидер Ленинского комсомола Н.А. Михайлов. Он интересовался жизнью и делами нашей вузовской организации и ком-

сомола Южного Урала (я был членом обкома ВЛКСМ) и дал много ценных советов и рекомендаций.

С глубоким сердечным волнением вспоминаю встречи с маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. В июне 1952 года в Челябинске на областном собрании партийно-комсомольского актива я впервые увидел и услышал его, командовавшего тогда войсками Уральского военного округа. Георгий Константинович подчеркнул выдающийся вклад южноуральцев в разгром немецкого фашизма: 265 стали Героями Советского Союза, более 50 — полными кавалерами ордена Славы. Челябинцы в составе Уральского добровольческого танкового корпуса участвовали в Курской битве, освобождении Польши, в Берлинской операции, завершив боевой путь 9 мая 1945 года в Праге.

Маршал говорил о легендарном вкладе трудящихся области: каждый второй снаряд и третий танк были из магнитогорской стали, Танкоград дал фронту 18,5 тысяч танков и 48,5 тысяч танковых моторов, почти 3 тысячи «катюш» поставил завод им. Колющенко — и настоятельно рекомендовал увековечить боевые и трудовые подвиги южноуральцев. Со временем появились великолепные памятники Челябинской добровольческой танковой бригаде, Танкограду, «Тыл — Фронту»...

...В ноябре 1957 года мы с супругой, отдыхая в Гаграх, пришли на концерт народного артиста СССР

Игоря Ильинского. И вдруг в ложе появился Г.К. Жуков, выведенный к тому времени из членов ЦК КПСС и его Президиума, освобожденный от должности министра обороны СССР. Зал встретил его многоминутной овацией. А великий актер продемонстрировал не только уникальный талант, но и читал басни, будто специально написанные для опального маршала.

22 февраля 1967 года я присутствовал на встрече Г.К.Жукова с профессорами и аспирантами Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвященной 25-летию Московской битвы. В актовом зале были развешаны карты, схемы, напомиравшие Ставку Верховного командования, когда маршал докладывал И.В. Сталину в канун решающего сражения. Г.К. Жуков подтвердил судьбоносное значение Московской битвы, «самого значительного события минувшей войны». Убедительно показал мудрость Верховного командования, умелые действия командиров, массовый героизм красноармейцев. Особо подчеркнул выдающийся вклад в разгром фашистов воинов Сибири, Урала и Дальнего Востока. С нескрываемой болью говорил о тысячах павших, память о которых должна быть вечной.

ЦК ВЛКСМ поддержал желание В.М. Пескова взять интервью у Г.К. Жукова в канун 25-летия Победы. И оно — «О НАШЕЙ ПОБЕДЕ» — было опубликовано в «Ком-

сомольской правде» 6 мая 1970 года. Георгий Константинович позвонил мне и сердечно поблагодарил Василия Михайловича и ЦК ВЛКСМ «за счастливую возможность изложить свою позицию 10-ти миллионам читателей «Комсомолки», донести ее до каждого человека. Был растроган и тем, что на фото он с любимой 12-летней дочкой Машей.

7 мая 1972 года я, секретарь ЦК ВЛКСМ Сурен Арутюнян и директор издательства «Молодая гвардия» Валерий Ганичев посетили Г.К.Жукова на даче в Сосновке. Горячо поздравив маршала с наступающим Днем Победы, я сказал: «Дорогой Георгий Константинович! Вы — четырежды Герой Советского Союза, кавалер шести орденов Ленина, двух орденов «Победы», Октябрьской Революции, трех орденов Красного Знамени, двух Суворова I степени и высших наград многих стран мира. Но одной награды у вас нет. Поэтому позвольте по поручению Центрального Комитета вручить вам Знак ЦК ВЛКСМ «ВОИНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ» и книгу-альбом о вашей легендарной боевой, государственной и партийной деятельности».

Было видно, как тронула Г.К. Жукова, его супругу Галину Алексеевну и их дочь Машу наша скромная комсомольская награда. Маршал заметил, что вся его военная деятельность связана с молодежью: в армии и на флоте в основном служили молодые воины. Напомнил

слова из своего интервью в «Комсомольской правде»: «Я считаю, что молодежь принесла главную жертву в войне... С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только узнали вкус жизни. Девятнадцать-двадцать лет — лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди... А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь... Мы, люди старшего поколения, этого не забудем».

Георгий Константинович тепло вспоминал пятилетнюю службу на Урале, неоднократные посещения Челябинской области, многолетнюю дружбу с Н.С. Патоличевым, первым секретарем обкома партии в годы войны. Показал потрясающей красоты саблю, изготовленную нашими златоустовскими мастерами и подаренную ему руководством области. Как рассказал мне М.С.Соломенцев, в прошлом главный инженер Златоустовского машзавода, это была точная копия сабли, подаренной южноуральцами И.В. Сталину в день его 70-летия.

В январе 1974 года развернулось соревнование комсомольцев и молодежи за почетное право по итогам работы, учебы и воинской службы быть сфотографированными у святыни советского народа — Зна-

мени Победы. О принятом решении я проинформировал Г.К. Жукова. Он горячо поддержал его и вместе с маршалами Советского Союза А.М. Василевским, И.Х. Баграмяном и В.И. Чуйковым, президентом АН СССР А.П. Александровым, трижды Героями Советского Союза А.И. Покрышкиным и И.Н. Кожедубом, легендарной партизанкой, Героем Советского Союза Н.В. Троян, летчиком-космонавтом, дважды Героем Советского Союза Г.Т. Береговым, писателями-фронтовиками М.А. Шолоховым, К.М. Симоновым и Б.Н. Полевым, композитором Д.Д. Шостаковичем и другими подписал Обращение, опубликованное в «Комсомольской правде» 13 марта 1974 года. В нем говорилось: «В Знамени Победы слились воедино знамена всех частей и соединений Армии и Флота, партизанских отрядов. Оно вобрало в себя беспримерный героизм, доблесть и мужество бойцов и командиров, сохранило теплоту рук фронтовых бригад, миллионов людей, которые самоотверженным трудом в тылу приближали 9 мая 1945 года. В нем частица души и сердца каждого советского патриота — воина и труженика.

Сфотографироваться у Знамени Победы — это очень почетное право. Ведь каждый, кто его заслужит, на какое-то мгновение в год 30-летия великой Победы станет на пост у священного Знамени нашей Родины».

Георгий Константинович намерен был участвовать в фотографирова-

нии победителей соревнования. Однако 18 июня 1974 года его сердце, до последнего удара отданное советскому народу, его Вооруженным Силам, остановилось. Ленинский комсомол низко склонил свои знамена перед вечной славой и памятью великого Маршала Победы.

Соревнование вызвало небывалый трудовой и творческий энтузиазм комсомольцев и молодежи. У бессмертного Знамени Победы были сфотографированы более 45 тысяч молодых гвардейцев пятилетки, отличников учебы и воинской службы, прославленных ученых, мастеров культуры и героев спорта.

Как дорогую реликвию храню и перечитываю «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова с автографом «...на память от автора. 9.V.72 г.»; «Так начиналась война» И.Х. Баграмяна — «На память о былом и незабываемом. 20-I-71 г.»; «Дело всей жизни» А.М.Василевского со словами: «Сердечно благодарю за Ваш огромный и беспредельно полезный труд, за Ваше внимание ко мне. С самыми добрыми пожеланиями Вам лично и всему комсомолу. Июнь 1975 г.» А поздравляя меня с 60-летием Октября, Александр Михайлович собственноручно, редким каллиграфическим почерком, написал: «В эти исторические дни хочется с особой сердечностью и любовью пожелать Вам, дорогой Евгений Михайлович, еще больших творческих успехов в Вашем огромном партийном труде на радость и сча-

*ВЛКСМ
вручен орден
Октябрьской
Революции*

стве нашей партии и Родины, пожелать Вам доброго здоровья, счастья и полного благополучия в Вашей жизни. Вместе с тем, дорогой Евгений Михайлович, сердечно благодарю Вас за постоянное внимание и доброе, быть может, не вполне заслуженное мною Ваше отношение ко мне. Спасибо, дорогой, за все содеянное Вами ради комсомола, ради партии. С сердечным приветом А.Василевский». К великому сожалению, через месяц, 5 де-

кабря 1977 года, Александра Михайловича, легендарного маршала, дважды Героя Советского Союза, кавалера семи орденов Ленина, двух орденов «Победы», Октябрьской Революции, не стало.

...22 февраля 1954 года стало началом грандиозной целинной эпопеи. В Кремле состоялось собрание добровольцев Москвы, Украины и Белоруссии, откликнувшихся на призыв ЦК КПСС. А 26 февраля

эшелон с посланцами Украины сделал остановку в Челябинске. Мне, члену обкома ВЛКСМ, было поручено их сопровождать. Побывали на ЧТЗ, встретились с тружениками, увидели могучие тракторы, на которых предстояло поднимать целину. В театре оперы и балета друзья участвовали в собрании челябинских добровольцев. Иван Рудской, лучший бригадир МТС Киевщины, сказал: «В дни, когда Советская Украина отмечает радостный праздник — 300-летие воссоединения Украины с Россией, десятки тысяч наших комсомольцев и молодежи решили поехать на целину, чтобы вместе со своими братьями — русскими, казахами и другими — освоить десятки миллионов гектаров новых земель». Бригада Рудского в первый же год подняла 3080 га целины в Кустанайской области, он стал Героем Социалистического Труда.

...15 марта 1974 года я участвовал в великолепных, душевных торжествах в Алма-Ате по случаю 20-летия целины. Л.И. Брежнев не скрывал своего волнения и гордости, что был вдохновителем этого грандиозного и благородного дела. Выступая, он сказал: «Освоение целинных и залежных земель — одна из самых ярких страниц в летописи созидательного труда советского народа... В русский язык, в языки других народов Советской страны прочно вошло новое слово — «целинник». А это значит, дорогие товарищи-целинники, что ваш труд увековечен

в памяти народной. Более высокой награды нет и, пожалуй, не может быть. Здесь, в этом зале много знакомых мне лиц... Не могу не сказать об Иване Ивановиче Иванове. Он родился в Ленинграде. А во время войны девятнадцатилетним пареньком защищал родной город. Был тяжело ранен, потерял обе ноги. После длительного лечения приехал в Казахстан и уже более 20 лет работает механизатором, и работает отлично. К его боевым наградам прибавились награды за трудовые подвиги на целинных землях — два ордена Ленина и Золотая Звезда Героя».

А я в своем выступлении рассказал о ленинградце Леониде Картаузове, человеку необычной судьбы. Лишившись в дни блокады родителей, он стал воспитанником 185-й стрелковой дивизии. Во время жестокого налета фашистских стервятников 12-летний «сын полка» был тяжело ранен, лишился обеих ног. Но юноша, познавший тяжелый труд, получивший военную закалку, не пал духом: учился, трудился, вступил в комсомол. Когда прозвучал призыв партии «На целину!», Леонид оказался в эшелоне добровольцев. Теперь-то многие знают, что, пройдя благополучно всех врачей, он попросил товарища предстать вместо себя перед хирургом. Так появилось на руках Картаузова медицинское заключение: «Здоров, для работы на целине — годен». Да, это была правда! На целинных землях теперь родного Казахстана Леонид Михайлович

стал лучшим трактористом, коммунистом, Героем Соцтруда.

Не успел закончить выступление, как ко мне подбегают помощник Генсека А.М.Александров и второй секретарь ЦК Компартии Казахстана В.К. Месяц. Они перепугались, не ввели ли в заблуждение Л.И. Брежнева. Я заверил, ошибки нет. Леонид — механизатор совхоза «Родина» Целиноградской области, а И.И. Иванов трудился в Карагандинской. Вскоре Леонид Картаузов стал депутатом Верховного Совета СССР. Выступая на торжественном заседании XVII съезда ВЛКСМ, он сказал: «Мы, ветераны советской деревни, с надеждой и верой смотрим на нашу смену, на вас, дорогие товарищи. И в ваши руки мы передаем будущее родной земли. Любите и берегите эту землю, чтобы она стала еще богаче и прекраснее».

А разве можно забыть 12 апреля 1961 года! В этот день я участвовал во Всесоюзном совещании ректоров и секретарей парткомов вузов в актовом зале МГУ. 10 часов утра. Министр В.П.Елютин подходит к трибуне. Но в этот миг раздается торжественный голос Юрия Левитана, сообщающий о первом в мире космическом полете Юрия Гагарина.

Я был участником торжественной встречи космонавта в Москве, грандиозного митинга на Красной площади. Подобное наблюдалось лишь 9 мая 1945 года, в день Великой Победы. Но тогда радость была со сле-

зами на глазах: дорогой ценой досталась она советскому народу. А тут — и всеобщая радость, и гордость, и величие.

...Великим счастьем для меня и миллионов комсомольских работников стало участие в грандиозных программах создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, сооружении КамАЗа и города Набережные Челны, в строительстве легендарного БАМа. Его первый ударный комсомольский отряд отправился на «СТРОЙКУ ВЕКА» из Кремлевского Дворца 27 апреля 1974 года под громовые аплодисменты делегатов XVII съезда ВЛКСМ.

Ударным делом комсомола в те годы были не только гиганты промышленности, Нечерноземье, но и участие в создании Уральского и Дальневосточного отделений АН СССР, уникального медицинского центра академика Илизарова в Кургане, единственного в мире детского музыкального театра Наталии Сац в Москве. А советское студенчество на века оставило рукотворный памятник первому космонавту — город Гагарин.

Мне и моим коллегам посчастливилось активно и плодотворно сотрудничать с великими учеными М.В. Келдышем, А.П. Александровым, лауреатами Нобелевской премии Н.Г. Басовым и А.М. Прохоровым, ректорами МГУ академиками Р.В.Хохловым и А.А. Логуновым. Регулярными стали школы молодых ученых. АН СССР по пред-

*С Юрием
Гагариным*

ложению ЦК ВЛКСМ учредила пять премий студентам за успехи в научно-техническом творчестве, которые вручались на ее ежегодных общих собраниях.

Полвека нашей братской дружбе с гениальным хореографом Юрием Григоровичем, народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР и современной Российской Федерации. Как и с его покойной музой Наталией Бессмертновой, народной артисткой СССР, лауреатом Ленинской и

Государственных премий и премии Ленинского комсомола, депутатом Верховного Совета СССР.

С ЦК ВЛКСМ активно сотрудничали лидеры творческих союзов Константин Федин и Георгий Марков, Тихон Хренников, Лев Кулиджанов, Николай Томский, а также Михаил Шолохов, Константин Симонов, Борис Полевой, Сергей Смирнов. Регулярными были совещания молодых писателей и кинематографистов, выставки молодых художников. Мастера культуры, в их числе

лауреаты премии Ленинского комсомола Александра Пахмутова (Герой Социалистического Труда), Николай Добронравов, Иосиф Кобзон, Андрей Дементьев, Давид Тухманов, Лев Лещенко, Георгий Мовсесян, Борис Акимов, Надежда Павлова, Вячеслав Гордеев, Людмила Семеняка, Евгений Мартынов, Валентина Толкунова, Игорь Лученок, Александр Морозов, Олег Иванов... выступали на всех молодежных форумах, ударных комсомольских стройках, в Армии и на Флоте.

Назову некоторые инициативы, одобренные ЦК ВЛКСМ и ставшие воистину массовыми: «Ни одного отстающего рядом», «Каждому молодому труженику среднее образование», «Комсомол — сельской школе», «С аттестатом зрелости — на вторую целину» (в Нечерноземье), «За высшую производительность труда и честь заводской марки», «От значка ГТО — к олимпийской медали»...

10 июля 1968 года на пленуме Ленинградского обкома ВЛКСМ я познакомился со Степаном Степановичем Витченко. Полковник запаса, он пришел на завод «Электросила» слесарем. Затем возглавил бригаду из «трудных» подростков и вывел ее в передовые. Ребята не только ударно трудились, но и учились, занимались спортом, техническим творчеством. Было положено начало уникальному движению наставничества. За семь лет его школу труда

и жизни прошли 107 молодых рабочих не с самыми легкими судьбами и характерами. Все стали комсомольцами, а 9 из них — коммунистами.

Наставничество получило энергичную поддержку ЦК КПСС, ВЦСПС, министерств и ведомств. Выступая на XVII съезде ВЛКСМ, Л.И. Брежнев подчеркнул: «Наставники как бы передают эстафету труда из настоящего в будущее... Хорошо, что комсомол работает рука об руку с наставниками, всячески поддерживает это прекрасное начинание».

ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС учредили совместный нагрудный знак «Наставнику молодежи», а затем была учреждена и государственная медаль.

В 1972 году по инициативе ЦК ВЛКСМ в жизнь вошел новый комплекс ГТО. Председателем его Центрального совета был утвержден летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Алексей Леонов. Стали проводиться Всесоюзные соревнования по ГТО (от класса, бригады — до первенства страны). Чемпионам СССР присваивалось звание мастера спорта. ГТО стал программой и нормативной основой советской системы физического воспитания юношества. ЦК ВЛКСМ учредил призы имени Ю.А. Гагарина для республиканских, краевых и областных комсомольских организаций, добившихся наилучших результатов в развитии физкультурно-массовой работы среди комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников.

*С Юрием
Григоричем,
Наталией
Бессмерт-
новой
и Алексеем
Леоновым*

Важным событием в истории комсомола и советской пионерии стали соревнования Дворцов пионеров по шахматам. Замечу, все советские чемпионы мира по шахматам были воспитанниками Дворцов пионеров. Идею ЦК ВЛКСМ энергично поддерживали Михаил Ботвинник и его прославленные преемники. Команду Дворца (6 мальчиков и 1 девочка) возглавлял гроссмейстер — его воспитанник. В числе первых юных пионеров-шахматистов были Гарри Каспаров, Майя Чибурданидзе...

В ходе Международного совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 5–17 июня 1969 г.) я познакомился практически со всеми их лидерами. С глубоким волнением вспоминаю встречи и беседы с легендарной Долорес Ибаррури как в Москве, так и в Мадриде после

возвращения на Родину. Вместе с М.А. Сусловым, Б.Н. Пономаревым и В.В. Терешковой я был среди провожавших ее в аэропорту.

Неизгладимый след оставили встречи и беседы с Хо Ши Мином, Фиделем и Раулем Кастро, другими лидерами братских стран. А разве можно забыть встречи и беседы с Сальвадором Альенде, Луисом Корваланом, Роднеем Арисменди, Гэсом Холлом, с гениальным поэтом Пабло Неруда, художником Альфаро Сикейросом, поэтом и композитором Виктором Хара...

Незабываемы Всемирные фестивалы молодежи и студентов. Я был участником VI и XII в Москве, возглавлял делегации на IX-м в Софии, X-м в Берлине и на многих других международных молодежных форумах.

Все это и многое другое навсегда осталось в моем сердце.. □

Дмитрий Зелов

БРАТЦЕВО

тайны и загадки
усадьбы-призрака

Усадьба-невидимка

Мимо этой старинной усадьбы, притулившейся на самой окраине российской столицы, ежедневно проезжают тысячи, да что там тысячи, десятки тысяч людей. Проезжают — и в упор не видят! Даже не подозревают, сколько удивительных

тайн и загадок связано с ней и окружающей ее местностью. Спросите, как такое может быть? Ларчик открывается просто: усадебный дом, и поныне надежно укрытый от взглядов посторонних остатками некогда большого тенистого парка, в который так приятно погрузиться в жаркий погожий день, расположился

в невероятно выигрышном месте, на самой вершине речной долины Сходни. Отсюда еще век назад открывался потрясающей красоты вид на окрестности. Ныне же, в самой низине ее котловины, шумит своим бесконечным потоком Московская кольцевая автомобильная дорога: стремительно проносящиеся по ней водители просто-напросто не успевают, да и не могут задрать голову вверх, чтобы увидеть открывающийся на мгновение на вершине холма красивый усадебный дом.

И уж тем более мало кто знает, что буквально через дорогу от усадебного парка любой желающий может прикоснуться к еще более древней истории — церкви Покрова, выстроенной в камне в 1672 году, о чем свидетельствует выполненная затейливой древнерусской вязью надпись на храмовой плите, вмонтированной в наружную стену: «Лета 7180 августа в 30 день при державе Великого Государя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и малыя и белыя России Самодержца построил сию церковь в вотчине своей в селе Братцове боярин и оружейничий Богдан Матвеевич — тезоименитое имя Иов-Хитрово и жена его боярыня Мария Ивановна». Правда, с дороги церковь не видна и, чтобы добраться до нее, нужно пройти через коттеджный поселок, не так давно выросший на месте существовавшего здесь вплоть до московской Олимпиады села.

Так вот, ровно за столетие до сооружения ныне существующей церкви это самое Братцево выкупил у Троице-Сергиева монастыря постельничий Дмитрий Иванович Годунов, приходившийся первому выборному царю на Руси родным дядей. Как известно, будущий правитель Московии рано лишился отца (в 17 лет) и был взят на воспитание в семью своего дяди. Именно Дмитрий Годунов оказал на пытливого и способного юношу колоссальное морально-нравственное воздействие, и не будет преувеличением сказать, что именно дядя во многом сформировал личность царя Бориса. Если бы резко пошедший в гору во времена опричнины вяземский боярин не тянул везде за собою своего способного не по годам племянника, Борис Годунов никогда бы не вошел в самый ближний круг московского двора, не женился бы на дочери Малюты Скуратова Марии и не стал бы после восшествия в 1584 году на престол сына Ивана Грозного Федора Иоанновича царским шурином и фактическим правителем Русского государства.

Кстати, Дмитрий Годунов остановил свой выбор на Братцеве, бывшим тогда дальним подмосковным селом, отнюдь неспроста. Во-первых, в соседнем Путилкове, что расположилось на противоположном берегу Сходни, у бывшего вяземского боярина к тому времени уже был свой двор. А во-вторых (и это обстоятельство, видимо, сыграло весьма зна-

чительную роль при формировании окончательного выбора дяди будущего царя) совсем рядом с Братцево расположен уникальный природный феномен, мимо которого пылкий и склонный к разгадке тайн и загадок ум его племянника никак не мог пройти. Имя этому явлению — Сходненская чаша.

Загадки Сходненской чаши

Что любая речка петляет — знают все. Но чтобы настолько! Именно здесь, в Братцево, единственный раз на всем протяжении своего пути Сходня делает гигантскую петлю, встав в основание которой, можно сразу увидеть четыре берега одной и той же реки! Таких мест на планете не так много, в России можно пересчитать буквально по пальцам, а в Москве — так точно одно-единственное на всю столицу.

Сейчас Сходненская чаша, глубина которой составляет 40 м (!), очень сильно заросла, и понять масштаб явления можно разве что на подробных картах местности или благодаря снимкам вездесущих квадрокоптеров. Но еще совсем недавно, в 70-е годы прошлого столетия, когда окрестности этой московской окраины начали застраиваться типовыми многоэтажками, а деревья и кустарники еще не разрослись, местным старожилам открывалась потрясающей красоты картина: стоя на самом краю гигантского природ-

ного амфитеатра, они любовались поблескивающей в лучах солнца далеко внизу Сходней, фантастически-загадочная петля которой точно соответствовала начертанию греческой буквы «омега».

Что это: игра природы или?.. «Омега», как известно, последняя буква греческого алфавита, преобразованной версией которого благодаря солунским братьям Кириллу и Мефодию мы пользуемся и по сей день. А поговорка «альфа и омега», символически обозначающая начало и конец всего сущего, стала притчей во языцех. Нет ли тут закодированного для нас свыше послания? Тем более что о происхождении Сходненской чаши, в которой и вокруг которой чувствительная техника не раз фиксировала появление невидимых человеческому глазу полупрозрачных плазмоидов, уже не одно десятилетие спорят ученые, да и просто любители всего необычного и загадочного. Версии при этом выдвигаются самые невероятные: от падения в седой древности гигантского метеорита типа Тунгусского до инопланетного происхождения гигантской впадины. Истина, как известно, рождается в спорах и лежит где-то посередине...

Где искать сокровища Тушинского вора?

В самый разгар Смутного времени, после гибели Лжедмитрия I, его миссию подхватил новый самозванец —

*Церковь
Покрова*

Лжедмитрий II. Кем он был на самом деле, историкам так и не удалось установить. И, в отличие от своего предшественника, этому самопровозглашенному царю так и не удалось, несмотря на все попытки, взять столицу Русского государства. Зато в непосредственной близости от Москвы, в соседнем с Братцево Тушино, где он встал огромным лагерем вместе со своими соратниками, Лжедмитрий II на короткий период создал, по сути, альтернативное центральной власти государство, за что и получил в истории лаконич-

ное прозвище — «Тушинский вор».

Укрепленный, обнесенный частоколом древо-земляной стан самозванца находился на высоком холме за Волоколамской дорогой, приблизительно в том месте, где Сходня впадает в Москва-реку. После разгрома и бегства в 1610 году тушинцев, «Царикова гора» (как прозвали окрестные жители лагерь Лжедмитрия II) подверглась разорению и сожжению. Впрочем, по воспоминаниям местных старожилов, руинированные остатки бывшей резиденции самозванца сохранялись вплоть до

начала XX века. А все предыдущее столетие местные жители и просто любители упорно искали спешно зарытые приспешниками Лжедмитрия II где-то поблизости несметные сокровища.

Искали долго, много, упорно. Да так и не нашли. На проверку оказалось, что народная молва отождествила стан тушинцев с расположенными поблизости славянскими курганами (Спасские курганы XI–XIII в.в.). Самый большой из них, по прозвищу Царская Могила, имел более 7 м в высоту и 20 м в диаметре —

именно с ним окрестная молва и связывала сокровища Лжедмитрия II.

Впрочем, раскопки конца XIX столетия, когда через эту местность прошла Московско-Виндавская железная дорога (в районе современной платформы «Трикоотажная»), к разочарованию многих, дали однозначный (и, увы!) отрицательный ответ на вопрос о сокровищах. Так, в курганной группе археологами была найдена характерная для домонгольской эпохи утварь и конская упряжь, а в развалинах бывшей резиденции самозванца обнаружили множество

ценных для истории свидетельств Смутного времени: ядра, стволы пицалей, бердыши, топоры, рогатины, русские кольчуги и польские панцири, а также русские и польские монеты. Всего более полутысячи предметов, пополнивших коллекцию Исторического музея.

А произведенные в бывшем стане самозванца в самом конце XIX века инженером-путейцем В.М. Политковским под руководством мастиго историка и археолога Ивана Егоровича Забелина раскопки подтвердили зафиксированные в хрониках того времени свидетельства о том, что тушинцы покидали свой лагерь в невероятной спешке.

Но напомним, что за те три года (1607–1610), пока существовал Тушинский лагерь, в нем перебивала практически вся русская знать (многие из которых не могли определиться, к кому же примкнуть, и постоянно метались между Москвой и станом Лжедмитрия II), в ставке самозванца действительно было накоплено весьма значительное количество ценностей. Спешно покидая свою резиденцию, в царивших в те годы хаосе и неразберихе верхушка тушинцев просто не могла далеко спрятать награбленное. Так что весьма вероятно, что сокровища Лжедмитрия II, зарытые где-то по соседству с Братцево, просто-напросто ждут своего счастливого часа, когда будут извлечены на свет под восхищенные вздохи изумленной публики.

Приют, сияньем муз одетый...

А вот что совершенно точно, так это то, что Братцево каким-то непостижимым образом помогало в разные времена и эпохи славе и известности творческих людей. Судите сами, именно для братцевской церкви Покрова лучший царский изограф XVII столетия Симон Ушаков выполнил вместе с коллегами по Оружейной палате масштабную работу по созданию иконостаса. Заказчиком выступил уже упоминавшийся Богдан Матвеевич Хитрово, устроитель церкви и глава Оружейной палаты. До наших дней с той поры из братцевской церкви сохранились «ушаковские» иконы праздничного чина, являющиеся признанными шедеврами церковной живописи второй половины XVII века и хранящиеся ныне в Третьяковской галерее.

Имя пейзажиста Ивана Шишкина широко известно во всем мире, и любая из его работ стоит ныне целое состояние. Вот только мало кто знает, что слава, пожалуй, самого известного русского художника началась... с Братцево. Летом 1866 года, уже вполне сформировавшийся, но еще толком никому не известный художник гостил там и написал этюд «Полдень. Окрестности Москвы. Братцево». На его основе через три года он создал картину «Полдень. Окрестности Москвы»: это полотно у него приобрел для своей галереи Павел Михайлович Третьяков. Имен-

Строганов Александр Сергеевич

но с той поры известность и популярность Шишкина как художника резко пошла в гору.

Еще одной загадкой Братцево является имя архитектора господского дома, выстроенного сразу после изгнания Наполеона из России в строгих канонах классицизма. Весьма вероятно, что зодчим выступил Андрей Воронихин, автор знаменитого Казанского собора в Петербурге. В пользу этой версии говорит и сильно выраженное стилевое сходство главного круглого зала братцевской усадьбы с Минеральным кабинетом Строгановского дворца (также созданного Воронихиным), и то обстоятельство, что сам архи-

Андрей Воронихин

тектор хоть и родился в семье крепостного, но, по упорно циркулировавшим еще с екатерининских времен слухам, являлся внебрачным сыном графа Александра Сергеевича Строганова, приобретшего в 1780 году Братцево. Впрочем, достаточно лишь беглого взгляда на портреты архитектора и президента Императорской академии художеств, чтобы понять, что это практически одно и то же лицо. Сходство прямо-таки невероятное!

Последним владельцем села был егермейстер двора князь Николай Сергеевич Щербатов, известный больше как директор Исторического музея. При нем на рубеже XIX–XX ве-

ков рядом с усадебным домом были построены сохранившиеся до наших дней водонапорная артезианская башня и каретно-ремонтные сараи, а также организовано телефонное сообщение с первопрестольной.

Герои вымышленные и реальные

В середине 30-х годов прошлого века страна буквально бредила полярными летчиками и моряками: их имена не сходили со страниц советских газет и журналов. После тяжелых, без единого продыха, многомесячных, полных, к тому же, смертельно-го риска трудовых будней героям Страны Советов как воздух был нужен заслуженный отдых. И знаменитый полярный исследователь, руководитель и вдохновитель советских арктических экспедиций, начальник Главсевморпути Отто Юльевич Шмидт присмотрел усадьбу Братцево под базу отдыха для своих подопечных. В эти годы к главному усадебному дому были пристроены два одноэтажных флигеля, которые (редкий случай!) не исказили первоначальный замысел архитектора XIX столетия, а крайне органично вписались в окружающий пейзаж, составив с ним одно целое. Тогда же, благодаря Шмидту, вхожему в высшие эшелоны власти, перед усадебным домом появились голубые ели. Из числа тех самых, что были посажены и растут у кремлевской стены.

В послевоенные годы Братцево стало Домом отдыха работников сцены, и красивые виды усадьбы и парка появились в целом ряде популярных советских и российских фильмов. Здесь и «Война и мир» Сергея Бондарчука, и «О бедном гусаре замолвите слово» Эльдара Рязанова, и «Отцы и дети» Вячеслава Никифорова, сцены фильмов «Барышня-крестьянка», «Бедная Настя», «Записки экспедитора Тайной канцелярии», а из последних картин — нашумевшая «Нелюбовь» Андрея Звягинцева, на многих кадрах которой легко узнаются виды загадочной Сходненской чаши.

...Как только удаляешься от привычной городской суеты и попадаешь в Братцево, сразу возникает ощущение, будто оказываешься в другом мире. По мере приближения к усадьбе картинки меняются с калейдоскопической скоростью: вот уютные, радующие глаз здания более чем столетней давности, воспроизводящие жизнь и быт давно ушедшего ближнего Подмосковья, вот сам усадебный дом позапрошлого столетия, в одном из окон которого, кажется, мелькнула стройная женская фигурка в длинном до пят платье, спешащая встретить подъезжающих в карете к парадному входу гостей... Но, обогнув усадебный дом, мы снова возвращаемся в наше время: внизу, в долине Сходни, на огромной скорости несутся тысячи машин... □

ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ

*Пенжоян
Григорий
Артемович*

Аня и Артем

У Ани из Конотопа было простое и понятное видение мира: он делился на медицину — и другое. При этом медицина была важнее и значительнее, чем все остальное, так что с выбором профессии Аня не затруднилась и в 1939 году поступила в медицинский институт в Краснодаре, где жила ее тетя.

Училась Аня отлично, но окончить вуз помешала война. В сорок первом институт эвакуировали, и Аня с тетей тоже уехала из Краснодара, а когда вернулась после войны — встретила Артема.

Артем воевал. В сорок третьем получил тяжелое осколочное ранение, и год провел в госпиталях, где проникся глубочайшим уважением к медикам, вернувшим его к жизни. Восстанавливался тяжело, домой

пришел неузнаваемым: сорок шесть кило веса при росте сто восемьдесят, руки-ноги перебиты... Качаясь на костылях, Артем брел по знакомому двору, и мама, увидевшая его с крыльца, не признала родного сына, запричитала: «Ой, где-то и мой бедный мальчик так скитается!»

В сорок шестом Артем и Аня поженились. Свадьбу играли во дворе, позвав всех соседей. Артем добыл кусок мяса, наварили борща, он и стал главным свадебным блюдом. В те времена наваристый кубанский борщ, да с мясом — это была настоящая роскошь.

Жили бедно. Аня по-прежнему мечтала о медицине, но родилась дочь, и стало вовсе не до учебы. Молока у молодой матери не было, и она ходила за коровьим молоком за десять километров в станицу.

Дом, работа, дети...

Мечта так и осталась мечтой.

Гриня

Много ли надо для счастья мальчишке?

Есть дружная семья — папа, мама, две сестры. Солнце светит, небо ясное, в перенаселенном дворе-стухатке на улице Седина не бывает ни тихо, ни скучно. Парусят на веревках штаны и простыни, в пыли под ногами желтеют кляксы падалицы с алычи, и процесс добычи воды из водоразборной колонки полон героического романтизма. Потянуться, ухватить горячую железную

ручку, лечь на нее пузом, повиснуть, кряхтя, и тогда под скрип рычага в недрах скважины гулко охнет, забурчит и вывалится из крана тугим стеклянным столбиком ледяная вода... Хорошо в Краснодаре!

А в Конотопе еще лучше. В Конотопе у мамы есть старшая сестра, которая еще и старшая медсестра в тубдиспансере, а это просто замечательное место!

— Мелким я там дневал и ночевал, — вспоминает Григорий Артемович Пенжоян. — Сейчас даже страшно подумать, ведь тубдиспансер — не самое подходящее место для ребенка. Но девать меня было некуда, а в диспансере мне, как родне «большого начальства» — старшей медсестры, — обеспечивали замечательную развлекательную программу. Процедуры, раздача лекарств, уколы... Было очень интересно!

— Тогда-то и потянуло вас к медицине?

— Да меня к ней еще до рождения тянуло — силой маминого желания! Она же всех вокруг делила на врачей и не врачей, и первые были больше, чем люди, чуть ли не боги! Детям своим мама желала только самого лучшего, в мечтах своих видела нас исключительно в белых халатах. Моя старшая сестра после школы подала документы в Политех, а маме сказала, что в Мед, чтобы оттянуть неизбежный скандал. Ох, какая у мамы истерика была, когда

все открылось! Но моя средняя сестра и я сами окончили медицинский, у средней сестры муж врач, дочь врач, у меня тоже — жена врач и сын врач. Дочка моя, правда, бросила медицинский после первого курса, хотя и училась отлично: сказала, не мое это, не могу видеть, как люди страдают. Ушла в экономисты, получила диплом, защитилась, но в итоге все равно работает в экономике здравоохранения. Так что мамину мечту мы, я считаю, реализовали, и я этому искренне рад.

— А специализацию себе вы как выбрали?

— О, это замечательная история!

Григорий

Хорошо быть лучшим студентом на курсе, будущим хирургом (да, да, непременно хирургом, это даже не обсуждается)!

Еще лучше быть счастливым женихом и без пяти минут мужем чудесной девушки-однокурсницы.

Вот только на свадьбу нужны деньги, а какие заработки у студента-практиканта?

80-й год, Гулькевичский район Краснодарского края, районная больница, стараниями главврача Пушмана — одна из лучших в СССР...

— И вот этот гениальный Аркадий Сергеевич Пушман собрал нас, практикантов, и сказал: «Ребята,

у меня осталась одна акушерка. Кто хочет заработать? Зарплату дам большую — сто двадцать рублей!», — вспоминает Пенжоян. — И я сразу же отважно руку поднял: «Я хочу!» У меня же свадьба, деньги нужны, так почему бы будущему великому хирургу не поработать немного простой акушеркой...

Оказалось, что все не так просто. О том, как дети рождаются, в теории Григорий знал, но на практике увидел впервые. Местный врач-гинеколог все объяснила, показала, научила принимать роды, и смысленный студент приступил к ответственной работе.

— Практика была обширная, работы хватало — еще бы, вместе со мной на всю больницу всего две акушерки! Я много работал и испытывал определенный кайф оттого, что все понял, все стало получаться, — рассказывает Пенжоян. — И вдруг поступает рожать девочка, у которой ребенок уже дней пять как замер, а она об этом не знала. Не было же тогда УЗИ. И вот я принимаю роды, у девочки истерика, ребенок уже мертв, а я все равно ему делаю искусственное дыхание, хотя и понимаю, что это уже бесполезно. Но как смириться с тем, что ничего нельзя сделать?! Меня этот случай просто потряс. Как же так, мы приходим к родам и не можем обеспечить их благополучие! Вот это стало для меня поворотным моментом. Я понял, чем хочу заниматься.

*Перинатальный
центр
ГБУЗ «ККБ №2»*

— Мужчина — и акушерство?

— Да, это поначалу на многих производило странное впечатление. Папа с мамой, когда я сообщил им, какую выбрал профессию, сетовали: нам, мол, стыдно говорить, кем ты работаешь. Это потом, много позже, появилась гордость за сына.

— А вы не жалели о своем выборе?

— Никогда! Я вообще в своей жизни ни о чем не жалею и ничего не хо-

тел бы изменить. Все сложилось именно так, как нужно. Случай это или судьба, но и события, и люди — все у меня подбиралось одно к одному. Когда я вернулся с практики, у нас началось акушерство, и вела его лучший в то время акушер-гинеколог Краснодарского края Меметова Урия Мерсалиевна — доцент кафедры, блестящий специалист, талантливый врач и педагог. Она не просто поддержала мой интерес к «не мужской специализации», но буквально

заразила меня своим энтузиазмом. Так сложилось, значит, я считаю, так было нужно.

Григорий Артемович

Выпускник с красным дипломом — VIP-персона на распределении. Отличник Пенжоян распределялся первым и мог выбирать, где работать после окончания мединститута, но категорически не захотел оставаться в Краснодаре. Ткнул пальцем в карту — попал в Темрюк.

— Где это? — спросил.

Услышал в ответ:

— У моря, — и вопрос был решен.

— Море я просто обожаю, всегда мечтал жить у моря, — признается Пенжоян. — А еще мне в Темрюке пообещали дать квартиру, чего же еще желать молодому специалисту с семьей? Опять все сложилось, и я очень благодарен Светлане Павловне Холиной, которая тогда была там замом, и главврачу Пуще. Они посмотрели на меня — молодой, перспективный, стремящийся к росту — и дали мне возможность себя проявить. Через год меня назначили заведующим родильным отделением. Никто особо не желал, работа была тяжелая, а я взялся. И вскоре мы получили ультразвук — второй в крае. Прибор был советский, но это было нечто!

— Как будто новая эпоха открылась?

— Да, причем, и для отрасли, и для меня лично: на этом этапе хирурги начали мне, акушеру, завидовать! Они приходили ко мне в отделение, как в кино, чтобы посмотреть на желчные пузыри с камнями. Не верили, что можно их увидеть, не разрезав. Очень интересное время было — время интенсивного профессионального роста. Я в Темрюке четыре года проработал, у меня уже сын и дочь были, когда Ханкоев позвал меня к себе в Краснодар — в родильный дом. Сначала я был завотделением, потом стал замом Ханкоева, и вот с тех пор из больницы почти не выхожу. Уже 32 года!

Григорий Артемович Пенжоян — легендарный главврач «Краевой клинической больницы №2» министерства здравоохранения Краснодарского края. Несмотря на то, что по достижении пенсионного возраста он оставил ответственный пост, зримые успехи «Второй краевой» еще долго будут связывать с его именем. Сегодня Григорий Артемович — «пламенный мотор» двух новых краснодарских клиник, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства, гинекологии и перинатологии факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов Кубанского государственного медицинского университета. «Заслуженный врач РФ», «Отличник здравоохранения», награжден медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани» III степени, лауреат проекта

*Рождение
первой внучки*

«Профессиональная команда страны» в номинации «Здравоохранение».

— Григорий Артемович, а как удавалось совмещать разноплановую деятельность: доктор и администратор — это же разные функции?

— Совершенно разные, даже взаимоисключающие! Важно это понимать и расставлять приоритеты, — соглашается Пенжоян. — Знаете, когда я пришел на должность главного врача, моя мудрая жена сказала мне: «Помни, это все временно. Сегодня ты главный врач, а завтра придет более талантливый организатор или поменяются требования, условия, и администратором ты уже не будешь. А вот врачом ты останешься, и в этом качестве будешь нужен всегда».

— То есть, врач — это первично?

— Вне всякого сомнения! Как администратор я всегда был менее ценен. С таким же успехом на этот пост можно было поставить менеджера-управленца, который руководил бы больницей точно так же, как любым другим предприятием. Но меня однажды один очень, очень высокопоставленный государственный муж спросил, что выгоднее всего делать в лечебных учреждениях с точки зрения экономики, и я дал честный ответ, на что мне один из товарищей, отойдя за спину спрашивающего, пальцем у виска покрутил. Я сказал: выгоднее всего строить морги. А если все же думать о живых людях, то нельзя во главу угла ставить выгоду. Соображения экономики важны, но в здравоохранении не они должны

Первый внук

быть главными. Первая задача, которая стоит перед нами: спасти жизни и беречь здоровье людей. Остальное — вторично, хотя деньги, конечно, считать нужно.

— Но этих денег достаточно, чтобы развиваться?

— Грех жаловаться, нельзя сказать, что в последние годы нас в чем-то обделяли. Мы в нашей больнице увеличивали заработную плату и даже опережали в этом вопросе майские указы президента. Подспорьем была внебюджетная деятельность — она дает 15% зарплаты. И новое оборудование можно покупать, и новые здания строить. Но всегда хочется больше. Я, знаете, как и любой психически нормальный главный врач, в этом был похож на собачку, которая уплетет все мясо

в миске, которую ей поставят. Всегда есть острая потребность в финансах и ресурсах. Хочется и это, и это...

— Вы два года были депутатом Городской думы Краснодара. Помогало ли это вашей работе?

— Это забирало много времени, но расширяло кругозор и углубляло понимание проблем. Плюс давало возможность контактировать с людьми, от которых зависят важные решения, и позволяло как-то на эти решения влиять. И помогать. И отстаивать свою точку зрения. Депутатская деятельность дала мне много полезного и интересного, а я, надеюсь, сделал что-то нужное для своих избирателей. Сейчас, когда с ними встречаюсь, я слышу слова благодарности, хотя это благодарность не лично мне — один человек

в государственном поле не воин. Это благодарность и своему депутату, и другим его коллегам, и вообще, государственному устройству.

— То есть, не так оно плохо, наше государственное устройство, как это представляется некоторым людям?

— Оно совсем не плохое! Государство устроено нормально, правильно, здоровый, успешно развивающийся организм.

— Это вы как доктор говорите?

— Как доктор я даже больше скажу: совершенно нормально конструктивно критиковать государственное устройство. Мы же хотим что-то улучшить в своем доме, в своей квартире? Желать полезных перемен необходимо, это залог развития. Вот только менять, мне кажется, нужно не столько государство, сколько людей. Система барахлит там, где люди не на своем месте — некомпетентные или просто непорядочные.

— А чего вы на своем месте хотели бы добиться?

— Как бывший главврач больницы я очень хочу, чтобы завершилась реконструкция перинатального центра. Как гражданин хочу, чтобы каждый понимал свою ответственность. У нас ведь ответственность государства колоссальная, а ответственность каждого за свою собственную жизнь минимизирована. Эту ментальность надо менять.

Еще я бы сделал все для того, чтобы не ослабла волна патриотизма. Мне противно и стыдно, когда мы хаем все, что есть у нас в стране, но при этом тут живем, зарабатываем, растим детей. А за границу едем развлекаться, и говорим, что там лучше. Вот я опять про экономику скажу: по-моему, все деньги, которые зарабатываются здесь, должны и тратиться здесь. Я понимаю, что это противоречит желаниям собственников, но необходимо, чтобы владельцы больших денег вкладывали свои средства в нашу страну, в ее развитие, в ее экономику.

— Как в этой связи вы оцениваете санкционный режим?

— Очевидно, что он для нас позитивен. Вот медики жалуются, что у нас нет своего производства. А я недавно был в Геленджике на конференции, где министры рассказывали о вкладе современной промышленности в производство. Слава богу, мы начинаем делать то, что раньше только ввозили! Конечно, в основном, это пока отверточная сборка, но наша физика, наши технологии заслуживают внимания, и их нужно развивать.

— А если вернуться к здравоохранению, что нужно сделать здесь?

— А здесь нам надо костыми ложиться, чтобы доступность к качественному здравоохранению была шаговая. Создание фельдшерско-акушерских пунктов снизит смерт-

ность очень существенно! При одном условии: если мы достигнем до населения, тогда ответственность людей за свою жизнь вырастет и будет идти параллельно с ответственностью государства.

— Достучаться до населения, пожалуй, сложнее, чем создать сеть, о которой вы говорите?

— Боюсь, что так. Фельдшерско-акушерский пункт сделать не очень сложно, и денег это больших не стоит. Что нужно? Место для приема, простое оборудование и специалист, которого можно подготовить за три года. Для Кубани это не так актуально, у нас хорошая сеть дорог, но Сибирь, Урал, Север — там о шаговой доступности к качественному здравоохранению пока можно только мечтать.

— Вы несколько раз повторили, что довольны тем, как складывается ваша жизнь. Что в ней вам кажется особенно важным и значимым?

— Очень важно, что в Краснодаре есть настоящая высокотехнологичная краевая больница, где выполняются и операции по трансплантации органов, и эндоваскулярное стентирование при инфарктах, и высокотехнологичные акушерские операции. И эти направления будут развиваться.

А в личном плане для меня очень важно, что я по-человечески счастлив. У меня любимая жена, у меня 6 внуков — по 3 у дочки и сына. Свободного времени, правда, совсем

не бывает, в выходные особенно, но это такое счастье с ними общаться!

Аня и Аня

Хорошо быть доктором, профессором, признанным коллегами и почитаемым пациентами высококлассным специалистом.

А дедом быть еще лучше.

— Смотрите, как у нас Анечка заснула, младшая дочка сына. — Григорий Артемович показывает в телефоне фото, на котором мелкая егоза спит, лежа животом на диванном валике — так маленький Гриня висел на ручке колонки. — Внуки — это великое счастье. Я у них многому учусь. Они неожиданно глубоко мыслят! Как скажут что-нибудь... Младшей вот всего три с хвостиком, а уже серьезный человек.

— А в них вы видите продолжение династии?

— Я об этом пока не думаю и совершенно не довлею над их выбором. Будет продолжение — слава богу, не будет — не надо. Пусть идут туда, к чему душа лежит. Были бы здоровы, счастливы и не забывали деда.

— Как вы находите время на все?

— Никак! Мне его катастрофически не хватает, я неорганизованный человек. Вот хочется книжку почитать — бумажную, я электронные

*Впереди
сложные роды*

не терплю, а совершенно нет времени. Я вижу, что недорабатываю в каждом направлении.

— А как обстоит с отдыхом?

— С отдыхом у меня сложно. Мудрая супруга говорит, что уезжать со мной на отдых больше чем на неделю нельзя, будет сущее мучение. Отдых пузом кверху — не мое. Я через пару-тройку дней начинаю активничать.

— И что позволяет переключаться?

— Да внуки же. Это у меня лекарство от всех болезней и средство от всех бед. Закопаешься в какую-нибудь проблему, а внуки тебя вытащат, и понимаешь, что вот это важно: родные, друзья. Они у меня, в

основном, из детства и юности, еще с того самого двора на улице Седина. Работа тоже в радость. Если что-то интересное задумано и получается, то горишь от счастья, буквально искришь!

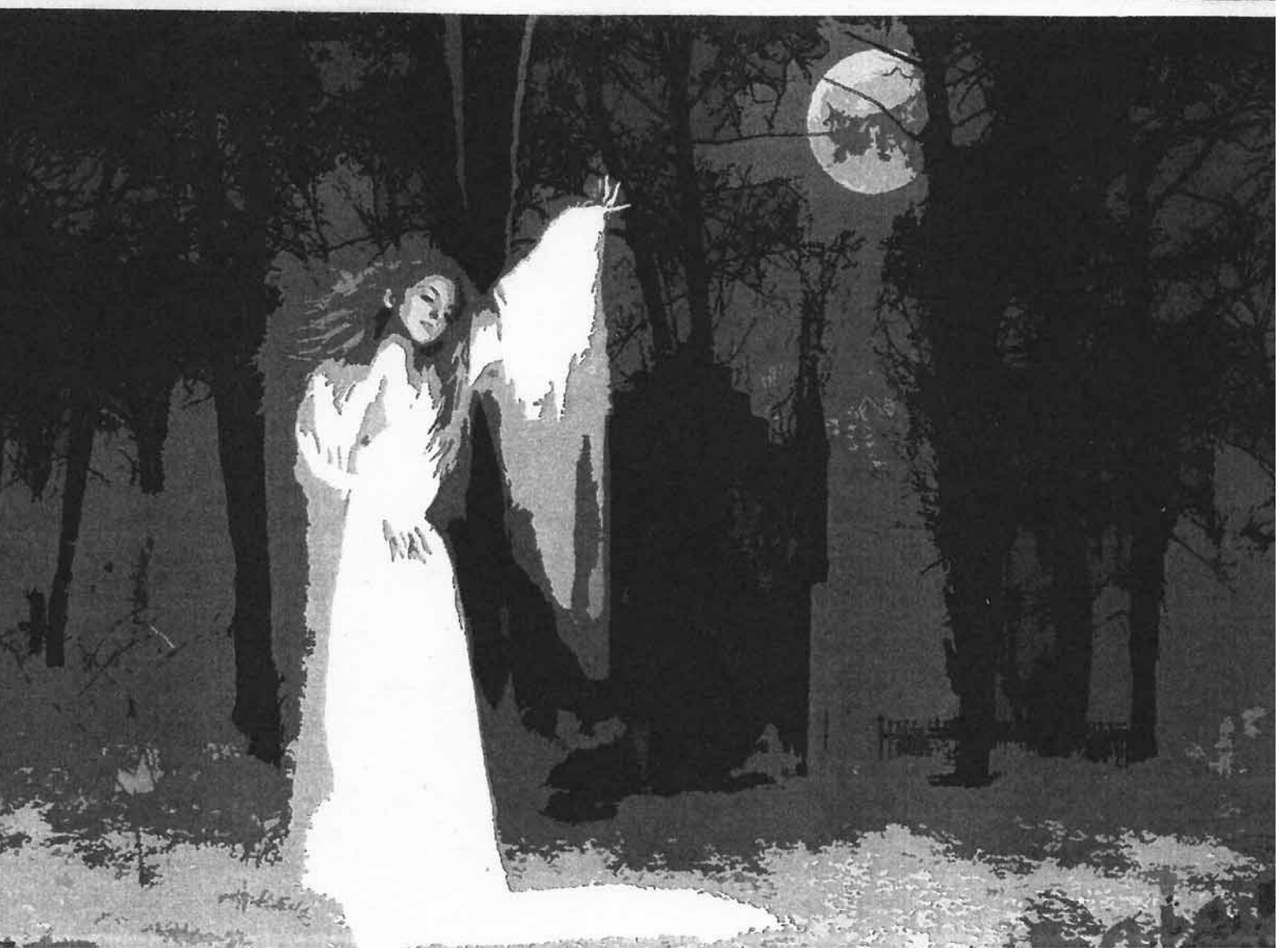
— Есть у вас какой-то ключевой жизненный принцип? Такое волшебное заклинание?

— Любить людей надо.

— Даже без взаимности?

— Если будешь ждать взаимности, это смерть всему. Просто люби. Мне этот принцип моя мама заложила.

Кстати, забыл сказать: среди моих внучек сразу две Анечки — и сын, и дочь назвали младших в честь любимой бабушки! □

Последняя картина

Возбужденный художник выхватил из кармана комбинезона свежую кисть. Приблизился к мольберту и уставился на картину с восхитительным пейзажем. Не отрывая от нее затуманенного взгляда, Виктор смешал на палитре нужные краски и потянулся к полотну. Одно нежное прикосновение, и на холст лег завершающий мазок. А одновременно с ним... будто вспышка фотоаппарата ударила, и безжизненная картина сразу задышала: размеренно и успокаивающе, подобно плеску морской волны, накатывающей на песчаный берег.

На цветущем лугу запорхали разноцветные бабочки, выписывая причудливые траектории. Зашелестели деревья, тихо аплодируя таланту мастера изумрудными ладошками-листьями. В пруду заплескались стайки серебристых рыб, наводя круги на зеркальной глади. Запели серенады соловьи, признаваясь в любви творцу. В небе зажглась радуга, и на землю посыпалась волшебная пыльца, сверкающая золотом в солнечных лучах.

В подвал ворвался аромат жгучей радости лета, испепеляя зловоние сырости, плесени и каменного уныния. Запахло свежестью зелени и чистой прохладой озера, ноздри защекотал тонкий шлейф мяты, хвойной смолы и сладкого хмеля. А еще — душистой земляники. Виктор даже

почувствовал на языке вкус: нежный, с легкой горчинкой — вкус беззаботного детства. В то далекое время они часто ходили с отцом в лес по ягоды.

На его худом, измученном лице засияла улыбка. В этот миг он почувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Виктор потряс головой, смахивая наваждение, наклонился к мольберту, чуть ли не уткнувшись в холст носом, и увидел крошечную червоточину на стволе дуба, которой раньше не замечал. Легонько поцарапал краску ногтем, и тут же раздался треск сухой древесины. Щелчок... и от векового ствола отлупился крупный кусок коры. Виктор отпрянул, словно кто-то по ту сторону картины разрядил в него охотничью двустволку. Из источенного нутра дерева посыпалась на землю серая труха, и на полотне начало разрастаться черное пятно, становившееся все больше и больше.

— Неживая, — пробормотал художник, не сводя взгляда с умирающего в объятиях гнили холста, от которого теперь несло холодом. — Губы его затряслись. — Опять неживая! Посредственность! Полный ноль! — сорвался он на крик, переходящий в визг. — Лишь краски извожу! Я... Я не творец... убийца красоты!

Развернувшись, Виктор подбежал к единственному окну, прорубленному в каменной кладке под потолком, легко вскочил на стоящий у стены полуметровый ящик, распахнул узкую форточку и высунул голову.

В подвальное помещение хлынул осенний воздух: прохладный и сырой. Он сделал глубокий вдох и по привычке зажмурился. Но ветер не бил его по лицу и не трепал черные пряди волос, а словно пролетал сквозь него, увлекая за собой остатки истлевшей злости, выскребая из души желчь обиды на собственную бездарность, отрезвляя разум и разгоняя грозовые тучи мыслей. С каждым новым порывом Виктор чувствовал себя лучше и лучше, а вскоре окончательно успокоился и открыл свои серо-голубые, выцветшие от времени глаза.

За окном его встретил обычный октябрьский день, такой же, как и все остальные. Холод, дождь, слякоть. Ни птиц, ни животных, ни людей. Вокруг лишь обнаженные деревья-сироты, стоящие могильными крестами над буро-желтыми останками листьев. Царство тягостного уныния и тоски, оставляющей до самой весны привкус болотной тины на губах.

«Немудрено, что в такую депрессивную погоду ничего не получается. Не день, а мечта самоубийцы. Впрочем, мыло и веревка — не мой выбор, с помощью них проблем решать не стану. С детства не люблю слишком тесные объятия и обожаю трудности».

Виктор ухмыльнулся, спрыгнул с деревянного ящика и снова подошел к мольберту. «Отдохнул — пора за работу! Есть у меня одна идея...»

Хотя на картине не осталось и следа от пугающих видений, она все равно стала уже отработанным материалом для него, поэтому он бросил холст на пол, в большую кучу других неудачных вариантов, взял со стеллажа чистый, заранее заготовленный, установил на стойку и погрузился в процесс...

Уже больше недели Виктор безвылазно просиживал в захламленном подвале — «созидательной лаборатории», как он сам называл это место. Не самое подходящее помещение для творчества, но ему нравилось. Только здесь, за толстыми каменными стенами, он чувствовал себя по-настоящему свободным от брэнного мира и мог писать. Хотя, скорее всего, дело в другом — в прогрессирующей с годами паранойе: художник боялся, что кто-нибудь украдет его идею раньше, чем он воплотит ее в жизнь.

Последний раз Виктор поднимался на первый этаж в прошлую субботу — перекинулся парой фраз с женой, прихватил из кладовки бутылку ацетона и тут же вернулся в свое убежище. Он не нуждался ни в сне, ни в пище и не чувствовал ни физического, ни душевного истощения. Шальная муза пробудила скрытые резервы и с усердием подгоняла его: «Твори! Твори!»

Творческое безумие и прежде накатывало на него, но надолго не задерживалось — на третьи сутки он всегда валялся с ног от усталости и засыпал. Сейчас же все происходило иначе: словно робот, Виктор писал одну картину за другой, и любая из них могла бы занять почетное место в выставочных залах лучших музеев мира. Шедевры... Один мимолетный взгляд на картину, и даже далекие от искусства люди потеряли бы от увиденного дар речи.

Вот только сам Виктор не считал их шедеврами — он упорно продолжал состязаться за лидерство с самим совершенством. Пока безуспешно... У него никак не получалось вдохнуть жизнь в свои творенья — под его тяжелым взглядом величественные мегаполисы рассыпались в прах, зеленеющие леса превращались в смердящее месиво гнили, а цветущие красавицы в старух, от вида которых бросало в дрожь. По крайней мере, для него реальность на картинах выглядела именно так.

Сверху донесся громкий шум, а следом звон бьющегося стекла.

«Что там вообще происходит?!»

Виктор бросил работу и помчался по скрипучим ступенькам деревянной лестницы наверх. Толкнул массивную дверь и шагнул в гостиную.

Поначалу он даже растерялся, подумав, что не туда зашел. Такого жуткого беспорядка в комнате он никогда еще не видел: белый диван и резная мебель перевернуты, вещи разбросаны, стойки с цветами опро-

кинуты, торшеры повалены, весь пол усеян осколками глиняных горшков и землей. Как будто в гостиную ворвался смерч и немного покуражился, испытывая свои разрушительные способности.

«Наверное, грабители... Пришли за полотнами!» — лихорадочно подумал Виктор, блуждал взглядом по комнате и мучительно размышляя, что предпринять. Огнестрельного оружия в доме он не держал, да и обращаться с ним не умел. Прогнать грабителей или расправиться с ними в одиночку ему бы не удалось. Природа не наградила ни богатырской силой, ни крепким телосложением. Он в жизни ничего тяжелее кисти не поднимал. Бежать? Не в его правилах — трусость художник презирал. Ему оставалось надеяться, что злодеи уже нашли ценные картины и убрались восвояси, не хотелось глупо умирать из-за кусков ткани, бездарно перемазанных краской.

Он поднял с пола чудом уцелевший горшок с фиолетово-синим соцветием и сразу вспомнил название — тилландсия, любимое комнатное растение жены, которая в цветке души не чаяла и ухаживала за ним, как за ребенком.

«Господи! О чем я вообще думал! Лена! Ее же могли... Нет-нет, прочь дурные мысли!»

Виктор заметался по первому этажу в поисках жены. Осмотрел обе спальни, гардеробную, библиотеку. Даже в ванной комнате в душевую кабинку залез. Елены нигде не было, как и грабителей. Радовало лишь одно — пятен крови он тоже не нашел. Затем направился в другую часть дома — в столовую. Похрустывая битым стеклом под ногами, обследовал все углы: проверил кладовую, заглянул под скатерть обеденного стола, перешерстил нижние ящики кухонного гарнитура. Никого... Отчаявшись, решил подняться на второй этаж, но вдруг услышал тихое всхлипывание, доносившееся от выходящего во внутренний двор окна. Сначала Виктор подумал, что ему просто померещилось, и сделал шаг к двери, но тут всхлип повторился. Он подбежал к окну, отдернул тяжелую гобеленовую штору и увидел жену.

Елена сидела на подоконнике, забравшись на него с ногами, и редела, закрывая лицо руками. Ее когда-то белоснежное вечернее платье, которое они купили для пятничной вечеринки у Соколовых, превратилось в изодранную половую тряпку, перепачканную на груди и спине пятнами ржавого цвета. Но Виктора это нисколько не волновало, главное, что жена была цела и невредима — ни ссадин, ни синяков, ни порезов. Ничего... Никаких следов насилия на руках и стройных ногах. Но тревога не исчезла — он все еще не мог разглядеть ее лица. У него даже сердце защемило от одной мысли о том, что могло бы случиться.

— Леночка, это я, — прошептал Виктор, легонько проведя пальцами по пряди каштановых волос, ниспадающей на плечо, но никакой реакции не последовало. — Лена! — повторил он, прикоснувшись к ее хрупкой руке. — Покажи... Что они сделали?

Жена не откликнулась, только судорожно вздохнула. Схватив за запястья, он освободил ее лицо из плена рук и, внимательно вглядевшись в него, чуть не запрыгал от счастья — с лицом Елены все было в порядке. Разрумянившиеся щеки и дорожки от слез — не в счет. Она всегда оставалась для него безупречно красивой, даже в таком потрепанном виде. Спустя три десятка лет совместной жизни он по-прежнему любил свою жену.

Правда, настораживал отрешенный взгляд, устремленный куда-то вдаль, сквозь него, отчего глаза Елены цвета раннего лета — ярко-зеленые — казались безжизненными.

— Что эти выродки сделали с тобой?! — спокойно спросил он, поглаживая жену по руке.

Елена вынырнула из оцепенения, неспешно, словно в замедленной съемке, повернула голову в сторону Виктора и, сфокусировав на нем взгляд, переспросила:

— Что?

— Что эти ублюдки с тобой сделали?

— Какие еще ублюдки?

— Те, что разгромили дом и довели тебя до такого состояния.

— К нам никто не приходил. Я здесь одна, совсем-совсем одна... — монотонно пробубнила Елена, и ее взгляд снова поплыл.

— Лена! Тогда кто?! Постой... Кажется, я догадался. Неужели это...

— Это я, к нам ведь никто не приходил. Хотя кому это важно? — безучастно ответила жена и снова всхлипнула.

— Мне важно! Очнись! Зачем ты это сделала?

— Зачем сделала... — повторила Елена, выныривая из состояния, похожего на транс. — Ты хочешь знать, зачем я это сделала?

— Хочу!

— Я расскажу тебе! — громко и яростно выкрикнула она, освобождаясь из объятий Виктора, и спрыгнула с подоконника. — Я тебе скажу, Виктор-р-р! Все скажу! Не буду больше тер-р-петь... — Лицо Елены даже посерело от злости.

За окном вдруг моментально стемнело, а в комнату прокрался полумрак, который рассеивался лишь вырывающимся из глубин подвала ярким светом. Откуда-то издали донесся приглушенный раскат грома, и по наружному подоконнику забарабанили крупные капли дождя, создавая

в голове Виктора зловещую мелодию. Он понимал, что изменения погоды никак не связаны с переменами в настроении Лены, и это просто глупое стечение обстоятельств, но ему все равно стало как-то жутковато.

— ...Как же я устала от никчемной жизни! — вслушался он в слова жены. — Что у меня есть? Ни-че-го! Чертовы посиделки с напыщенными соседками-аристократками, без устали триндящими лишь о чужом «грязном белье» и собственных болячках? Терпеть не могу этих старых марзаматичек, навещающих без приглашения в гости каждое воскресенье. Ненавижу наш гребаный двухэтажный особняк на отшибе жизни, со всеми его шестнадцатью комнатами. Ну, это же твоя мечта... Меня же и Москва вполне устраивала! Со всей ее грязью, вонью и толпами голодных бездомных. Когда я последний раз гуляла по магазинам? Я не о супермаркете, в который мы ездим за продуктами. Скажи, зачем нам столько комнат, если ты все равно не выходишь из своего подвала? Ты же художник, твои музы — одиночество и тишина, — передразнила Елена, повторяя когда-то сказанные мужем слова, даже интонацию выдержала. — А обо мне ты подумал? Мы всегда делали так, как хотелось тебе. Хоть раз спросил, чего хочу я? Спросил, а? Виктор, ты даже хобби мне придумал — весь дом цветами устала. Как же любимый муж обойдется без гармонии с природой?! Ну, так знай — я ненавижу этих зеленых гаденышей! Они просто бесят! Эти мерзкие запахи при цветении убивают меня, изо дня в день приходится пить препараты от аллергии. Но тебя это никогда не интересовало: ни раньше, ни сейчас. Тебя вообще ничего не волнует, кроме твоих чертовых картин.

«Сейчас начнется, — подумал Виктор, предугадывая фразы, которые вскоре дойдут до его ушей. — Извращенец. Блудливые девицы. Ни стыда, ни совести...»

— ...Готов с утра до вечера рисовать свою похабщину. Только и успеваешь менять полуголых девиц, вертящих задом по твоей прихоти. Где ты только таких берешь? Ни стыда, ни совести у них нет! При живой жене... Профурсетки! С тобой-то все ясно, что еще старому развратнику нужно, но ума не приложу, зачем это все твоим пернатым натурщицам? Сколько им платишь за услуги? Хотя нет, не хочу знать ответ. Черт, как же я им завидую! По-черному! У этих скудоумных созданий есть все, чего лишилась я: они молоды, красивы, у них все впереди. А что есть у меня?

Виктор не изменял супруге и даже повода не давал, руководствуясь принципом: «Один Бог, одна жизнь, одна жена». Но Елену это никогда не останавливало, собственно, как и сегодня. Последние месяца три ей хватало малейшего предлога, чтобы зацепиться и пустить в работу старую добрую бензопилу «Ревность». Она пилила мужа чуть ли не каждую неде-

лю. Раньше Виктор возражал, оправдывался, убеждал в том, что смотрит на натурщиц с чисто профессиональным интересом. Как женщины они ему безразличны, максимум — эстетическое наслаждение от процесса. Но он зря тратил время, Елена игнорировала доводы здравого смысла. Теперь он поумнел — молчал и соглашался со всем.

Усердно жестикулируя, Елена вновь заголосила:

— А у меня... ни-че-го! У меня нет будущего! Только место на кладбище, которое мы купили заранее, чтобы не переплачивать.

«Смерть всегда приходит не вовремя, к ней лучше готовиться заранее», — почему-то подумал Виктор и непроизвольно улыбнулся, хоть ему и было не до смеха.

— Ему еще и смешно! Гаденыш! Ненавижу! — с искаженным от злобы лицом вопила Елена, надвигаясь на него.

Виктор попятился к выходу, но она мгновенно ринулась в атаку, наступая босыми ногами прямо на осколки стекла. Подбежав к Виктору, Елена замахнулась для удара, но ударить не смогла — он перехватил ее запястье раньше. Жена повторила попытку свободной рукой, но тут же угодила в цепкие силки.

Она вырывалась, билась, ругалась и вопила, как сумасшедшая:

— Ненавижу! Ненавижу тебя! Ненавижу бессмысленную жизнь! Я сгораю в этом аду...

Вскоре силы ее иссякли, и истерика сошла на «нет». Она робко уронила голову на грудь Виктора, будто извиняясь, и затихла. Из-за дождя он не слышал ее рыданий, но чувствовал запах слез, перемешанный с горечью обиды.

Они минут пять простояли, обнявшись, словно влюбленные после долгой разлуки, боясь пошевелиться и не решаясь заговорить. Первым сдался Виктор.

— Прости, что раньше не спрашивал. О чем мечтаешь ты? — произнес он, стирая слезу с ее щеки.

Елена выдержала паузу и с непривычным спокойствием откликнулась:

— Я не один раз говорила, но ты всегда был слишком занят и не слушал. Последние месяцы ты просто меня избегал — исчезал в подвале, оставляя наедине с дурно пахнущими мыслями.

— Сейчас я готов выслушать, зуб даю!

Она в первый раз за вечер улыбнулась и продолжила:

— В двадцать ты говорил, что тебе нужно заработать репутацию, набраться опыта. В тридцать — убеждал в том, что нам нужно обеспечить достаток: машину, дом и прочую ерунду. В сорок тебе было не до меня, ты уже мечтал попасть в анналы истории. Все это время я была рядом

с тобой. Поддерживала все твои начинания и радовалась твоим успехам, как своим.

— Не понимаю к чему ты это все, — растерянно пробормотал Виктор.

— Я устала... Больше не хочу быть мебелью в твоём доме. Я ведь не прошу ничего сверхъестественного — просто мечтаю, чтобы ты, наконец-то, пожил ради меня и хоть ненадолго забыл о своих картинах. Жаль, что поняла это только сегодня. Наверное, слишком поздно...

— Ничего не поздно! Я постараюсь исправиться... Обещаю!

Елена не ответила, лишь сильнее к нему прижалась и глубоко вздохнула.

— Что произошло сегодня? Никогда не видел тебя такой, — осмелился спросить Виктор.

— Ничего не случилось. Наверное, просто вымоталась...

Он терпеливо молчал. Знал, что она все расскажет, главное не торопить.

— Сама не понимаю, — зашептала Елена, испуганно глядя на него. — Творилось что-то странное. Во мне клокотала ненависть. Она сжигала душу. Никогда раньше не испытывала такой боли, даже кричать не могла. Злилась на тебя, на себя, на неудавшуюся жизнь. Я не могла с этим справиться и остановиться. Ещё и ты застрял в подвале, как назло. Одна... Совсем одна в пустом доме, словно заживо погребённая в гробу. Мне казалось, что я даже слышу, как заколачивают в крышку гвозди. Жуть! Девять дней подряд я не смыкала глаз. Думала, думала, думала... Ты не представляешь, через что я прошла. Предполагаю, что ад после этого мне покажется забавным местом... — Закончив говорить, она как-то неестественно улыбнулась.

Где-то совсем рядом сверкнула молния и грянул гром. Елена вздрогнула и испуганным голосом выдавила:

— Свет... Свет фар!

— Нет, глупышка. Это молния, не бойся.

Жена уперлась руками в его грудь, оттолкнулась и выскользнула из его объятий. Виктор не стал её удерживать. Она отступила на несколько шагов и замерла, устремив взгляд куда-то вдаль. За окном снова ударила молния. Елена встрепенулась, и на лице её сквозь слезы засияла такая искренняя улыбка счастливого человека, что Виктор не смог удержаться и улыбнулся в ответ.

Теперь он видел любовь всей жизни иначе — Елена предстала перед ним такой, какой он её запомнил в первую встречу — юной, очень красивой и недоступной. Они познакомились на пляже в Адлере, куда Виктор приехал на пленэр в поисках впечатлений и новых образов. По телу пробежали мурашки — наваждение, он явственно ощущал запах бриза, ми-

стического ладана и аромат ее молодого тела. Чувствовал приятно обжигающее кожу дыхание. Взгляд в прошлое...

— Не жалею ни о чем, Виктор, — выдернули его из воспоминаний слова Елены, которая не сводила глаз с мужа. — Важно одно — мы вместе, и я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю! — без раздумий ответил он, делая шаг ей навстречу и наклоняясь для поцелуя.

Но губы почему-то не почувствовали прикосновения и провалились в пустоту. Виктор отпрянул, с непониманием глядя на жену, и вдруг остолбенел: Елена приняла вид полупрозрачного призрака, подсвеченного изнутри белым сиянием. С каждой секундой свечение становилось все тусклее, а тело все прозрачней. Она исчезала из этого мира, словно утренняя дымка на рассвете. Не прошло и минуты, как в воздухе осталась только улыбка, но и она вскоре растворилась. В столовую вернулся полумрак, а в душу Виктора проскользнула непроницаемая тьма, сковавшая его тело и разум.

Словно замороженный, он нетвердой походкой добрал до гостиной и рухнул на диван. У него не было сил ни рыдать от отчаяния, ни биться в истерике от безудержного горя. Хотелось напиться и хоть ненадолго забыться. Но Виктор знал, что в доме не найти ни грамма спиртного. Он бросил пить еще в далекие двухтысячные, когда понял, что алкоголь мешает объективно воспринимать действительность: картины, которые ночью ему казались шедеврами, на утро всегда превращались в бездарную мазню.

В мозгу безостановочно крутились одни и те же мысли, укачивая чуть ли не до тошноты. Виктор никак не мог поверить в происходящее, это просто не укладывалось в голове — он только что видел призрака. И не просто бесформенную сущность, а собственную жену, которая говорила с ним, мыслила, выражала эмоции, выглядела по-настоящему живой и осязаемой. Но больше всего Виктора пугало другое — он не помнил того, что Елена умерла. В голове будто целый пласт воспоминаний вырезали: ни подробностей похорон, ни причин смерти, ни ощущения утраты, ни следов раздирающей душу боли. Ни одной зацепки, абсолютно ничего! Он не мог убедить себя в том, что ее больше нет.

Оставшись наедине с воспоминаниями, Виктор пролежал на диване в обнимку с любимым цветком Елены до глубокой ночи. Он твердо решил, что утром отправится на кладбище. Не то чтобы боялся идти туда ночью: после случившегося его вряд ли могло что-то удивить или напугать. Причина крылась совсем в другом — в обезумевшей музе, плевавшей на чужую боль и страдания. Она подгоняла его, эта упрямая богиня, она требо-

вала продолжения, сводя художника с ума новыми навязчивыми идеями. И он знал лишь один способ, как можно избавиться от нее — подчиниться и выполнить то, чего она желала.

С трудом поднявшись, Виктор на одеревеневших ногах поковылял к лестнице. Неспешно спустился в подвал, подошел к мольберту, скинул холст с недавно начатой картиной, потянулся к куче отработанного материала на полу и, отыскав забракованное полотно с лесным пейзажем, водрузил его на законное место.

Теперь он знал, как оживить загубленное творение... Чудодейственное средство всегда находилось рядом, но он этого не понимал и всю жизнь безрезультатно искал не там.

Виктор замешал на палитре краски, выбрал одну из кистей и начал творить, хотя больше это походило на волшебство. Он то яростно набрасывался на полотно, и тогда руки мелькали с невероятной быстротой от холста к палитре и обратно, то в раздумье замирал на пару минут. Возвращаясь в реальность, хватался за мастихин и соскабливал, затем отшлифовывал, протирал тряпкой и вновь принимался за дело.

В него как будто сам сатана вселился: в глазах играло огнем безумие, взлохмаченные волосы сплелись в подобие рогов, а с лица не сходила довольная ухмылка.

Виктор закончил работу лишь к утру, когда в унылый подвал стеснительно забрались через окно первые лучики восходящего солнца. Он отошел на несколько шагов от мольберта, обвел взглядом завершенное полотно и широко улыбнулся, чуть ли не светясь от счастья. Первый раз в жизни мастер остался доволен результатом, ему даже не хотелось искать недостатки.

С улицы послышалась тяжелая поступь, Виктор обернулся на шум, и тут же в глаза ему ударил яркий солнечный свет.

— Свет... Свет фар... — печально прошептал художник, и его тело вдруг стало прозрачным, как горный хрусталь.

Он еще раз окинул взором картину и мгновенно растворился без следа, произнеся напоследок:

— Я люблю тебя! Навсегда вместе!

...К парадному входу элитного особняка, стоявшего посреди облысевшего к зиме сада, подошли двое мужчин. Один из них рослый, статный, на вид лет двадцати пяти, не больше. Подтянутая фигура и гладко выбритое худое лицо. Второй же, напротив, невысокого роста, толстомордый, бородатый, с тучным телосложением, напоминающим Карлсона: со свисающим складками животом, вторым подбородком и необъятным задом.

Объединяло их лишь одно — оба были вооружены и одеты в темно-синюю полицейскую форму.

— Жора, все-таки, зачем мы сюда приперлись? — спросил низкорослый, остановившись у крыльца. — Не расскажешь — дальше не пойду. Лучше в машине тебя подожду.

— Почему мне знать, Макс, сказали — формальная проверка. Дело уже все равно почти закрыли, — откликнулся напарник, щелкая пальцами. — Хочешь, позвони шефу? Сам спросишь.

В том, что Максим никогда не будет звонить начальнику, даже под угрозой расправы, Георгий был уверен.

— Спасибо, не соскучился, утреннего взбадривания хватило. А почему мы только сейчас сюда приехали, раз дело почти закрыли?

— Эй, дружище, ты чего? Что за вопросы? Когда сказали, тогда и поехали. Приказы не обсуждают.

— Что-то ты темнишь, Жора. Спинным мозгом чувствую. Раньше мы с тобой до десяти чай пили по понедельникам, а тут в полдевятого утра сорвались.

— Ничего я не темню. Да и зачем мне врать тебе?

— Вот и я хотел бы знать, зачем... Расскажи хоть, чьи это хоромы, что я у тебя все выпытываю?

— Рапорт не пробовал читать?

— Пробовал, очень мало знакомых букв! — скорчив гримасу, огрызнулся Максим.

— Этот особняк принадлежал Виктору Беспалову, слышал о таком? — спросил Георгий, поднимаясь на крыльцо, и тут же сам ответил: — Хотя откуда ты о нем можешь знать. На туалетной бумаге о таких людях не пишут, а другого ты не читаешь. Виктор — знаменитый художник.

«Да, его холсты при жизни стоили огромных денег, — мысленно додумал он, не рискнув произнести это вслух. — А сейчас наверняка просто бешеных!»

— И что с ним случилось?

— Несчастный случай, — сказал Георгий, заглядывая поочередно в занавешенные окна по обе стороны двери. — Не справился с управлением и вылетел на «встречку» под грузовик со щебнем. Ночь, ливень, скользкая дорога — все против него. Новости тоже не смотришь? В позапрошлую пятницу по «ящику» показывали. Жена сразу на «глушняк»: полголовы снесло, а он еще в реанимации до рассвета пролежал — врачи спасти не смогли.

— А мне вот этих богатеев не жалко, так им и надо, — поднявшись вслед за Георгием, проговорил второй полицейский. — Наверняка на-

жрались, как свиньи. Водка некстати закончилась, ну, они и рванули в магазин, запасы пополнить. Мне все ясно!

— Во-первых, у них в подвале наверняка есть винный погреб, это же особняк, — буркнул напарник, оборачиваясь к Максиму. — Во-вторых, в рапорте указано, что алкоголя в крови не обнаружено, но ты его не читал. В-третьих, достоверно известно, что они той ночью ехали на вечеринку к Соколовым по поводу рождения внука — о пирушке весь город говорил, но не добрались. И, в-четвертых... Макс, это только ты можешь гонять на патрульном автомобиле пьяным в дрова, потому что пешком ходить уже не можешь, а законопослушные граждане так не поступают. И как ты только звание сержанта получил с такими талантами сыщика?

— Ну, хорош, Жора! Не так уж я и глуп! Зная тебя, я уже понял, что мы тут неспроста. Вот только все равно не догоняю: зачем?

— Ладно, уж, дружище, сжалюсь над тобой — раскрою все секреты. Ты ведь все равно не отстанешь. К тому же мы с тобой в одной упряжке, если что случится, вместе будем отвечать! Понял?

— Понял...

— Ты же в курсе, что у нашего шефа через две недели день рождения? — спросил Георгий и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Знаешь ведь, как эта зверюга не любит оставаться без подарков. А с деньгами сейчас напряг: все эти пьянки, кредиты, ипотека. Вот я и решил сэкономить — халявную картину подарить. Думаю, в этом доме их должно быть полно, и пропажи одной никто не заметит. Так и Новикову будет приятно, и мы не потратились.

Георгий почти не врал — чуть-чуть не договаривал. Он действительно собирался подарить начальнику картину, но только другую — купленную им вчера на «барахолке». Холсты же Беспалова он хотел «слить» перекупщикам где-нибудь в Москве. Как говорится, сорвать джекпот и больше никогда не работать. Делиться с напарником в его планы не входило. Максиму же досталась роль громоотвода — в случае провала Георгий бы все повесил на него, а у того мозгов бы не хватило отвертеться.

— Круто! На халяву — это хорошо. Что же ты раньше молчал, с этого нужно было начинать, — с воодушевлением воскликнул Максим и, подойдя к двери, нажал на кнопку звонка.

— Тебе больше заняться нечем? — хмыкнул Георгий. — Макс, в доме никого нет, информация — верняк. Давай, ломай замок! А то ключи из вещдоков я забыл взять.

Максим молча схватился за ручку и без усилий ее повернул — дверь в ответ бесшумно приоткрылась.

— Все бы тебе ломать, Жора... — с издевкой в голосе огрызнулся он. Полицейские зашли внутрь и разбрелись по дому, высматривая и вынюхивая добычу.

— Подвал тоже будем обыскивать?

— Да! Давай в подвал, а я тут по первому этажу прошвырнусь, — командовал Георгий, поднимая с дивана уцелевший цветок. С пренебрежением осмотрел горшок и тут же швырнул его в стену.

Максим поплелся вниз по лестнице, осторожно ступая на каждую ступеньку. Георгий же метался по комнатам, словно оголодавшая крыса, в поисках чего-нибудь стоящего, но судьба ему сегодня не благоволила. Он осмотрел гостиную, обыскал спальню, вывернул на кухне все шкафы, но так ничего и не нашел. Уже отправился на второй этаж, как вдруг снизу раздался крик напарника:

— Жор-р-ра! Жор-р-ра!

— Чего орешь, псих! Иду! — крикнул в ответ Георгий.

Спустившись в подвал, он сразу увидел Максима — тот стоял напротив мольберта, застыв с глупым выражением лица и приставив ко рту указательный палец. Георгий прыснул со смеху — таким он напарника не видел никогда. До этого дня он был уверен, что «мыслящий» и «Максим» — понятия не сочетаемые и не встречающиеся вместе в природе.

— Что завис, дружище? Тебе же не идет быть умным! — съязвил он, бросив мимолетный взгляд на картину.

Ничего завораживающего Георгий на ней не обнаружил: цветочки, бабочки и прочая розовая лабуда. Зато отчетливо представил, как будет вскоре пересчитывать стопки новеньких хрустящих пятитысячных купюр.

— Макс, что ты на нее уставился? Бери картину, и пошли отсюда!

— Удивительные ощущения, Жора. Картина как будто живая. Мне кажется, что я слышу шелест листьев, пение птиц... И плеск, когда рыбки выпрыгивают из воды.

— Дружище, с тобой точно все в порядке?

— Чувствую дуновение теплого ветерка... — не обращая внимания на Георгия, отрешенно бормотал Максим. — ...пронизанного ароматами зелени, свежести и запахом спелых лесных ягод. Полный эффект присутствия. Словно окно в иной, неизведанный мир, такой далекий и, одновременно с тем, родной. Каждый штрих — какие-то эмоции, переживания. Художник будто душу в свое творение вложил. Увековечил любовь, так сказать...

— Хорош, Макс! — закричал Георгий, отвечивая напарнику подзатыльник. — Ты меня пугаешь! Где только таких слов нахватался, говоришь прям, как критик на выставке.

Максим моментально вынырнул из наваждения, почесал голову, повернулся к Георгию и произнес обычным голосом:

— Крутая картина! Ничего подобного раньше не видел. Цепляет... И что-то непонятное в душе шевелится. Не могу объяснить. А ты ничего не чувствуешь?

— Нет, Макс! Для меня это просто мазня, на которой можно заработать... репутацию. Бери картину, и пошли!

— Я не буду ее трогать. Хочешь — бери сам. Не знаю, почему и как, но теперь я догадался — все это время ты врал мне. Ничего дарить Новикову ты не собирался: хотел продать картину и со мной делиться не планировал.

— Эй, дружище, ты чего? — испуганно выдавил напарник, пытаюсь улыбнуться, хотя актер из него был так себе, хуже некуда.

— Не друг ты мне, — спокойно ответил Максим, обошел Георгия и зашагал к лестнице. — Ты хотел меня подставить, если бы что-то не сорвалось. Так что дальше без меня. Но знай, я обо всем сообщу начальству. Вот только сначала съезжу к жене: я должен сказать, как сильно я ее люблю!

— Давай договоримся... — запищал Георгий и побежал за напарником, трясясь за собственную шкуру.

Картина с пейзажем так и осталась стоять на мольберте. Последнее творение Виктора Беспалова — волшебный лес, в центре которого, на поляне, стояли в обнимку улыбчивая девушка с каштановыми волосами и статный брюнет с ярко-голубыми глазами. Они были молоды, красивы и безгранично счастливы. Казалось, что вот-вот они закружатся в ритме вальса, а с неба посыплется, словно пушистый снег, золотистая солнечная пыльца... □

Ирина Опимах

УИСТЛЕР **ПРОТИВ** РЕСКИНА,

или **Что такое настоящее искусство
и сколько оно стоит**

Джеймс Уистлер

Джон Рескин

В 1877 году в Лондоне открылась новая галерея — Гросвенорская. Ее основатели и собственники, сэр Коутс Линдсей и его жена Бланш, были людьми весьма небедными, осо-

бенно Бланш, урожденная Ротшильд (именно ее капиталы и позволили супругам открыть галерею). Кроме того, оба увлекались живописью, только вот их творения не пользо-

*«Ноктюрн
в черном
и золотом.
Падающая
ракета»*

вались благосклонностью мэтров Королевской академии искусств, а потому не попадали на официальные выставки. Вот почему супруги и решили организовать свою галерею, где могли бы выставлять собственные полотна, ну, и полотна других художников, молодых, начинающих, непризнанных официальными кругами.

Галерея разместилась в роскошном здании на Бонд-стрит, построенном в неоренессансном стиле архитектором Уильямом Томасом Самзом. Главный холл был отделан генуэзским мрамором, залы, где выставлялись картины, украшали золоченые пилястры, ранее декорировавшие фойе парижской Итальянской оперы. Потрясенные посетители лю-

бовались и роскошными индийскими и персидскими коврами, шелком и бархатом, которыми были обиты стены. А еще — росписью потолка, выполненной по заказу Линдсея Джеймсом Уистлером, — на темном фоне луна и звезды. Здесь, в этой галерее, все было не так, как в Академии. Тут даже принцип развески картин был иным — директора галереи, молодой театральный и арт-критик Джозеф Коминс Карр и художник Чарлз Хале, предложили развешивать полотна на достаточном расстоянии друг от друга, и работы одного художника помещать рядом — ведь так гораздо легче составить мнение о его творчестве.

В Лондоне все только и говорили о новой галерее, и потому в первой выставке решили принять участие и вполне известные мастера — среди 209 картин и скульптур, показанных на вернисаже, были работы Гюстава Моро, Эдварда Берн-Джонса и Джеймса Уистлера. Вот с Уистлером и случился на той выставке скандал, ставший предметом судебного разбирательства.

Итак, 1 мая 1877 года галерея открылась. На первом показе — закрытом, только для специально приглашенных особ, — присутствовал весь лондонский свет, и даже принц и принцесса Уэльские.

Пришел на выставку и самый главный авторитет в тогдашнем лондонском артистическом мире — писатель, художник и литературный критик Джон Рескин. Похоже, в тот день у великого критика было пло-

«Симфония в белом. Номер 1»

хое настроение, потому что статья, написанная им о выставке и опубликованная в журнале «Fors Clavigera», оказалась поистине оскорбительна для очень многих. Прежде всего, он обругал самого хозяина галереи. «Коутс Линдсей в настоящее время — любитель и в искусстве, и в торговле, — писал Рескин. — Если он намерен управлять Гросвенор-

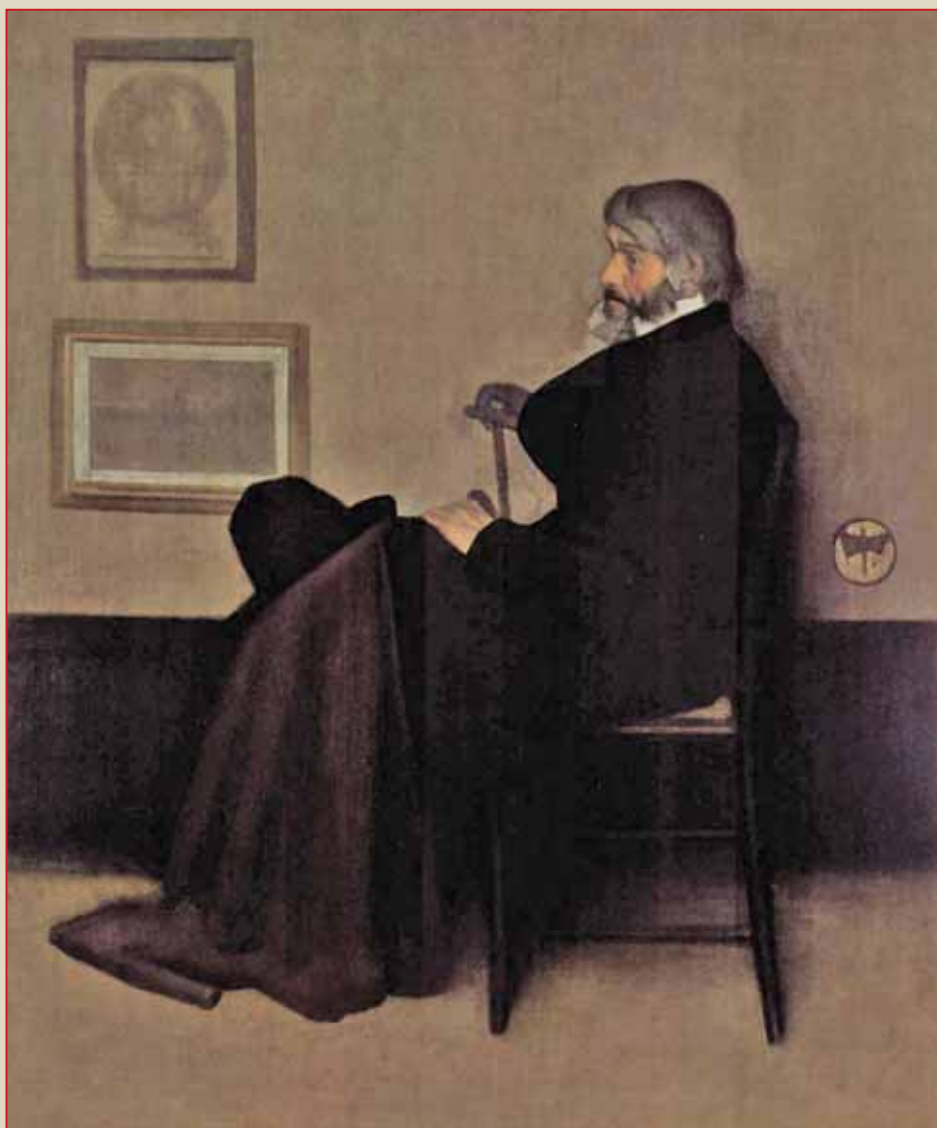
ской галереей должным образом, то не должен помещать туда собственные работы до тех пор, пока не сможет отвечать за их качество; если он намерен быть художником, то не должен руководить сооружением общественных зданий и развлекаться их оформлением». Далее Рескин подверг жесткой критике нескольких вполне себе неплохих художников, в частности, Джона Милле и Джеймса Тиссо. Но главной жертвой его грозного пера стал Джеймс Уистлер, особенно возбудило критика уистлеровские полотна «Нок-

тюРН в черном и золотом. Падающая ракета». На картине художник изобразил морской берег в вечернем свете, а в небе — рассыпающийся разноцветными огнями фейерверк. Все картины на выставке можно было купить, и за это полотно Уистлер назначил цену в 200 гиней. «Ради самого мистера Уистлера, не менее чем для защиты покупателей, сэру Коутсу Линдсею не следовало бы допускать в галерею произведения, где невежественное тщеславие художника так смахивает на преднамеренное плутовство, — продолжал Рескин. — Я до этого много видел и слышал о нахальстве кокни, но все же не ожидал, что самодовольный скоморох посмеет нагло запросить 200 гиней за то, что швырнул горшок краски в лицо публике».

Прочтя статью, Уистлер возмутился и страшно разозлился. Рескин назвал его невежей, мошенником, притворщиком-кокни и скоморохом. Особенно несправедливым ему показалось то, что Рескин обвинил его в лени, небрежности и праздности, а ведь он, Уистлер, чтобы добиться нужного эффекта, порой десятки раз переделывал свои картины! До Гросвенорской выставки он уже прошел долгий и непростой путь в искусстве. Джеймс Уистлер родился в 1834 году в Лоуэлле (США, штат Массачусетс). В 1842 году отца будущего художника, Джорджа Вашингтона Уистлера, известного инженера-железнодорожника, пригласили поработать в Россию для строительства Николаевской железной

Слева:

*«Симфония
в белом.
Номер 2»*

*«Аранжировка
в сером
и черном №2.
Портрет
Томаса
Карлейля»*

дороги. В России Джеймс и начал заниматься живописью — даже посещал Академию художеств. Потом семейство Уистлеров вернулось в США. Джеймс поступил в военное училище Вест-Пойнт, но тогда уже было ясно — он хочет заниматься только искусством. Живопись — его судьба.

В 1855 году он уехал в Париж, учился живописи в мастерской Шарля Глейра, где познакомился и подружился с Ренуаром, Моне и Сисле-ем. Вместе со своими французски-

ми приятелями он проводил бурные вечера в уютном заведении папаши Гербуа, маленьком ресторанчике, вошедшем в историю мировой культуры. Картины Уистлера отличались какой-то удивительной музыкальностью, недаром он сам называл их симфониями и ноктюрнами. Творчество его представители официального искусства не признавали, его картины подвергались ожесточенной критике: так случилось, к примеру, на Салоне Отверженных в 1863 году с «Сим-

*«Гармония
в сером
и зеленом.
Музыкальная
комната»*

фонией в белом. Номер 1», и тут его переплюнуть смог только висевший неподалеку «Завтрак на траве» Эдуарда Мане, вызвавший уже не просто ругань, а настоящий скандал. Слава этих «отверженных» была еще впереди...

Прочитав статью Рескина, художник решил подать на критика в суд и, выиграв (а в победе он не сомне-

вался), защитить свое доброе имя и свою деловую репутацию. Так началось знаменитое дело «Уистлер против Рескина». Об этом процессе тогда писали все газеты. Оно по праву вошло в историю живописи — впервые о том, что такое настоящее искусство, и как определяется его цена, заговорили с помощью юридических терминов.

И Уистлер, американец, воспитанный в духе великой американской конституции, сын выдающегося инженера, оказался на высоте. Он выиграл это дело!

Прошли годы, и в 1890 году, когда к художнику уже пришел успех, Уистлер, обладавший замечательным чувством юмора и метким языком, написал блестящую книгу, которой нашел очень точное и выразительное название, отражавшее обстоятельства его жизни, — «Изысканное искусство создавать себе врагов». В этой книге, наряду с другими текстами, он собрал материалы дела и сопроводил их очень меткими комментариями.

Итак, суд состоялся в ноябре 1878 года. Председательствовал барон Хэдлстон, истца представляли адвокаты господ Парри и Питрам, а ответчика — генеральный прокурор Боуэн. Уистлер обвинял Рескина в клевете. В английском законодательстве имелась статья, наказывавшая за клевету, — «опубликованное утверждение чего-то, не соответствующее действительности и вызывающее публичное осуждение».

В качестве моральной компенсации Уистлер требовал от ответчика тысячу фунтов стерлингов. Рескин на процесс не явился — сказался больным, но прислал своих представителей, авторитетных свидетелей, которые также утверждали, что работы Уистлера — «только претензия на искусство».

Когда Уистлеру сказали, что он представил на выставку незакон-

ченную работу, он ответил: «Композиция в черном и золотом» была законченной картиной, я не собирался ничего больше с ней делать».

Тогда его спросили: «Теперь, м-р Уистлер, не скажете ли вы, сколько времени потребовалось вам, чтобы написать эту картину?»

«Скажем так, сколько времени мне потребовалось, чтобы «сострять» этот ноктюрн? Ну, насколько я помню, примерно день».

«Всего один день?»

«Ну, я не очень уверен, — возможно, я мог добавить несколько мазков на следующий день, если краски еще не высохли. Пожалуй, точнее было бы сказать, что я работал над ним два дня».

«Ах, два дня! Вы, значит, просите двести гиней за двухдневную работу?»

«Нет, я прошу 200 гиней за знания и умения, полученные мною за всю мою жизнь».

А потом в суде обсуждали, кто и как может судить искусство: «Вам говорили, что ваши картины отличаются некоторой эксцентричностью?»

«Да. Часто».

«Вы посылаете их в галереи, чтобы вызвать восхищение публики?»

«Это было бы столь нелепо с моей стороны, что вряд ли я мог бы на это рассчитывать».

«Вам известно, что многие критики полностью расходятся с вами во взглядах на эти картины?»

«Согласиться с критиками было бы свыше моих сил».

«Значит, вы не терпите критики?»

*«Симфония
в сером
и зеленом.
Океан»*

Справа:
*«Симфония
в белом.
Номер 3»*

«Я ни в коем случае не стал бы возражать против технической критики человека, вся жизнь которого была бы посвящена практической деятельности в той же области знаний. Но с мнением человека, занимающегося иным делом, я считался бы столь же мало, как считались бы вы, если бы он выразил свое мнение о законодательстве».

«Но вы должны были ожидать, что вас будут критиковать?»

«Да, конечно. Однако, думаю, это на меня не повлияет, если только критика не будет такой, как эта. Я возражаю не только против враждебной критики, но и против некомпетентной. Я считаю, что никто, кроме художника, не может быть компетентным критиком».

Когда же суд приступил к рассмотрению собственно самой кар-

тины, вызвавшей столь однозначную оценку великого Рескина, Уистлер сделал ряд важнейших и принципиальнейших замечаний.

На вопрос судьи: «Вы хотите сказать, м-р Уистлер, что человек, посвященный в технику этого дела, без труда поймет ваши замыслы. Ну, а как вы думаете, могли бы вы доказать красоту этой картины, предположим, мне?»

Уистлер помолчал, а потом ответил: «Нет! Знаете, я думаю, что это было бы столь же безнадежно, как музыканту, захотевшему, чтобы его ноты были услышаны глухим. Я предлагаю картину, добросовестно мною написанную, и оцениваю ее в двести гиней. Я знаю непредубежденных людей, считающих, что она изображает фейерверк ночью. Но я не стал

бы возражать, если бы кто-нибудь просто пришел к другому выводу».

Тут суд объявил перерыв.

После речи прокурора, доказывавшего право Рескина на свои суждения и критику, выступили свидетели со стороны ответчика. И вот тогда Уистлер был поражен — его, казалось бы, друг, тоже художник, Эдуард Берн-Джонс сказал, что цвет в картине действительно хорош, но вот детали и композиция сильно хромают, а потому 200 гиней — цена непозволительно высокая для такой картины. Затем дал показания другой свидетель со стороны обвинения, мистер Фритт: «Я действительный член Академии художеств и посвятил свою жизнь живописи. Я видел картины мистера Уистлера, и, по моему мнению, «Ноктюрн в черном

и золотом — несерьезное произведение. В картине «Мост Баттерси» я совершенно не вижу верного изображения воды и воздуха. Там есть цвет, приятный для глаза, но больше ничего нет. По-моему, трактовка лунного света не верна. Картина не стоит двухсот гиней. В картинах очень важны композиция и детали...»

После Фритта выступил мистер Том Тейлор, член комиссии по выработке закона о бедных, издатель «Punch»: «Я художественный критик с давних пор и всегда изучал искусство. Я видел эти картины мистера Уистлера, когда они были выставлены у Дадли и в Галерее Гроувнер. «Ноктюрн в черном и золотом» я не считаю серьезным произведением искусства. Все произведения м-ра Уистлера незакончены. Они эскиз-

ны. Без сомнения, у него есть художественные достоинства, и он верно передает тона, но у него не хватает завершенности, и все его вещи сделаны в эскизной манере. По моему, эти картины лишь чуть больше напоминают картины, чем нежно окрашенные бумажные обои». (Забавная деталь: весь процесс картина провисела перед судьями и присяжными вверх ногами!)

На этом разбор дела закончился.

Что двигало этими художниками, коллегами Уистлера? По-видимому, кто-то из них действительно был согласен с Рескиным, а другие — другие просто боялись вызвать гнев влиятельного критика, способного помешать их карьере. Однако, несмотря ни на что, суд все же постановил, что Рескин виновен. Только вот в качестве моральной компенсации Уистлеру присудили всего четверть пенса, самую мелкую английскую монету...

Формально Уистлер выиграл, а, по сути, — полностью проиграл. Процесс стоил больших денег, художнику нужно было оплатить судебные издержки, и еще оставался долг домовладельцу, а в ближайшее время доходов ждать было неоткуда. Пришлось распродать любимую коллекцию восточного искусства, его собственные картины были конфискованы. К счастью, некая фирма заказала ему серию видов Венеции, и Уистлер уехал в Италию. Работа его поглотила всего целиком, и результат получился достойным, он вполне устро-

ил заказчиков, и материальное положение художника слегка поправилось. Только вот в Лондоне к нему по-прежнему относились пренебрежительно. Так, когда в 1882 году он предложил Национальной портретной галерее портрет Карлейля, то получил весьма однозначный ответ: «И это называется искусством?»

А между тем во Франции импрессионизм завоевывал позиции, и Уистлер, уже переехавший в Париж, успешно участвовал в выставках не только в самой Франции, но и в Германии, Бельгии, США. Зрители постепенно привыкали к манере художника. Сам он тоже не сомневался в конечном успехе. Как говорил его приятель Оскар Уайльд: «Мистер Уистлер — один из величайших мастеров живописи, таково мое мнение, и должен добавить, что мистер Уистлер полностью разделяет это мнение».

В 1891 году портрет Карлейля, десять лет назад отвергнутый лондонской Национальной галереей, приобрел музей Глазго, а «Портрет матери» — и вовсе Лувр, а ведь попасть в Лувр для каждого художника считалось — и считается сегодня — знаком высшего признания. Тут и коллекционеры принялись осаждать дом художника, желая заполучить его работы, а «Ноктюрн в черном и золотом. Падающая ракета», предмет знаменитого судебного разбирательства, был продан в Америку за сумму вчетверо большую, чем было запрошено на Гросвенорской выставке. (Как же хотелось Уистлеру, чтобы об этом узнал Рескин!)

*«Фиолетовый
и розовый»*

В 1899 году работы Уистлера, вместе с работами Сезанна, Мане, Тулуз-Лотрека, с огромным успехом были показаны в Лондоне. Уистлер стал поистине знаменит, его принимали в лучших домах британской столицы. Среди его близких друзей — Оскар Уайльд и Обри Бердслей. Он стал настоящим светским львом. Элегантный, остроумный, любимец дам, блестящий полемист, мастер острого словца. И замечательный художник, наконец-то получивший всеобщее признание.

Уистлер умер в 1903 году. Он был похоронен на Чизвикском кладбище, недалеко от могилы Уильяма Хогарта, великого английского художника, гравюры которого любил разглядывать еще в детстве.

А предмет тяжбы двух великих людей — критика и художника — «Ноктюрн в черном и золотом. Падающая ракета» сегодня можно увидеть в детройтском Институте искусств. Картину подарил Институту ее американский владелец. □

Рассказы о Душе —

ДУШЕ

Когда я приступил к работе над очерком о «живописных феериях» своеобразного художника Александра Юрьевича Трифонова, перед внутренним взором сразу всплыл образ этого удивительно красивого

мужчины с голубыми, распахнутыми в мир глазами, высокого — «ко-сая сажень в плечах»! — при этом гармонично скроенного и лишенно-го главной беды современного человека — суетливости. Нынче редко встречаются подобные люди...

Александр Трифонов — известный русский художник-авангардист. Живет он в Сергиевом Посаде и не собирается уезжать оттуда. Как говорит сам Александр: «Именно здесь моя родина! Потому что

кие кризисы, она дышит и плодородит, одним словом, живет матушка-Россия, и так благостно-трепетно замирает душа...»

А потом он начал вспоминать свое детство:

— Родился я в Москве и рос в окружении любящих родителей. Особенно много дал мне для становления — и как человека, и как художника — отец. Он много общался со мной, возил по разным интересным местам. Не рассказать обо всех

«Fortepiano»

там, в городе, эти блочные дома, в которые мы переезжали несколько раз, никогда не давали уникального ощущения сопричастности месту — а здесь я это чувствую! Это наша Святая земля преподобного Сергия. Несмотря на смутные времена, вся-

наших путешествиях... Во многом из этого и состояла в детстве и юности моя жизнь. Отец мой — писатель и издатель. Он и теперь издает журнал «Наша улица» и руководит издательством «Книжный сад». Мама тоже из среды творческой ин-

«Кafka»

Справа:

*«Грачи
прилетели»*

телигенции, она работает в издательском отделе МХАТа.

Так что мне очень повезло. В нашем доме часто бывали известные писатели, художники, музыканты, режиссеры и артисты. Я, конечно, еще многого не понимал, для меня они были просто дяди и тети, но разговоры и атмосфера, в целом, были специфические... А когда пришло время понимать, что к чему,

отец стал активно возить меня по музеям и выставкам. Я помню, как был поражен полотнами Анри Матисса и Поля Гогена в Музее изобразительных искусств имени Пушкина...

Все увиденное и услышанное Александр впитал в себя, постигая многотрудные тропы искусства. И, конечно, не без помощи отца, человека высокого творческого гра-

дуса... Многим ли начинающим художникам отец говорил такое: «Никогда не рисуй похоже, не копируй не тобой созданное. Создавай свой мир, отличный от того, который создал Бог, потому что художник — тоже своего рода Бог!» Это были не просто советы или личные рекомендации, это было самое настоящее погружение в мир искусства! И Александр пробовал свои силы

в творчестве, много читал, наблюдал, изучал...

— И вот, когда мне было уже 13 лет, — рассказывает он, — был объявлен конкурс на лучший рисунок... на асфальте. Конкурс проводился в несколько туров, так что пришлось рисовать свои «опусы» несколько раз. И произошло чудо! Неожиданно для себя я получил первую премию! Еще — и награду,

«Resurrection»

какие-то открытки с поздравительными надписями, набор цветных карандашей и акварельные краски. А мой школьный друг подарил мне набор настоящих масляных красок!

Так случился этот мой «маленький триумф». И все же, странное дело, о карьере художника в будущем я тогда совсем не думал, но рисовать стал все чаще, и постепенно меня это занятие сильно увлекло.

Довольно внятно рисовать я начал, когда оказался в учебном театре ГИТИСа. Это был особый, даже

в чем-то мистический мир, в который я вошел довольно быстро. И так же быстро темы моих картин стали заполняться захватывающим и чарующим театральным духом...

Однажды я увидел репродукции картин французского художника Жоржа Сера. Долго-долго смотрел на них, потом еще прочитал о приемах и принципах работы этого оригинального мастера и узнал, что это одно из направлений в французской живописи — пуантилизм (точечная живопись или живопись точками). Сера увлекался теориями цвета, изучал труды оптиков и физиков, и его картина «Воскресный день на острове Гранд-Жатт» стала авангардным полотном пуантилизма. Почти сразу у Сера появились ученики и последователи, которые бросились писать точками, — Поль Синьяк, Люсьен Писсаро, сын знаменитого импрессиониста Камиля Писсаро, Анри Кросс и многие другие. К сожалению, Жорж Сера прожил очень мало, недолгим оказался век и самого этого направления... «Пуантилизм умер с ним!» — написал Люсьен Писсаро своему отцу.

А я думал — вот ведь есть мастера, художники, которые так яростно изобретают, открывают новые формы выразительности, невзирая на обструкции коллег и мнения социума, и все только для того, чтобы вывить СВОЕ видение, СВОЮ форму и СВОЮ никем не изведенную реальность. Яростные схватки не утихают, сменяются столетия, а откры-

«Охотники на снегу»

тие новых форм в изобразительном искусстве продолжается, и финала не предвидится... Вот и решил попробовать самому сотворить что-то, абсолютно не похожее на других. С того случая, с размышлений о пуанталисте Сера и веду отсчет своего становления, своего пути в живописи. Говорить теперь легко, а были и отчаяние, и горечь неудач, и неумное желание...

А потом в мою жизнь вошел Казимир Малевич. Еще в детстве я с мамой побывал на месте его предполагаемой могилы. Мы доезжали на

электричке до станции «Рабочий поселок» и шли через село по полям к маленькому памятнику на опушке леса. Я не совсем понимал, что это, но тот памятник запомнился очень четко — красный квадрат в центре белого большого квадрата. Позднее я узнал, что это только предполагаемое место могилы великого художника, настоящую, недалеко от деревни Немчиновка, разрушили в 1941 году во время боевых действий. Получилось, что и после смерти, как и при жизни, с Малевичем происходили всевозможные мистификации.

Физически он исчез с Земли бесследно, но оставил после себя «Черный квадрат» и новое слово в искусстве. Вот именно после осмысления творчества Казимира Малевича я окончательно порвал с реализмом и стал пробовать себя в другом направлении. Он, как никто иной, предчувствовал приход новой эпохи. Формы классицизма вдруг оказались «вчера» среди метаморфоз быстро меняющихся запросов нового времени. И все же, несмотря на то, что появились со-

всем иные формы и средства выражения у современного художника (компьютерная графика, работа со светом и цветом, одним словом, мощные средства компьютерных технологий), вопросы изобразительного искусства все так же оказываются на переднем крае создания новой культуры, наряду с литературой, музыкой, театром, кинематографом...

До сих пор Малевич со своим «Черным квадратом» не дает мне покоя, и я использовал его в своих картинах много раз. С присутствием

«Шопен»

«Черного квадрата» картина наполнялась особым смыслом и обретала более звонкое графическое звучание. Этот квадрат служит и символом протеста, и знаком «кирпич» для непосвященных в тайны творчества людей. Первый раз я сознательно применил черный квадрат в картине «Квадратный портвейн Казимира Малевича» по совету отца. Вдохновившись новой темой, сделал несколько других композиций с использованием черного квадрата и назвал их «Конец реализма», а в

2007 году написал последнюю на эту тему — «Мой друг Малевич». Вся картина обрамлена нарисованной рамой, а черный квадрат, как знак, находится в центре и скрепляет композицию из разноцветных и разнофактурных плоскостей.

За мучительные годы пройдено почти все, что опробовано другими — и реалистическая школа, и импрессионизм, и экспрессионизм, и все другие «измы», пока не проступило под шагами поисков моих то, что называли — рецептуа-

*«Несение
креста»*

Справа:
«МойComputer»

лизм — искусство третьего тысячелетия!

Лично я перед встречей с Александром Юрьевичем прочел в Интернете об этом направлении: «Рецептуализм — это откровенное стилевое использование всех возможных языков и направлений того или иного вида искусства в одном произведении. Это новый уровень постмодернизма, при котором — впрочем, как и всегда, — главным является талант художника».

Творчество Трифонова свершается сегодня уже «за Черным ква-

дратом Малевича», хотя громко и декларировалось, что после этого квадрата искусство дальше не двинется... А оказалось, — двигается, и своеобразные работы Александра — яркое тому подтверждение. Абсолютно — реальное!

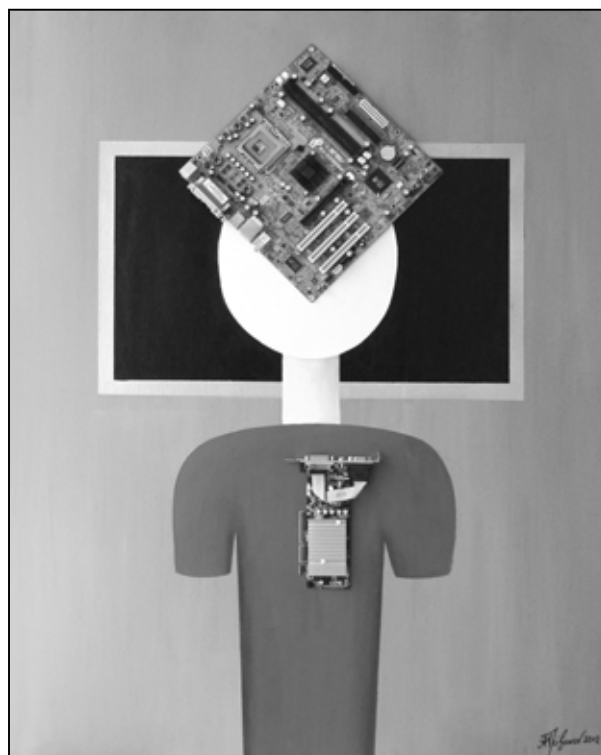
В этом же направлении работает художник из Испании Мухадин Кишев, а из российских художников Трифонов называет Игоря Снегура, своего учителя и коллегу, с которым неоднократно экспонировал свои работы на различных выставочных площадках.

Меня совершенно по-особенному тронули холсты Александра с реминисценциями работ Брейгеля, Левитана и Саврасова, наполненные огромным лиризмом и добрыми чувствами. Такими же чувствами наполнены и другие холсты — «Городок», «На краю деревни», «Русский пейзаж», «Московский дворик» и захватывающе-прекрасные «Грачи прилетели»!

Целые серии работ Александра посвящены таинственному миру «мертвой природы» — натюрмортам с бутылками. Вот только сказать, что эти изображения мертвы, язык не повернется. К ним больше подходит «still life» — «тихая или неподвижная жизнь». Это некая потусторонняя жизнь предметов, созданных руками человека, а значит, посвоему одухотворенных. Предметы всегда и везде глядят на нас...

Выставочная деятельность его поражает активностью! И это самые популярные залы в Москве: Галерея А-3, галерея «Кентавр», «На Каширке», «Ахматовский центр» и другие выставочные залы. Успешно выставляется Александр и за рубежом: в Нью-Йорке, в Джерси-Сити, на Мальте... Нет смысла перечислять все выставки — и так ясно, что художник очень продуктивен. Он и сегодня полон замыслов и поисков новых решений в гармонии и смысле.

Все вокруг суетятся, совершают разумные и неразумные поступки, часто конфликтуют — и на фоне этого все больше становятся понятны монахи-пустынники, что уходили

от людской суеты и тем самым укреплялись духом, останавливая жестокую энергию порождения зла. И пусть в это не очень верится, но есть факты — и их не счесть, — когда один такой затворник останавливал целые войска одной лишь силой мысли.

Так творит художник Трифонов. Он выстраивает свое искусство, а искусство — выстраивает его! Александр — необычный человек для нашего времени, с необыкновенной гармонией души, каким-то особым внутренним покоем и собранностью.

И вот вновь — чистый холст перед взором художника...

Боженственно-чувственный и прекрасный...

Но пока еще сокрытый таинством и сладостным трепетом больших ожиданий... □

Тамара Сальникова

ПОЛЯ

Не изменила Русь полей,
Лишь разменяла рожь на травы,
Но так же серый соловей
Поет среди резной дубравы,
Быть может, только чуть смелей.

Колосьев золотистый фон
Сменился на ковер зеленый,
Стрекозых тонких крыльев звон
Все так же в солнышко влюбленный
Струится с летом в унисон.

Из плодородия земли
Бурьян напился и разлился,
Заняв все, что не сберегли.
В его дурмане растворился
Дух хлебный, минувший вдали.

Не утихает жизни ход,
Лишь очертания меняет,
Но тот же пламенный восход
Лучами землю обнимает,
Малиной крася небосвод.

И милостью своей даря,
По-прежнему полями дышит,
Все понимает и все слышит,
Родная русская земля.

СТАРЫЕ ДОМА

Щербинки стареньких домов
Видали разные картинки
И впутывались в паутинки
Текучести кирпичных снов.

Скучали в бликах фонарей,
Дивились воробьиным стаям,
Что гомонили, прилетая,
Под сень дворовых тополей.

Имели обветшалый вид,
Как будто маленькие шрамы,

Как будто крошечные раны
От разных уличных обид.

И охраняли тихий сплин
Из двухэтажного уюта,
Жильцов сплоченного приюта,
В котором каждый не один.

Сейчас стальной седой бетон
Стеной своей уходит в небо,
Щербинкам жить на нем нелепо,
А старый фонд давно снесен.

БАБЬЕ ЛЕТО

Влюбленная в мерцание дождя,
Плясала осень, словно баядера,
Ей лето уступило, уходя,
Свою любовь и сцену под премьеру.

А бус страдал и лил аквамарин,
Туда, где в листьях задержалось солнце,
Смывая с тротуара пыльный грим
И грязь с золотных рассыпных червонцев.

Карнизы крыш крыл нежной синевой,
Черпнул горсть мяты и от взмаха кисти
В багрянец на земле впились травой
Зеленые осколки битой мысли.

Ревнивой девкой осень не была,
Сменившая соперницу в финале,
Она любовь и сцену отдала,
Включив вальс лета в своем бальном зале.

В нем девушка с пшеничною косой
Коротким мигом мимо пролетела,

Наталья Клейменова:

«Это прекрасное искусство — балет!»

Наталья Клейменова — одна из ведущих балерин Московского Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Еще обучаясь танцу в академии Натальи Нестеровой, она стала дипломантом Международного конкурса артистов балета и хореографов. Наталье равно подвластен как классический, так и современный танец, а образы, создаваемые ею на сцене, — яркие и убедительные, будь то нежная Катерина в «Каменном цветке» или роковая Кармен в одноименном балете.

— Наталия, скажите, пожалуйста, это ваше было решение в детстве стать балериной, или так захотели ваши родители?

— В пять лет родные отвели меня в балетный кружок в соседнем доме, и тогда, признаюсь, мне не очень нравились занятия хореографией, но спустя год я, если так можно выразиться, «втянулась» и решила продолжать занятия дальше.

— В 2003 году вы окончили академию Натальи Нестеровой и сразу пришли в труппу музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. В каких спектаклях вас можно увидеть сегодня?

— В классических постановках: Катерина — «Каменный цветок», Зо-

лушка и Фея в балете «Золушка», Мирта — «Жизель», Купава в «Снегурочке». В постановке Натальи Макаровой «Баядерка» — танцую Гамзатти. В современных балетах «тройчатках» — я занята во всех. Сольные партии в балетах Сержа Лифаря «Сюита в белом», «Концерт» — Джерома Роббинса, «Маленькая смерть» — Иржи Киллиана, «Вторая деталь» — Уильяма Форсайта, «Призрачный бал» — Дмитрия Брянцева, «Тюль» — Александра Экмана, «Одинокий Джордж» — Марко Геке. А в «Анне Карениной» — в постановке Кристиана Шпука — исполняю партию Кити.

— Кто из педагогов академии Нестеровой оказал на вас особенное влияние?

— Агатова Мария Залмановна — педагог, который вложил все самое лучшее в своих учеников, научил нас работоспособности, передал свой бесценный опыт. Мария Залмановна танцевала ведущие партии в нашем театре, была ведущей солисткой. Сегодня она приходит на мои спектакли и после каждого спектакля делает замечания, дает полезные и нужные советы. Это всегда важно для артиста.

— В новом сезоне на сцену вашего театра должен вернуться прекрасный балет «Эсмеральда»... Интересно, что в России балет этот впервые был поставлен в 1848 году в Большом Камерном театре Санкт-Петербурга.

Музыка итальянского композитора Цезаря Пуни, а постановку в 1950 году осуществил в вашем театре Владимир Павлович Бурмейстер. Тогда, на премьере, у театра публику сдерживала конная милиция!

— Спектакль и сегодня великолепен, он смотрится с большим интересом. Поднимается занавес и... открывается панорама средневекового Парижа с высоты собора Нотр-

Дам... Дух захватывает уже с первых минут!

— Какую партию вы исполняете в «Эсмеральде» Бурмейстера?

— Я танцую Флер де Лис — невесту Феба, капитана королевских стрелков, и мне эта партия очень нравится. Сам балет очень красивый, и я рекомендую зрителям его посмотреть.

— Как приглашенная в другие труппы артистка, когда такое случается, какие партии вы еще танцуете?

— Я очень люблю танцевать принцессу Аврору, в балете «Спящая красавица», в постановке Мариуса Петипа. Мне очень нравится Аврора в исполнении легендарной балерины — Ирины Александровны Колпаковой. Такая волшебная — настоящая сказочная принцесса! Образ Авроры — одно из самых совер-

шенных ее созданий. Изящная, виртуозная, легкая, благородная, сама чистота и само совершенство!

— Ирина Александровна Колпакова была и первой исполнительницей Катерины в балете Юрия Николаевича Григорови-

ча «Каменный цветок»... Вы тоже сегодня танцуете партию Катерины, она вам нравится?

— Катерина мне очень близка по духу — она хрупкая, нежная, светлая, добрая, такая очень русская девушка... Глубоко лирический персонаж.

— Кто является вашим педагогом в театре?

— Татьяна Александровна Чернобровкина, она была прима-балериной нашего театра. Я очень рада, что работаю с ней, Татьяна Александровна передала мне партию Купавы — балет «Снегурочка», Кармен в одноименном балете, Одилию-Одетту — «Лебединое озеро», Машу — балет «Щелкунчик».

— Вы танцуете с разными партнерами на сцене. Кого бы из них выделили особенно?

— Никого не буду выделять, все мои партнеры интересны как творческие личности, с кем-то технически проще работать, с кем-то эмоционально заряжаешься и по-другому погружаешься в образ.

— Ваш муж — Дмитрий Петров — тоже артист балета, вы с ним служите в одном театре. Вам нравится выходить вместе на сцену?

— С мужем я не люблю танцевать, потому что в процессе репетиции ты можешь позволить себе лишнего — вспылить, но ведь и он может не сдержаться и тоже вспылит! А ссориться совсем не хочется...

— У вас есть какое-нибудь хобби? Чем вы занимаетесь в свободное от танцев время?

— У меня много увлечений! Люблю готовить, например, расписные имбирные пряники, а моя маленькая дочка, ей четыре годика, мне в этом с радостью помогает — и тесто делает, и раскатывает, и в формочку погружает, и расписывает их!

На Новый год нашему художественному руководителю — Лорану Иллеру — мы с мужем подарили пряник в виде расписных саней. Господин Лоран был в шоке, узнав, что это я сделала своими руками.

Еще я мастерю диадемы для себя и наших артисток балета, они выходят в них на сцену.

— Как это у вас получается? Впервые слышу, чтобы балерина была такой искусницей!

— Делаю диадемы из стразов, стекла и проволоки, они девочкам очень нравятся! Мне это приятно!

И еще одно увлечение — мыловарение, в Москве есть магазины, где можно купить все необходимое для приготовления прекрасного мыла. Добавляешь к основе различные ароматы, краски, погружаешь в красивые разнообразные формы... Мыло готово.

— Вы ведь много гастролируете... Какие страны произвели на вас самое большое впечатление?

— Япония — абсолютно другой мир, они где-то на два века впереди. Италия — невероятно красивая страна! Какая архитектура, какая красота! Очень понравилась старинная Флоренция, Венеция... Столько эмоций и впечатлений, будто перемещаешься в другое время ...

— В театре Станиславского и Немировича-Данченко зал всегда полон. Это замечательно, что и сегодня у людей такая тяга к высокому искусству. А какие зрители вам нравятся?

— Хочется видеть разного зрителя! Приятно, когда зал переполнен, когда в небольших российских городах, таких как Пенза, Смоленск, Тверь, где нет своих музыкальных театров, люди на поклонях кричат: «Браво! Молодцы!» Хотелось бы, чтобы больше строилось театров в провинции.

Если задуматься... то хочется, чтобы зритель приходил в театр несколько подготовленным, чтобы знал сюжет балета и понимал, что происходит на сцене.

Особенно ценно, когда люди, впервые в жизни попавшие на балет, искренне выражают артисту свои эмоции и восторг, благодарят за спектакль. Значит, они придут еще раз, они полюбят это прекрасное искусство — балет. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Писатель **Илья Дмитриевич Сургучев** родился в 1881-м году в семье зажиточных крестьян, мечтавших видеть своего сына в будущем священником. Но Илья, вопреки родительской воле, поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков.

Писать он начал еще в студенческие годы, и его охотно печатали, а роман «Губернатор» вообще имел ошеломляющий успех. Не приняв большевистского переворота, Сургучев примкнул к белому движению и с армией генерала Врангеля добрался до Крыма, оттуда до Константинополя, а в 1924-м году переехал в Париж, где и прожил до конца своих дней.

Скончался Илья Дмитриевич Сургучев в ноябре 1956-го года, похоронен на «русском кладбище» Сен-Женевьев-де-Буа в предместье Парижа.

Прожив больше половины жизни в эмиграции, он бесконечно любил Россию и свое родное Ставрополье. И как актуально звучат сегодня написанные им незадолго до смерти слова: «Стоит, как град Петров, Россия, и никакие врата адовы не одолеют ее».

ПАРИЖСКИЙ УЗНИК

*«Россия без каждого из нас обойтись может,
но никто из нас без нее не может обойтись».*

И.С. Тургенев («Рудин», 1855)

В середине XX века на Монпарнасе почти в любое время суток можно было встретить великих мастеров искусства и, конечно, творческих «бродяг» из интеллигенции и не интеллигенции. Шумный бульвар отличался славой личностей, дешевыми номерами в отелях и учтивой легкостью парижан.

Уютное кафе «Ротонда» было признанным «гнездовьем» знаменитостей. В нем неизменно царил европейский интеллектуальный рай для посетителей, подкрепленный бесплатным луковым супом, лукаво-политической прессой французских, немецких и русских газет.

Шагавший по бульвару мужчина еще издали заметил солнечную веранду кафе «Ротонда» и улыбнулся, вспомнив прожитое. Сколько их, всемирных кумиров, побывало в этом кафе: Бунин, Куприн, Волошин, Ахматова, Шагал, Кандинский, всеядный Пикассо и ядовитые Троцкий и Ленин. В 30-е годы Хемингуэй, Фитцджеральд...

Его сразу потянуло туда, в этот вкусно манящий знакомый рай. Но, взглянув на часы, он сказал сам себе: «Нет. Поздно. Да и не по карману сегодня» — и двинулся в обратную сторону.

Обычные прохожие и важные господа, юркие творческие и не творческие личности с интересом вглядывались в этого строгого и задумчивого человека: скульптурная красота в таком почтенном возрасте всегда имеет свой античный культ почитания.

Свист тормоза такси его не испугал. Он даже успел подумать: «Пули тоже свистели... Тогда, в боях Первой мировой и безумной Гражданской

в России, не убили, не отравили газом. Был только ранен и контужен. Повезло...»

Из машины вылез водитель лет пятидесяти и обратился к нему по-русски:

— Простите, Париж — город личностей. Я вас узнал! Вы — Сургучев?

— Да, — услышав родную речь, с легкой тревогой ответил мужчина.

— Не ошибся! — радостно воскликнул таксист. — Видел вас часто здесь, на Монпарнасе, но никак не решался познакомиться... А сейчас притормозил. Решился...

— С кем имею честь? — настороженно спросил писатель.

— Вадим Павлович, бывший российский подданный.

Сургучев скупо улыбнулся. На лице заиграли желваки от слов «бывший российский подданный». Взглянув прицельно, в упор, спросил:

— Чем обязан?

Таксиста чуть смутил этот жестко произнесенный вопрос.

— Да ничем! Собственно, я видел в Париже Бунина, Горького...

— И я видел, — тихо произнес Сургучев.

— Да нет, нет! — протестующе замахал руками таксист. — Я — не вы. И они — не вы. У меня просьба. Дельце... Предложение... Может, не откажете завтра встретиться? В это же время. Да хотя бы вон там, в «Ротонде», — кивнул он в сторону кафе. — У меня, Илья Дмитриевич, извините, имеется вещица горьковского разлива мыслей. Возможно, вас заинтересует.

— «Несвоевременные мысли» называется вещица горьковского разлива. Угадал? — лукаво улыбнулся Сургучев.

Таксист был сражен. Часто заморгав глазами, простодушно выдохнул:

— Ну да. Они самые. А вы... Дока.

— Вы тоже, — парировал Сургучев.

Взглянув друг на друга, уже без лукавства и настороженности, оба дружно расхохотались.

— Заинтересовали и заинтриговали, Вадим Павлович, — смахивая модной бежевой перчаткой слезу, проговорил писатель. — Приносите вашу «вещицу» Горького. Я кое-что читал из его несвоевременных... Это книга?

— Больше, чем книга. Это — мой самиздат! Вырезал все, что мне попадалось в печати газетной, наклеивал и подшивал. Получилось вроде томика: тетрадка-книжонка, самиздат мой...

— Любопытно, — отметил Илья Дмитриевич. — Рад познакомиться с вами. Завтра буду иметь удовольствие, как вы обозначили, познакомиться с вашим самиздатом. — И, взглянув на часы, добавил: — До завтра. В это время, в пять вечера.

— В семнадцать ноль-ноль, — обрадованно уточнил таксист и предложил: — Я за вами заеду.

— Благодарю, сам пока двигаюсь. Ну, прощайте. До завтра!

На следующий день Сургучев снова шел по знакомому бульвару, с раздражением думая: «И зачем я согласился на эту встречу? Стреляный ведь уже воробей, а в мутной водице эмиграции щуки водятся и крокодилы. Да нет! Интуиция меня никогда не подводила, таксист не из той стаи. И опасаться не надо. Незнакомый человек вообще, как непрочитанная книга, манит, притягивает своей судьбоносностью. Наша встреча — воинственный сюжетец новизны моих окаянных дум. Да нет! Это у Бунина они окаянные. У Горького — несвоевременные. А у меня — тоже взрывоопасный памфлет бесчинства красных в Ставрополе. Теперь вот «Китеж»... Бурлит, норовит уйти под воду. Не допущу! Я не революционер, чтобы в трюме своей фантазии топить взрывные мысли... Хорошо, что слова не стреляют. Да нет, они стреляют. Убивают. И ранят осколками своих подтекстов».

Вдруг рядом раздался уже знакомый голос:

— Добрый вечер, Илья Дмитриевич. Вы, простите, прошли мимо. Увлечлись мыслями...

Сургучев остановился и, пожимая протянутую руку, сказал:

— Добрый, добрый. Простите, профессиональный дефект мечтателя.

— Писателя, — поправил таксист.

— Ну, это как кому, — небрежно махнув рукой, произнес Илья Дмитриевич.

— Благодарю, что согласились на встречу, — быстро проговорил таксист. — Постараюсь не обворовать ваше время, а обогатить его. — Когда вошли в кафе, он жестом показал: — Вон наш столик, сбоку у окна. Вам как?

Сургучев кивнул головой и сразу уловил знакомый запах, в котором солировала бесплатная луковая похлебка с винно-коньячным настоем. Ароматы магически кружили голову хмельной легкостью.

— Как вы относитесь к водке? — тем временем продолжал спрашивать таксист.

— Как всякий русский.

— А к устрицам?

— Как всякий француз, — слегка улыбнулся Сургучев.

— Устриц в «Ротонде», как в океане. А с водочкой бывают потуги. Но я прихватил на всякий случай.

— Это хорошо, — нейтрально ответил Илья Дмитриевич, оглядывая зал и удобно устраиваясь за столом.

Таксист сделал заказ гарсону, а когда тот отошел, поймал изучающий взгляд Сургучева и произнес:

— Простите, Илья Дмитриевич, за прямоту. Мне кажется, вы хотите спросить, кто я и откуда родом.

— Вы угадали, — отозвался писатель. — Хотел поинтересоваться, да нескромно как-то форсировать...

— Орловец я. Коренной. Отец увез нас с матерью. Бежали от красных. Здесь отцу пришлось таксовать, а мать — безработная художница. Царство им небесное. Вот теперь и я таксую, — вздохнул Вадим Павлович.

— Орловщина — центр России, мое Ставрополье — ее юг. Получается, мы земляки. Там наши корни, — мягко произнес Сургучев, а душу въедливо будоражила мысль: «Кто же все-таки этот орловский шустрячок? Не «казачок» ли он из революционеров? Кровавая бойня большевиков в Ставрополе и сейчас полыхает огнем в непрощенных сновидениях... Да нет, нет! — возразил сам себе. — Надо тушить это пламя. Нельзя постоянно жить прошлым...»

А таксист вдруг похлопал себя по внутреннему карману и воскликнул:

— Да! Главное забыл. — Быстрым движением он извлек из пиджака две тетрадки. — Вот он, мой самиздат! Хотел вас удивить. Не получилось. Я, собственно, предвидел подобный расклад и потому прихватил и другой самиздат. Пьеску пытался сотворить из мыслей Горького.

— Смело, — угрюмо заметил писатель. — Смелость часто города берет. Но не чистый лист бумаги... Он сопротивляется. Здесь смелость не всегда помогает. Здесь надо что-то иное.

— Понимаю. Не обессудьте. Простите. В пьеске вот этой я прямо к зрителю... без интриги. У вас же был свой «Театр без занавеса». Взгляните.

— Прочту. Что в моих силах... — протянул руку Илья Дмитриевич.

— Не здесь! Дома. А то моя капля дегтя, как говаривал мой отец, может испортить полную чашу нашего вечера.

— Хорошо, — согласился писатель, откладывая тетрадь в сторону, на газеты.

— О моем самиздате номер два потом... Вот что я хочу сказать вначале. Ваш «Губернатор» (роман я имею в виду) до сих пор читается всеми. И я его прочел. Зацепило меня: губернатор-то живой. Я его видел, когда читал, как вас. И скажу вам, только не обижайтесь, Ставрополь-то ваш — провинция. А после такого романа эта провинция возвысилась, как Москва и Париж.

— Остановитесь, Вадим Павлович, — снисходительно улыбнулся Сургучев. — Вы подняли меня на такую высоту... А вдруг я сорвусь? Ведь я жить еще хочу.

— Да я того... от души говорю. Теперь Ставрополь-Кавказский известен многим. В том числе и мне. Слава «Губернатора»...

— Пустое, проходящее, — перебил Сургучев. — Слава, Вадим Павлович, как капризная женщина.

— Это как понимать?! — удивился таксист.

— Естественно, — откликнулся писатель. — Французы не случайно говорят: шерше ля фам. Ищите женщину. Без нее и жизни нет, и славы нет. А слава, Вадим Павлович, — обманчивый наркотик. Бесславие — яд.

— Так что, по-вашему, слава — это женщина?

— Увы, — обронил Илья Дмитриевич.

Орловец бегло взглянул и, не решаясь задать вопрос, отвел глаза. Но Сургучев, сразу поняв, что он хотел сказать, подбодрил его:

— Да спрашивайте. Вижу, интересуетесь кухней сочинителя.

— Малость есть. Интересуюсь. Если так, то скажите, трудно писалось?

— Кому как, а мне всегда трудно. Вон, Лев Николаевич Толстой «Войну и мир», как известно, двенадцать раз переписывал. Правда, не он один.

— Погодите, погодите! Вы тоже двенадцать раз?

— Да нет, Вадим Павлович, я меньше.

— А почему?

— Да потому что я один. И даже, если бы я переписывал сто раз, Толстой из меня не получился бы. Ну что, интересна писательская кухня? — улыбнулся Сургучев.

— Горьковата. Но интересна.

— Тогда слушайте. Мой губернатор имел своего прототипа, ставропольца Никифораки. Образ моего губернатора — это попытка чуть приоткрыть ту часть жизни, что все знают, но стараются публично не замечать такой пропасти.

— В этой пропасти можно и утонуть, — откликнулся таксист.

— Еще как! Тонут многие. Но не все.

— Да и мои родители вместе со мной там, на родине, чуть тоже не утонули. Только не от пропасти: от революции. Революция — это такая подлюка! Она хуже воровства. И она всех топит не в воде, а в кровушке своей... — Таксист смолк. Его круглые щеки покрыл нервный багрянец. На широком лбу выступили пятна. Резким движением плеснул в бокал минералки. Сделав несколько глотков и виновато глядя в сторону, он сказал: — Извините, обожгло меня...

— Понимаю вас, Вадим Павлович, — тихо ответил Сургучев. — Очень. — Тоже отпил минералки и тактично продолжил: — Вода иногда тушит пожары внутри. Но не революции. Давайте все же отойдем от политики и поговорим о другом.

— Да-да, — согласно кивнул таксист. — Знаете, Илья Дмитриевич, я Париж знаю лучше, чем свою губернию, Орловскую. Но здесь, кого ни спроси, слышали только об орловском рысаке, хотя вывел эту породу граф Орлов в другой губернии. Обидно. А вы, Илья Дмитриевич, знакомы с моей губернией? Бывали там?

— С Орловской губернией, Вадим Павлович, я знаком, прежде всего, по литературе. — ответил Сургучев. — Для меня орловский бог, конечно, Тургенев. А ваши, да и мои россияне-земляки Давыдов и Ермолов — герои на все века. Им, победителям Наполеона, памятники во Франции, конечно, не поставят... А в России и Давыдову, партизану и поэту, и генералу Ермолову, и Тургеневу, моему учителю, памятники еще будут... Сколько себя помню, доложу вам, я всю жизнь перечитываю Тургенева. В сущности, все его творчество — это русские стихи в прозе. В них журчат родниками живые голоса старины забытой. И еще в тургеневских сюжетах какой-то привкус родного духа с особым земным настоем. Не удивляйтесь, я всегда при чтении его работ хмелею... И ваш земляк Бунин — тоже великан «русскости» в своих сочинениях. Сам-то он много интересного говорил об Орловщине при личных встречах. Очень русский человек... Как Тургенев... Очень интересный, такой темпераментный собеседник.

— Вы знали и Бунина?! — вырвалось у таксиста.

— Имел честь. Бунин-то вместе с Горьким и Куприным подсадили меня на литературного рысака. Издавна греки назвали его Пегасом. Но рысак этот коварнее орловского скакуна. Ко-вар-нее. Как поется: «Были когда-то и мы рысакими»... Были...

— Да вы и сейчас еще скачете, — восхищенно произнес таксист.

Писатель иронично взглянул и угрюмо ответил:

— Увы, уже не скачу. Передвигаюсь, — хмуро ответил Сургучев.

— А я в это не верю! — воскликнул таксист.

Илья Дмитриевич, грустно взглянув, подумал: «Ишь ты, второй Станиславский отыскался: «Не верю!» А вслух обмолвился:

— Да и не надо, Вадим Павлович, ваше право. Но факты, говорят, — упрямая вещь. Вы же видели: явился к вам не верхом. Пешком. Пегас-то мой ускакал далече... Безлошадник я, по сути...

Таксист не знал, как возразить. Но возражать жгуче хотелось. Смело заявил:

— Такой безлошадник часто обгоняет многих наездников литературных. Это точно, без всякого подмеса хитрости.

Улыбнувшись, Сургучев снисходительно возразил:

— Благодарю за комплимент. Но это, скорее, продолжение моей развернутой метафоры. Она — «розочка» аромата композиции, что оживляет серые кирпичики слов на стене сюжета. Стены-то бывают и непробиваемые. О стены такие часто бьешься головой. А кирпичики слов не пускают... Вы, Вадим Павлович, помолитесь на ту стену. Помолитесь.

— Да разве на стену молятся? — недоуменно спросил таксист. — Таких молящихся не встречал.

— Уже встретили, — улыбнувшись, ответил Сургучев.

— Как? Разве вы, Илья Дмитриевич, на стену молились?..

— Крестился...

— Вы серьезно говорите?

— Серьезнее не бывает, — развел руками Сургучев. — Это часть моей биографии... Драматургической. Было дело... со стеной в Александринском Императорском театре аж в Петербурге. Было. И на нее я крестился в 1913 году.

— Так расскажите, пожалуйста! Это же прямо как в кино. Как на фильмах Чаплина!

— Ну, до Чаплина мне далеко, — рассмеялся Илья Дмитриевич. — И представьте себе, что история со стеной связана с Тургеневым. Да-да. Ученые говорят, что параллели не сходятся. С ними не поспоришь. Но смею предположить, что в жизни нашей существуют параллельные судьбы. И они, вопреки законам геометрии, сходятся.

— А вы, случайно, не охотник, как Тургенев?

— Нет, уважаемый Вадим Павлович. И случайно, и даже продуманно. Доложу вам по секрету: «Записок охотника» я не в силах сотворить. А вот на стену в театре действительно крестился. Мне тогда было лет тридцать. И я в то время встретил роковую женщину, в которую был влюблен сам Тургенев! Была это Мария Гавриловна Савина, великая актриса. Доложу вам: действительно великая.

— Так это великая и заставила вас креститься на стену? — простодушно спросил орловец.

— Заставила.

— Не поверил бы ни за что! — воскликнул таксист. — Но на той стене, видать, что-то было... такое, священное. Раз вы... того... и покрестились.

— Было, — ответил Сургучев. Замолк.

— Так вы того... подробнее, подробнее... Что за история с этой роковой актрисой? Роман был?

— Хуже. Были сладкие муки творчества над пьесой «Осенние скрипки». А в начале... — Сургучев глубоко задумался, а затем, уже другим тоном, продолжил: — Представьте себе нестаряющееся, вечно юное женственное создание. Глаза у создания — звезды. Голос неповторимо привлекателен. И все при этом... маняще-таинственно. Почти неземное....

— Вы точно были в нее влюблены! — воскликнул орловец и осекся: — Извините, но вы так вкусно говорите. Влюбленно так... Натурально.

— Да в нее был влюблен весь Питер и пол-Европы зрителей. И сам Иван Сергеевич Тургенев. Он по-особому был очарован... И, представьте себе, я, ставропольский провинциал, после знаменитого драматурга Островско-

го дерзнул написать пьесу о купеческой жизни «Торговый дом». Тему-то я хорошо знал по наследству. Купцы-то — торгаши.

— И что же, эта вечно молодая великая женщина играла свою особую роль звезды в вашей пьесе? — нетерпеливо спросил таксист.

— Играла. Да еще как! Не свою типичную роль светской львицы, а старухи-домовладелицы. Я пригласил ее на эту роль, не надеясь, конечно, на успех. Но жрица театра, к моему удивлению, не отказалась. Как-то в фойе театра после очередной репетиции я, счастливый, направлялся в буфет. Тут мне Савина преградила дорогу и таким обольстительно-едким голосом старухи произнесла: «За розы, что передали мне в гримерную, благодарствую. Но, господин драматург, по вашей милости я ужасно, ужасно состарюсь в вашем «Торговом доме», на целое десятилетие! Да, всем нравится и пьеска, и старуха. Но я одна в вашем талантливом омуте уже состарилась. Одна! А мне еще бы с десятков лет молодиться на сцене. Какой кошмар!..»

Великая актриса словно окатила меня водой. Ее коварный розыгрыш удался... Я тогда, — вздохнул Сургучев, — под натиском ее слов, то ли ироничных, то ли искренних, растерялся. Помню, промолвил: «А что же делать, Мария Гавриловна?» Савина властно взяла меня под руку: «Пойдемте со мной!» Мы быстро передвигались по фойе театра. Остановка была скорой и неожиданной. Махнув рукой, актриса приказала: «Вот, креститесь клятвенно на эту стену, господин драматург, что напишете лично для меня пьеску. Тему я дам. Клянитесь!» Я, Вадим Павлович, буквально ошалел. Прошептал: «Так здесь нет Библии...» «А вы клянитесь на стену!» — потребовала Савина. «Но на стены не крестятся», — оправдывался я. «На эту можно», — вновь указала рукой великая актриса. Подойдя ближе, я увидел в рамке под стеклом конверты и, взглядевшись, с радостным удивлением обнаружил узнаваемый каллиграфический почерк Тургенева. «Признали?» — грозно произнесла в тот миг Савина. «Конечно! Это же Тургенев! Его почерк». «Читайте: «Савиной» — написано на конвертах. Вот, поместила их на этой стене. Они, молодой человек, — портрет и моей судьбы». И я тогда поклялся и перекрестился на стену, пообещал, что напишу для нее пьесу. Клятву ту не нарушил. Писалось легко и быстро. Конец вверх меня в какую-то опустошенность и боязнь: опасался безжалостного насмешливого суда заказчицы. Но ей понравилось. Видимо, не зря крестился на стену. Моя пьеса вроде бы памятник Савиной Тургеневу. И я рад, горжусь, что причастен к этому.

— А пьеска-то как называется? — спросил таксист.

— «Осенние скрипки». Про любовь. Да такую неземную, чистую любовь, — задумчиво произнес Сургучев. — Но в этой пьесе Савина уже не играла. Болела. Ее роль сыграла тоже звезда сцены — Книппер-Чехова. В Москве...

— Я, Илья Дмитриевич, судя по вам, предполагаю, что те скрипки осенние до сих пор в вас поют. Они-то вас и пронзили сейчас... Вот как вы весь светитесь думкой той... Позвольте полюбопытствовать: думка-то ваша о скрипках тех, осенних... Угадал?

Сургучев молча кивнул.

Писатель и таксист молча поглощали закуски, запивая их минералкой. Пауза в беседе затягивалась. Первым прервал молчание Вадим Павлович, стеснительно обмолвившись:

— Я вам, Илья Дмитриевич, признателен за нашу встречу и наше русское общение... И за понимание всего...

— Взаимно, — ответил Сургучев. — Понимать другого человека — нелегкое благо. Многие люди в наше время не хотят понимать ближнего, по причине своей духовной лени. Не хотят напрягаться. И я бываю таким. А она-то, лень духа нашего, бывает часто пострашнее врагов. Их можно порой и понять, даже полюбить. Но тех, кто тебя не желает даже чуточку послушать, полюбить невозможно. Наша лень духа — непрочная защита. Такая защита непродуктивна. И губительна...

— Верно, — тихо согласился таксист. — Особенно такое я наблюдаю у эмигрантов. Все они, в том числе и я, — узники своей судьбы. А вот вы, Илья Дмитриевич, так здесь и проживете парижским узником? Я как-то себя таким ощущаю. А вы?

— Парижский узник, говорите? — Сургучев внутренне вздрогнул от таких обжигающих слов, тяжело почувствовал странное, непонятное ощущение тревоги и горечи. — Так оно и есть. Как и вы, живу вдали от Родины и моего Ставрополя. Страдаю. Тяжко. Но судьба — это промысел Божий... А Франции все-таки я благодарен. За многое. Думаю, Вадим Павлович, что величайшее благо для человека не только свободно думать и говорить, но и писать об этом. Писать на родном языке, разумеется, опираясь на нетленные ценности вечности. — Взглянув на таксиста, он виновато спросил: — Утомил вас своим излиянием?..

— Ну, что вы, Илья Дмитриевич! От вашего излияния на душе просветлело. А эмигранты — все узники. Точно! А кто таковым себя не чувствует, тот и Родины своей толком не знает. Меня вот сильно потянуло домой в Россию, на Орловщину. Хочу вернуться. Собираюсь. А вы?

— А я... не собираюсь.

Таксист какое-то время молча смотрел на писателя, потом тихо произнес:

— Ага. Агитировать не буду. Вам виднее.

Сургучев скупно кивнул головой в знак благодарности, потом налил в рюмку водки, быстро выпил и снова заговорил:

— Здесь, в Париже, в тюрьме Френ я уже был натуральным узником. Суд оправдал. А там я снова им буду.

— Но Куприн и Алексей Толстой... Они же вернулись. И другие... — Орловец мучительно подыскивал аргументы.

— Не надо! — откликнулся Сургучев. — Я — не они. Как они, не смогу...

— А Горький! — воскликнул таксист.

Писатель протестующе поднял ладонь, попросил:

— О старике в этом плане промолчим. У него вначале сына отравили, а потом и его тоже... Знаете, можно жить и чувствовать себя царем даже в маленькой клетке-квартирке, а можно чувствовать себя рабом во дворце.

— Можно, — вздохнул таксист и, наклонив голову, замолчал.

А Сургучев, как в старую ноющую еще рану, погрузился в воспоминания.

... 1917 год стал роковым в судьбе многих писателей. Между Горьким и Буниным произошел полный разрыв. В письме своему секретарю Петру Крючкову Горький заметил, что Бунин «дико озверел». Но бесчинства красных вызвали протест и у Горького. Как публицист, он высказал его в «Несвоевременных мыслях» в России.

«Каждый из нас далек от святости, — пронеслось в голове у Ильи Дмитриевича. — Попадая иногда в ловушку дьявола, я, грешник, тоже поджариваюсь на углях сомнений. Прости меня, Господи. Но я не могу вернуться туда, где отвергли Тебя, Создатель! Почему люди, живя на родине, порой становятся эмигрантами? Может, и потому, что человек не приемлет сокрушительные перемены и веками страдает от анафемы кровавых правдоискателей? Ведь когда мы бежим от таких адовых перемен, мы не изменяем себе... Толстой, например, бежал не от усадьбы и жены с детьми. Да нет! Он бежал от неприятия того, чего принять не мог. Где-то я его понимаю, а где-то и нет. Но понимал ли Толстой себя сам? Если бы не его смерть, то великан духа, пожалуй, мог бы тоже стать эмигрантом... Ведь, по сути, эмиграция — это опасная новизна спасения. Вот и Тургенев. Он не спасся ни огромным талантом, ни интеллектом. Даже знание девяти европейских языков не защитили моего кумира. А его мучительная любовь к Полине Виардо... Она звучит и живет в бессмертном романсе «В дороге». Там нет ни одной строчки о женщине. А романс-то весь пропитан и любовью, и особой русской печалью:

*«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...»*

Сургучев невольно взглянул в огромное окно «Ротонды». Но вместо широкого поля увидел подмигивающие огоньки парижской суеты. Сквозь гул кафе прозаическим рефреном продолжился прерванный внутренний мо-

нолог: «И все же стать эмигрантом я бы никому не пожелал. Ни-ко-му. Даже наполовину эмигрантом, как Тургенев. Даже врагам, которых Создатель велит любить...»

Словно издалека до писателя долетел голос орловца. Тот рассказывал о своем детстве, об орловских озерах, реках. Неожиданно таксист смолк и с опаской спросил:

— Заболтал я вас?

— Ну, зачем же так, — укоризненно возразил писатель. — Вы так увлеченно говорили. Человек, Вадим Павлович, — живая книга. Конечно, печатную книгу легко перелистывать. Там все почти понятно, даже в подтексте. А вот люди, увы, стали более закрыты. Сидят в своей скорлупе, как в замке.

— Это точно. Но с вами интересно: вы располагаете к тому, что хочется чуток высунуться из своего «замка». Конечно, у вас опыт. Вероятно, всю жизнь и занимались писательством. Дорогами разных людей. Угадал?

— Да нет, Вадим Павлович. Я и железной дорогой занимался.

— Так что, вы по образованию железнодорожник?

— По образованию я — востоковед. В Санкт-Петербурге нас, дипломников, было только два человека из всего курса. Такие дела.

— А железная дорога там тоже была как предмет?

— Железную дорогу востоковеды не изучают, — засмеялся Сургучев. — «Железку» я пробивал в Москве. С трудом. Занимался общественной работой. Избирался гласным Ставропольской городской думы. Был председателем железнодорожной комиссии. Времени утекло много, но Армавиرو-Туапсинская линия прошла через Ставрополь. Губерния наша ожила.

— И награду вы, конечно, получили за «железку», ну, за железную поездную дорогу?

— Благодарности — да. А награду, как вы соизволили сказать, получил за цветочную композицию «Варяг». В Москве, в 1904 году.

— Как интересно! — воскликнул таксист. — Выходит, вы еще и цветоизобретатель?

— Выходит, — со смехом согласился Сургучев. — В цветах, Вадим Павлович, есть своя некая философия. Эта природная философия цветов почти не раскрыта человеком. Но тайна их запахов, думаю, имеют свою мелодию вечности. А без той мелодии и жизни может не быть. Симфонию цвета и аромата давно постигли медоносные труженики — пчелки.

Удивленный таксист робко повторил:

— Симфония цвета и аромата... Мудрено. Вы, как цветоизобретатель, еще что-то небось придумали?

— Грешен, — улыбнулся Илья Дмитриевич, — цветочный календарь придумал.

— Цветочный календарь? Это как? В календарях листочки-то отрывают. А у вас как?

— А у меня вот так, — отозвался Сургучев. — Предположим, что наш стол — это клумба. — Он взял три газеты и, разложив их на столе, продолжил: — Вот эта газета — ящичек. И эта — ящичек. И под ними тоже. Эти два ящичка — для цифр, дата из цветов. А третий ящичек внизу — для названия месяца. Устанавливают такие ящички на клумбах. На курортах. Числа ежедневно обновляют, а название месяца — один раз. Получается «живой» цветочный календарь. И знаете, он впечатляет. Это мое изобретение, как вы сказали, и сейчас работает на курортах России.

— И вам опять награду не дали?

— Бумагу какую-то дали. Грамоту, кажется. Но не в этом дело. Самая большая награда, Вадим Павлович, — это память. А награды, как дают, так и отнимают. Память же никто отнять не может. Память — высшая награда жизни. Ее отнять нельзя. Не получится.

— Ну, и голова у вас. Вы, случайно, в губернаторы не избирались?

— Слава богу, не довелось. Там бы я точно голову потерял.

В их оживленном разговоре неожиданно наступила пауза. Такая тишина, разъединяя, всегда чем-то таинственно сближает. И уводит в прошлое.

Орловец с грустью вспоминал родителей. Мелькали картинки: в съемной квартирке, где они жили, часто возникали шумные споры с русскими эмигрантами о судьбе России. И опять на память пришли строгие наставления отца, чтобы он вернулся обязательно на родину. Навсегда запомнилась печаль в глазах родителя, когда тот говорил об Орловщине, и таксист в который раз подумал: «Отец и мать остались в земле Франции. А мне надо вернуться домой. Обещал...»

А Сургучев, вслушиваясь в гомон «Ротонды», ловил себя на мыслях о новом сюжете. «Китеж» не отпускал его, вырисовывая все новые и новые проблески картин Ставрополя, которые играли узнаваемую мелодию. Отчетливо вспомнилось: «Да это же мелодии моих «Осенних скрипок». Пожалуй, «Китеж» и станет тоже скрипкой родному городу. Композиция сюжета проясняется. Да так оно и должно быть: ведь Ставрополь для меня всегда свет. Я даже не сменил гражданства. И сейчас остаюсь подданным Российской империи. Увидеть бы Город Креста, родную улицу — Первую Ясеновскую... И там будет свет. Родины без света не бывает».

Собеседники молчали. Каждый думал о своем.

Был уже поздний вечер, когда они покинули кафе.

— Спасибо за все, — сказал таксист, пожимая руку писателю.

— Да не за что, не за что!

— Как это — не за что! — воскликнул орловец.

— Прекратим, мы же не барышни! — строго проговорил Сургучев. —

Ваш самиздат... постараюсь определить чуть позже. Насчет сценки... ознакомлюсь. Если будут зацепки, помогу. У меня деловое предложение, Вадим Павлович. Давайте встретимся через две недели. Я осилю один сюжетец. Срок такой, как договор, меня будет подхлестывать. Встречу предлагаю в русском соборе Александра Невского...

Место встречи Илья Дмитриевич выбрал не случайно. Этот собор был центром духовности русской эмиграции в Париже. Александр II внес в создание собора личный вклад — 150 тысяч франков золотом. В нем отпевали Бунина, Шаляпина, других знаменитостей.

— Так через две недели в соборе Александра Невского, — повторил писатель. — В пять вечера вас устроит?

— Еще как! Вполне. Запомнил, — кивнул таксист.

— Простите, Вадим Павлович, — мягко произнес Сургучев, — забыл вас предупредить... На издание мыслей Горького потребуются небольшие первичные затраты. У вас есть средства? Для раскрутки рекламной. И печати... Я в данный момент банкрот.

— Кое-что есть. Припас.

— Это хорошо, но не это главное. Предположим, и наверняка, «Несвоевременные мысли» Горького в Париже напечатают. Книжица, думаю, будет иметь резонанс. Но, как говорят у нас на Руси, шила в мешке не утаишь. В исходных данных, как принято, назовут имя составителя. Вам это надо?

— А как же? — часто заморгал глазами орловец. — Я собирал и буду оплачивать... Это же мой заказ!

— И вы с этим взрывным заказом мечтаете прямо на орловском коне... на родину?

— Насчет коня — не знаю, но там, на Орловщине, буду точно.

— Так я и предполагал, — грустно произнес Сургучев. — Но в России вашего скакуна-коня, в лучшем случае, определяют в телегу быта, а не на скачки. А вас — в тюрьму. Да-да! «Несвоевременные мысли», как и несвоевременных правдоискателей... сами же говорили... в России не любят.

— А я об этом и не думал, — растерялся орловец.

— А вы подумайте, глубоко поразмышляйте. Только, упаси бог, не считайте, что я вас отговариваю. В эмиграции мировой русские люди создали на века своеобразный непотопляемый плотик духовности... И он бессмертен...

— Так как же мне поступить насчет книжечки?! — воскликнул с отчаянием орловец.

— Думать и решать, — жестко проговорил Илья Дмитриевич, и на этом они расстались.

Писатель шел по улице и рассуждал: «Однако озадачил земляка. Пожалуй, в своем предупреждении я честен: опасны «Несвоевременные мысли»

Горького. А орловец из них пиеску сочинил. Посмотрю. Но в России не посмотрят. Невидимый театр чекистов работает круглосуточно... Горько за свою ложь: соврал святотатно орловцу, что не вернусь... Как точно определил Тургенев: Россия без каждого из нас проживет. Получается, что мы, эмигранты, как корни без почвы. Иван Сергеевич наезжал в Россиюшку, подпитывался, но не успел вернуться. А я вернусь! Вернусь, когда закончу «Китеж». Жить без Родины — это как жить без Бога...»

...Вечерне-ночная жизнь меняла парижские напевы. Илья Дмитриевич под аккомпанемент кружащихся снежинок неспешно продвигался к своему жилищу. Знакомый повеса, ночной озорной ветерок, поменяв свои дневные вольности, под хороводами мерцающих звезд тихо насвистывал уже иные, ля-минорные мотивы, в которых угадывалась отдаленная напевность шансона и еще что-то шало-французское...

Чуть замедлив шаг, он с тревогой подумал: «Вот и орловец по неписанным, загадочным законам своей судьбы стремится обратно в Россию. Стремления Вадима Павловича мне отчасти понятны: наказ отца — приказ для сына. А может, его тянет генетическая корневая сила слова, что живет в произведениях земляков: Аксакова, Тургенева, Бунина. И получается, что в жизни тоже действует некий «закон трагедий»!»

Озорной напевный ветерок стих, танцы снежинок прекратились, и бывший житель ставропольской равнины с наслаждением вдохнул особый, как он отметил, «аромат тиши».

Впорхнувшая метафора «аромат тиши» сходу вызвала у тонкого стилиста Сургучева спорные мысли. «Пишут же об «аромате весеннего тумана»... В природе такой еле уловимый туманный запах есть. А вот «аромата тиши» не бывает, как и «аромата революций». Хотя есть! У всех революций этот запах — кровавый! Жуткий! Бесовский!.. Боже, как прав орловец, когда в пылу своих рассуждений сегодня в «Ротонде» говорил о лицемерной земной справедливости всех законов. В доказательство Вадим Павлович даже процитировал псалом Давида: «Беззакония все истребятся, будущность нечестивых погибнет». Но параллели судеб нельзя втиснуть ни в какой земной закон, они сходятся на изменчивых качелях бытия... И не надо узаконивать тайны божьего промысла. Не надо! Ведь именно «трагедия закона» привела и к моей личной трагедии, как и всех революций, что были и будут...»

Неожиданно Илья Дмитриевич словно услышал хрипло-взволнованный голос орловца, читавшего Горького: «Разрушаются тысячи деревень, десятки городов... сожжены и вырублены леса, испорчены дороги, взорваны мосты...» Тогда жестом он остановил земляка. Тот подчинился, но «несвоевременные мысли» продолжали звучать...

И вновь подумалось Сургучеву: «Не дай Бог моим потомкам вновь оказаться в бесовском огне революции...» □

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

доктора Ватсона

Трудно представить кого-то более похожего на английского джентльмена, чем доктора Ватсона. И его образ, выписанный Конан-Дойлем, и большинство актеров, воплотивших эту роль на экране, работали на создание «самого английского из англичан и самого воспитанного из джентльменов». Но есть в мировом кинематографе и признанный эталон — Ватсон, сыгранный русским артистом Виталием Соломиным.

Вопреки мнению многих смотревших сериал Игоря Масленникова, аристократом по рождению Виталий Мефодьевич вовсе не был. Он родился в Чите, в семье профессиональных музыкантов. Жили Соломины скромно, в деревянном бараке. В семье росло двое сыновей — старший Юрий и младший Виталий. Последнего родители активно пытались приобщить к музыке, и мальчик несколько лет занимался в музыкальной школе по классу фортепиано, хотя занятия этого не любил и мечтал только о том, чтобы инструмент поскорее развалился. Однако избавление от ненавистной «музыкалки» пришло совсем другим способом. Как-то зимой, в сильный мороз, подойдя к двери школы, Виталий не смог открыть ее — от холода дверь заклинило. Вернувшись домой, он сообщил родителям, что школу закрыли. Те поняли, что музыканта из ребенка не выйдет, и оставили его в покое.

Получив возможность заниматься тем, чем хочется, Виталий записался на бокс и еще в несколько спортивных секций — волейбольную, баскетбольную, легкой атлетики и гимнастики. Будучи везде довольно успешным, больше всего времени он уделял все же боксу. Правда, природная интеллигентность и тут брала свое — ударить человека лет до сорока пяти было для него проблемой. Другое дело — «груша». И подвернулся весьма серьезный повод: лучший друг Виталия Мефодьевича хирург Евгений Матякин был смер-

тельно оскорблен одним из московских художников. Обидчик оказался первым человеком, испробовавшим на себе силу соломинского удара правой, — и надолго запомнил это.

Когда Виталий был еще подростком, в Москву — поступать в театральное училище — уехал его старший брат Юрий. Окончив в 1959 году школу, Соломин-младший тоже решил, что станет артистом. Однако поначалу дело не заладилось.

Юрий Соломин впоследствии вспоминал: *«У нас был педагог, ездил в Сибирь и набирал на курс. Виталий пытался пройти первый тур, но тот его не пропустил. Мама позвонила и сказала: "Юрка, что делать?" — "Отправляй его ко мне", — ответил я. И он приехал. Кроме нас с женой у него никого в Москве не было».*

Приехав в Москву, Виталий первое время жил у брата и его жены Ольги в общежитии. Юрий помог младшему брату подготовиться к поступлению в училище, и уже вскоре Виталий стал студентом знаменитой «Щепки». Об этом существует и семейная легенда, рассказанная тем же Юрием Соломиным.

Поскольку сопровождать брата в училище, где он сам уже преподавал, Юрию было неловко, на туры с Соломиным-младшим отправилась Ольга — жена Юрия. В то время она уже была ведущей актрисой Московского ТЮЗа. Приемную комиссию на конкурсе возглавляла Вера Николаевна Пашенная. Услышав фамилию Соломин, заинтересовалась:

— И откуда вы?

— Из Читы.

— Вы родственник Юрию Соломину?

— Брат.

— Ну, давайте мы вас послушаем.

Виталий начал читать стихотворение, но на середине был остановлен Пашенной:

— Достаточно. Принять!

Желающих перечить Вере Николаевне не нашлось. Так Виталий стал студентом Театрального училища имени Щепкина.

Поскольку училище имеет непосредственное отношение к Малому театру, путь большинства студентов начинается именно на этих знаменитых подмостках. Соломин совершенно не тушевался рядом с корифеями Малого театра и уже в студенчестве работал в полную силу, успевая присматриваться и к кино, хотя в училище этого не одобряли.

Сниматься он начал в середине 60-х. Правда, не в главных ролях. Тогда в советском кино в моде были интеллектуальные герои с умными лицами. Курносый и рыжий Соломин казался режиссерам слишком уж простым. Его дебютом стала роль Боярцева в фильме «Улица Ньютона, дом 1». Затем последовали роли Вележина в фильме «Председатель» и главная роль Жени в фильме «Женщины».

Уже в студенческие годы обаятельный и общительный Соломин женился в первый раз — на красавице-актрисе и дочери известного писателя Наталье Рудной. Но этот брак продлился недолго, молодые оказались не готовы к компромиссам семейной жизни. После развода Виталий решил все силы отдавать работе и в брак больше не вступать.

Однако стоит лишь дать себе подобное обещание, как судьба непременно подшутит над тобой...

*С женой
Марией
Леонидовой
и дочерьми
Анастасией
и Елизаветой*

В начале семидесятых режиссер Петр Тодоровский снимал фильм «Городской романс», пригласив на главную роль молодую девушку Марию Леонидову. Она была студенткой художественно-промышленного училища имени Веры Мухиной в Ленинграде, и на пробы попала случайно — ассистентка режиссера просто увидела ее на улице и позвала сниматься. Мария согласилась, но, по ее собственным словам, кинематографом после этих съемок не «заболела».

И если с героиней все было ясно, то с исполнителем главной мужской роли Тодоровский долго не мог определиться, выбирая между Виталием Соломиным и Евгением Киндиновым. В колебаниях своих он познакомил Марию с обоими, и девушке больше понравился Виталий. Она вспоминала: «Я почувствовала его доброжелательно-покровительственное отношение, будто он — мой старший брат». Съемки с участием Соломина

начались, но, неожиданно для всех, режиссер вскоре снял его с роли. В исполнении Соломина герой показался ему «слишком положительным», что противоречило сценарию. И роль была отдана Киндинову.

Для Соломина это, конечно, был удар — прежде всего, по профессиональной гордости. Он перестал общаться с членами съемочной группы, и отношения, только начавшиеся между ним и Марией, прекратились. Однажды Виталий случайно встретился в метро с звукооператором картины, и тот, как бы между делом, сказал: «Что ж ты заморочил Маше голову и бросил девушку».

Сама Мария Антониновна вспоминала: «Когда я потеряла уже всякую надежду, Виталий мне позвонил. Я была на седьмом небе от счастья и не пыталась скрыть свою радость, лепетала что-то, простодушно спрашивала, когда встретимся. Моя наивность, как после признался Виталий, его покорила».

Через год влюбленные поженились в Ленинграде, причем после росписи молодая жена поехала в институт, а муж — на поезд, в Москве он был занят в спектакле.

Брак Соломиных оказался на редкость крепким, во многом благодаря тому, что Мария оказалась мудрой и спокойной женщиной, готовой уступить пальму первенства мужу. Виталий Мефодьевич еще до свадьбы попросил невесту оставить актерскую профессию, и Мария сделала это без сожаления. Сама она вспоминала о муже: *«По-другому было невозможно. У Соломина был сложный и бескомпромиссный характер. В жизни он — полная противоположность своему герою из "Зимней вишни". Не любил выяснять отношения, был из породы молчунов. На людях веселился, шутил, казался душой компании. А дома часто бывал скуп на слова, погружен в себя. Я не лезла с расспросами. Виталий — нетипичный актер, работая в театре, "не тянул одеяло на себя", не позерствовал. Он был очень обязательным человеком, не любил болтунов и часто бывал негибким по отношению к другим, не таким педантичным, как он, людям. Из-за этого у некоторых актеров, с ним работавших, складывалось впечатление, что у Виталия тяжелый характер. А мне с ним было легко».*

Но несомненный шарм и склонность к размаху в Соломине, конечно, присутствовали: он мог неожиданно приехать к жене со съемок с огромным букетом или устроить

заскучавшим друзьям празднование Нового года посреди лета.

На роль доктора Ватсона, ставшую для Соломина знаковой, его утвердили не сразу. И дело было вовсе не в режиссере Игоре Масленникове — его-то Виталий Мефодьевич покорила с первой же пробы. Однако у худсовета было другое мнение: *«Какой из Соломина обитатель Бейкер-стрит? Вы только посмотрите на его нос!»*

Игорь Масленников с иронией вспоминал об этом: *«Ну, они-то глупостей говорили много. Они и Ливанова не утверждали мне, и Рину Зеленую. А про Виталия говорили, что у него русская рожа, курносая. Ну и что? Половина англичан курносые».*

Снимать Виталия Соломина разрешили, правда, предупредили режиссера, что в случае провала дорога в кино будет закрыта для них обоих. Но и худсовету случается ошибаться: как известно, сериал Масленникова о Шерлоке Холмсе стал одним из самых любимых у зрителей.

Съемки «Холмса» дались артисту нелегко. Спектакли и репетиции в Малом театре в Москве, работа у Масленникова — в Ленинграде. Бывало, он не успевал заезжать домой и по 10 дней спал в поезде.

Он губил свое здоровье, но, в то же время, ощущал необычайное счастье — настоящую актерскую востребованность.

Ролью, сделавшей Соломина еще более популярным (хотя после Ватсона — возможно ли?), стала роль Вадима Дашкова из «Зимней вишни»

того же Игоря Масленникова. Изначально в этой роли должен был сниматься Сергей Шакуров, но отказался, и Масленников пригласил уже знакомого «Ватсона». История стала настолько актуальной для зрителей, что впоследствии было снято еще два продолжения фильма.

По воспоминаниям друзей, Соломин был полной противоположностью Дашкову, хотя и сам порой переживал периоды «Зимней вишни», заводя романы в театре. После первого такого случая жена предложила ему сделать выбор, и он остался в семье. Во второй раз Мария Антоновна просто сделала вид, что ничего

не знает, хотя «доброхоты», разумеется, все ей доложили. Так или иначе, но семья Виталия Соломина просуществовала 32 года, до самой его смерти.

В браке у Соломиных родились две дочери — Анастасия и Елизавета.

Виталий Мефодьевич много работал до самых последних дней — играл в Малом театре, которым руководил его брат Юрий, снимался в кино, сам ставил спектакли. Настоящим успехом стала постановка мюзикла «Свадьба Кречинского», где Соломин исполнял главную роль: он пел, танцевал, садился на шпагат. А ведь ему было уже 60 лет! Помимо

Слева:

*Виталий Соломин
и Василий Ливанов
в к/ф «Приключения
Шерлока Холмса
и доктора Ватсона*

*Виталий Соломин
в к/ф «Зимняя
вишня»*

этого вел курс студентов во ВГИКе и ездил по стране с антрепризой.

Несмотря на то, что сил оставалось все меньше, по-другому он жить не мог и не хотел. Он иногда говорил, что завидует Андрею Миронову — в том, что тот ушел из жизни прямо на сцене. В чем-то Соломин повторил эту судьбу...

24 апреля 2002 года он вернулся из Прибалтики в Москву, провел занятия во ВГИКе, а вечером готовился выйти на сцену в «Свадьбе Кречинского». Перед выходом Виталий Мефодьевич пожаловался коллегам на плохое самочувствие, чего прежде никогда не случалось. На сцене артисту стало совсем плохо, но он, хоть и с трудом, доиграл первый акт. В антракте его отнесли в гримерную, где он сказал, что не чувствует левой стороны. Срочно вызвали

«скорую» и отвезли его в больницу. Там врачи диагностировали инсульт.

Еще месяц он провел в больнице, то периодически впадая в кому, то приходя в сознание. 27 мая 2002 года Виталия Соломина не стало. Похоронен артист в Москве на Ваганьковском кладбище.

Как-то Соломин спросил свою старшую дочь, что такое жизнь, и она ответила: «*Это наш круг на Земле*». Его кругом на Земле были близкие, друзья, коллеги, семья, любимый внук Кирилл и, конечно, Малый театр, которые продолжают помнить и любить его... И тут на ум приходят строчки известного стихотворения поэта Евгения Евтушенко:

*Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать!..»*

ОДНОКЛАССНИКИ

*Память об обидах долговечнее,
нежели память о благодеяниях*

Пьер Буаст

Глава 27

Ирина лежала на кровати, подняв ноги вверх и прислонив их к стене. Эта поза быстро снимала усталость и отеки.

— Ну, Леша, докладывай! — негромко сказала она в телефонную трубку.

— Все в порядке, Ирина Юрьевна! — ответил телохранитель. — Птичка уже у нас.

— А рюкзак с деньгами?

— И рюкзак с деньгами у нас.

— Сумма та, которую я тебе назвала?

— Нет, ровно вчетверо меньше, зато в нетронутых банковских упаковках. И очень слезливая записка. Прочитать?.. «Уважаемый Курга! Очень прошу вас, поймите меня и войдите в мое положение. Это только четверть того, что вы потребовали. Еще сто тысяч я обязательно передам вам в ближайшие день-два. Нужно немного времени, чтобы оформить ссуду под залог недвижимости. Умоляю вас, не причиняйте вреда Людмиле! Я готов принять любое ваше условие, которое реально смогу выполнить. Люда для меня — самое дорогое, что у меня есть, и если вы сделаете ей плохо, я не смогу выполнить ваши требования по той причине, что предпочту умереть. Еще раз убедительно...»

— Ладно, хватит эти сопли по эфиру размазывать! — прервала его Ирина. — Давай о деле. Вы там с девчонкой не переусердствовали?

Продолжение. Начало в №9, 2018 года.

— Что вы, Ирина Юрьевна! Все очень аккуратно и интеллигентно.

— Снимки готовы?

— Уже штук десять отщелкали. Еще сделать?

— Не надо. Лицо этой фотомодели хорошо просматривается?

— Великолепно! И лицо, и все остальное...

— Тогда не будем тянуть время. Сканируй самые лучшие и отправляй мне факсом. Жду!

Ирина разложила ноутбук и привела в готовность модем. Через минуту мобильник мелодично запищал, и по экрану компьютера побежала строчка, вышивая цветными точками изображение кирпичной кладки сумрачного подвала и рыжеволосой девушки в ярко-красном комбинезоне. Она была привязана к собственным лыжам, сведенным в виде креста, и было похоже, что девушка распята. Рядом с ней стоял рослый детина в маске с прорезями для глаз — судя по кривым ногам, это был Марат. Он держал девушку за волосы, не позволяя ей отвернуться от объектива.

«Умеет же Леша любую ерунду подать нестандартно! Талант!» — мысленно отметила Ирина, с интересом рассматривая фотографию. Девушка показалась ей очень милой, несмотря на то, что на ее лице застыла печать безысходности. «Ради ее свободы Курга просто обязан горы свернуть».

Остальные снимки оказались менее удачными. Ирина вывела на принтер понравившуюся ей композицию с распятием, при свете бра внимательно рассмотрела еще пахнущую краской картинку и, свернув лист в трубочку, вышла из комнаты.

Пирогов, дожидаясь ее, бродил по коридору.

— Иди вниз! — приказала ему Ирина. — И приготовь мне чего-нибудь поесть.

Она дождалась, когда стихнут его шаги, и прошла в торец коридора. Остановившись у бревенчатой стены, ударила по ней совком и позвала:

— Курга!

— Да, я слушаю вас, Ирина Юрьевна! — тотчас отозвался он из-за стены.

— Случилось несчастье, — очень натурально всхлипнув, проговорила Ирина. — К сожалению, вы не дождетесь денег...

— А что?! Почему?! — взволнованно спросил Курга.

— Я сама об этом случайно узнала... Нам надо с вами поговорить. У нас теперь общая беда.

— Да, — забормотал он за стеной. — Я как чувствовал, что что-то случилось. Слишком долго нет связи... Поднимитесь ко мне, я открою замок. Только вы должны быть одна.

— Конечно, — кивнула Ирина, словно Курга мог ее видеть. — Я же сказала: это наша с вами общая беда.

Она спустилась вниз. Храня молчание, Белкин и Люда пили за столом чай. Пирогов, сидя на подоконнике, размешивал в миске какой-то суповой концентрат.

— Далеко? — поинтересовался Белкин, окидывая ее равнодушным взглядом.

Ирина не ответила, накинула шубу на плечи и хлопнула за собой дверь. Мелкими шажками, чтобы не поскользнуться на подтаявшем снегу, она прошла вдоль дома, свернула к кирпичной трубе — последнему бастиону Курги — и нажала кнопку звонка. Электромагнитный замок щелкнул не сразу — должно быть, Курга высматривал через узкое, как амбразура, окошко, не привела ли Ирина с собой еще кого-нибудь.

Она с трудом открыла дверь, зашла в тесный, сумрачный, пахнущий сырой известью коридор и, стараясь не выпачкать шубу в побелке, стала осторожно подниматься по винтовой лестнице.

— Стойте! — раздался сверху голос Курги. — Говорите оттуда!

«Тюрьма, — подумала Ирина, оглядывая серые стены, скудно освещенные маломощной лампой, висящей на забрызганных шпаклевкой проводах. — Камера смертника!»

— Я принесла вам фотографию... — сказала она слезливо, шмыгая носом. — Только, пожалуйста, не спрашивайте, откуда она у меня. Это область коммерческого шпионажа, а к нашему делу он не имеет никакого отношения.

— Положите на ступеньку и спуститесь вниз!

Ирина развернула картинку, разгладила ее на колене, чтобы не скручивалась в трубочку, и подошла к входной двери. Отсюда ей хорошо было слышно, как тихо и осторожно он спускается вниз. Сделает три-четыре шага и замрет, прислушиваясь.

— Не вздумайте подниматься, пока я не скажу! — предупредил Курга задыхающимся голосом и вдруг завыл, сначала тихо, а потом все громче и громче, стуча по ступеням то ли ногами, то ли головой, вся лестница пела, как орган. — Ну, зачем, зачем?.. — сдавленным голосом повторял он.

Когда все стихло, Ирина еще раз всхлипнула и прошептала:

— Кирпич ее просто ограбил! Семьсот тысяч долларов! Если бы вы знали, чего мне стоило собрать эту сумму. Ведь я брала в долг, брала под залог недвижимости своих родителей, сестры и брата...

— Кто такой Кирпич? — перебил ее Курга.

— Это теперь не имеет значения, — ответила Ирина. — Мой бывший клиент, которому я когда-то выдавала приличные ссуды на очень выгодных условиях. Был милым, интеллигентным бизнесменом. Мы дружили... А потом он вошел в криминальную группировку и стал контролировать

здешние места. Я только что разговаривала с ним по телефону и умоляла отдать мне деньги! — с нотками истерики продолжала она. — А этот негодяй смеялся и говорил: «Лапочка! Представь, что эти деньги конфискованы у тебя по приговору суда». Нет, нет! Надежды никакой. Бандиты деньги не возвращают...

— Она еще жива? — выдохнул из себя Курга.

— Кто?.. А-а, вы об этой девочке... Думаю, что жива. Но не хочу вас особо обнадеживать, ведь она не только пострадавшая, но и свидетель. А семьсот тысяч долларов слишком большая сумма, чтобы оставлять свидетеля живым... — Ирина то ли всхлипнула, то ли горько усмехнулась. — И какой мне резон интересоваться ее судьбой? Если разобраться, я сама в таком же положении, что и она.

— Ненавижу!! — неистово закричал Курга. — Ненавижу вашего Земцова! Ненавижу эту протухшую скотину!! Ублюдки!! Убью всех!! — и вдруг громко, во весь голос, зарыдал.

— Выпустите меня, пожалуйста, — попросила Ирина. — Поверьте, мне не легче, чем вам. Мои несчастные одноклассники еще ничего не знают. Они еще верят, что я могу их спасти...

— Подождите, — сквозь рыдания ответил Курга. — Поднимитесь, пожалуйста, на несколько ступеней. Так нам легче будет говорить.

— Нет, Курга, нам не о чем с вами говорить... Откройте, пожалуйста!

— Я прошу! — крикнул Курга. — Умоляю вас!

— Н-не понимаю. Что я могу еще сделать для вас? Я пыталась выкупить у вас жизнь моих друзей, но все мои усилия оказались тщетны. Ваша общница не смогла сберечь мои деньги...

— Нет, Ирина Юрьевна, нет! Я на колени встану перед вами, я умоляю вас — помогите мне!

— Господи, что я слышу! Как вы можете просить у меня помощи, если я сейчас самый бесправный человек и полностью нахожусь в вашей власти!

— О-о-о! — завыл Курга. — Будь проклят тот день, когда я связался с вами! Это не так, уверяю вас! Вы ничего не знаете! Все совершенно не так, как вы думаете! Вы свободны! Мне ничего от вас не надо! Я сам себя взял в заложники, понимаете?!

— У вас оружие. Вы — убийца, и я вас боюсь!

— Нет! Это ложь! Я никого не убивал! Я безопасен, как вошь!

— Мне странно все это слышать от человека, который грозился каждые четыре часа убивать по одному человеку.

— Но это всего лишь слова! Я вас всего лишь пугал!

— Ваше пугание обошлось мне в семьсот тысяч долларов.

— Да, я конченный идиот, — упавшим голосом произнес Курга. — Возьмите меня в рабство, я до конца жизни буду работать на вас. Я ограблю банк, Ирина Юрьевна, и верну вам эти деньги. Пусть меня потом посадят в тюрьму, расстреляют — плевать! Только прошу вас, спасите мою сестру!

— Нет, Курга, мне не нужны ворованные деньги. Я честный бизнесмен, — устало проговорила Ирина. — Извините меня, но я ничем не могу вам помочь. Отпустите меня!

И тут вверху что-то загрохотало, лестница задрожала. Она в испуге прижалась спиной к железной двери. Курга кубарем скатился по лестнице, упал головой в цементную пыль, но тут же уперся в пол руками и приподнял мертвенно-серое лицо.

— Не смейте ко мне прикасаться! — крикнула Ирина и ударила кулаком в дверь. — Я буду кричать...

— Умоляю вас, — прошептал он. Падая с лестницы, Курга рассек бровь, и кровь из раны заливала лицо. — Я сделаю все, что вы скажете... Я все для вас сделаю...

— Я вам не верю. Вы — опасный и коварный человек.

— Клянусь своей матерью, я все сделаю... Только спасите Веру!

— Хорошо, — наконец произнесла она, не сводя с него холодного взгляда. — Я могу сейчас позвонить этому бандиту и уговорить его отпустить вашу сестру. Но прежде вы должны написать заявление.

— Какое?

— Прокурору Краснодарского края.

— Да, — тотчас кивнул Курга. — Я сделаю это. Я и так собирался пойти в полицию и рассказать все, как было на самом деле.

— Нет, — покачала головой Ирина. — Вы меня не поняли. Мне не нужно ваше заявление о том, как вы брали заложников. Я хочу получить от вас искреннее и чистосердечное признание в убийстве Земцова и Вешнего.

— Что? — дикими глазами уставился на нее Курга.

— Вы правильно меня поняли, не надо переспрашивать.

— Вы что, с ума сошли?! Какое чистосердечное признание? Я ведь никого не убивал!.. А при чем здесь Вешний? Разве... разве он тоже убит?

— Мы нашли его останки у ворот, — спокойно ответила Ирина. — Труп был расчленен.

— Боже мой! — ахнул Курга и перекрестился. — Я не мог этого сделать, клянусь вам!

— Что ж, — с тихой угрозой произнесла Ирина, — как хотите. Я давала вам шанс.

— Да поймите же вы! — замахал руками Курга. — Если я возьму на себя эти убийства, значит, настоящий убийца останется безнаказанным!

— Вас больше волнует безнаказанность убийцы или судьба сестры?

— Конечно, меня больше волнует судьба сестры. Но я не могу понять, почему вы требуете от меня признания в том, чего я не совершал?

— Хорошо, я объясню, — терпеливо ответила Ирина. — Вы пойдете в полицию, где признаетесь только в захвате заложников. Вас посадят в следственный изолятор и заведут на вас уголовное дело по статье двести шестой. А два трупа на кого повесят? Кого станут подозревать, не догадываетесь?

— Но это ведь правда — убийца среди вас!

— Вы знаете, кто он?

— Нет. Откуда я могу знать?

— И я не знаю. Но твердо знаю одно: у меня нет надежного алиби. Мне нечем доказать свою невиновность. Вы понимаете, что моя судьба теперь зависит от добросовестности следователя и таланта адвоката. А если ни того, ни другого в наличии не окажется? Что тогда мне делать? Идти на нары?

Курга медленно опустился на ступеньку, прижал кулаки к глазам и, раскачиваясь из стороны в сторону, запричитал:

— Ну, зачем, зачем я все это сделал?!

— Если вы не примете мое условие, то я не смогу вам помочь, — напомнила Ирина.

— Вы жестокий человек! Разве вы не понимаете, что этим признанием я подпишу себе смертный приговор?

— А разве пять минут назад не вы говорили, что согласны на расстрел, лишь бы спасти сестру?

— Но вы обещаете мне, что действительно спасете сестру?

— Обещаю. Хотя, конечно, это мне будет многого стоить. Да, потерявши голову, уже нет смысла плакать по волосам. Не забывайте, что по вашей милости я лишилась огромной суммы!

— Ладно, ладно, — пробормотал Курга, растирая по щекам серую пыль. — Но это не все... Я хочу... нет, я требую, чтобы вы предоставили мне возможность поговорить с ней. Только на этих условиях я согласен. Вы добиваетесь ее освобождения, и я с ней говорю. Вот такие два моих категорических условия...

— У вас, Курга, мертвая хватка, — вздохнула Ирина. — В душу залезете, но добьетесь своего... Хорошо, будь по-вашему. Вы сможете поговорить с сестрой.

Курга писал долго и трудно. Сгорбившись, он сидел на ступеньке, близоруко склонив голову над листом бумаги, под которую подложил томик Нового Завета. Выведет одно слово — задумается. Выведет второе — погрызет кончик ручки. Вступительную часть письма, насыщенную терминами и протокольными оборотами («следственно-оперативная группа», «не-

законное удержание», «физическая расправа» и так далее), ему продиктовала Ирина.

В окончательном виде «чистосердечное признание» выглядело так:

«Я, Курга Иван Георгиевич, полностью раскаявшись в содеянных преступлениях, в целях облегчения работы следственно-оперативной группы делаю следующее заявление. Я хитростью заманил группу людей (6 человек) в охотничий приют, где незаконно удерживал их, угрожая физической расправой в случае попытки бегства. В обмен на их свободу я требовал крупную сумму денег в иностранной валюте, причем требовал не только у самих заложников, но и у их родственников. Когда мне стало ясно, что захваченные мною люди не в состоянии выполнить мое требование, я стал осуществлять свою угрозу: через каждые четыре часа убивать по одному заложнику.

В пищеблоке я увидел Земцова, который занимался подсчетом денег. Дождавшись, когда он выйдет во двор и приблизится к воротам, я быстро настиг его и ударил по голове монтировкой, которая на кухне использовалась для подпираания печных створок. Когда он упал, я убедился, что наступила мгновенная смерть, и быстро скрылся с места преступления.

Приблизительно в 7 часов утра следующего дня я увидел, как в пищеблок зашел Вешний. Наверное, он хотел приготовить кофе. В тот момент, когда он повернулся к двери спиной, я зашел на пищеблок и ударил его по голове топором для разделки мяса. Затем расчленил труп, частями вынес из пищеблока и выкинул за частокол.

Глубоко раскаиваюсь в содеянном. Всеми моими поступками руководила только алчность и жажда быстрой наживы».

Под «признанием» Курга поставил подпись и дату, время, по настоянию Ирины, он не указал.

Ирина дважды перечитала текст. Фраза «я расчленил труп, частями вынес из пищеблока и выкинул за частокол» показалась ей совершенно неправдоподобной. «Невозможно поверить, что Курга стоял у частокола и закидывал за него отрубленные руки, ноги, голову. Он бы весь вымазался в крови, и снег у частокола был бы залит кровью. Даже совсем молодой и неопытный следователь сразу поймет, что эта версия шита белыми нитками. Но что написать, чтобы никто не подкопался?..»

Думала она не долго и, в конце концов, решила оставить «признание» в прежнем виде. Аккуратно сложив лист, спрятала его в саквояж и с удовлетворением посмотрела в помертвевшие глаза Курги.

— Теперь звоните... — прошептал он, облизывая пересохшие губы.

— Конечно, — кивнула Ирина и мысленно усмехнулась: «Совок, быдло! Он остался таким же наивным и доверчивым, каким был, когда продал

свою квартиру и вложил деньги в акции «Титаника». Так ничему жизнь его и не научила».

Глава 28

Кирилл поднимался к «Ковчегу» по тропе, на которой, если внимательно приглядеться, еще можно было отыскать следы его и Веры. Он вспоминал, как вчера вечером провожал девушку домой. Уже тогда он чувствовал смутную тревогу. Вера вела себя как-то необычно, да и странный детина, следивший за ней из туалета, заставлял вести себя настороженно.

Но то, что произошло утром на склоне горы, просто вывело Кирилла из себя. Его не интересовало, какая тайна хранилась в потемках ее души. Но он не мог оставить безнаказанным неджентльменское обращение с ней каких-то «быков». В конце концов, она сделала ему доброе дело — приютила на ночь, и он считал своим долгом отблагодарить ее за это.

Вернувшись с «вышки» в поселок, Кирилл зашел в дом, где жила Вера. К сожалению, хозяева ничего конкретного сказать о ней не смогли. Он узнал только, что Вера прожила у них несколько месяцев. Иногда к ней приходил сухощавый мужчина, которого она называла братом.

Оставалась надежда узнать больше о Вере в ресторане, и Кирилл быстрым шагом двинулся в ту сторону. Не успел он, выбравшись наверх, скинуть рюкзак под ноги, чтобы перевести дыхание, как вдруг увидел стоящий перед входом в гостиницу черный «лексус». Прошептав про себя «о-е-ей!», он инстинктивно пригнул голову и перебежал за густой вечнозеленый куст самшита. Там расчехлил ружье, снарядил магазин пятью медвежьими жаканами и до звонкого щелчка загнал его под рукоятку ружья.

«Теперь можно и познакомиться с детиной в пальто».

Понимая, что, если будет долго крутиться у машины, то обязательно вызовет подозрение, Кирилл приблизился к входной двери гостиницы и сделал вид, что читает табличку. И тут дверь внезапно распахнулась, и на крыльцо вышел уже намозоливший Кириллу глаза детина.

— ...можете заселяться сейчас, можете вечером! — летел за ним голос женщины-администратора. — Как вам удобно...

Детина ее не слушал. Он остановился, поправил шарф, вынул из кармана связку ключей с брелоком сигнализации. Машина, как дрессированное животное, тихо пискнула, клацнули замки дверей. Посмотрев по сторонам, детина подошел к «лексусу», открыл дверцу и стал подтягивать длинные полы пальто, перед тем как сесть за руль. Наконец водительская дверца захлопнулась, и Кирилл мгновенно оказался рядом

с машиной. Распахнув дверь, просунул в салон ствол ружья и завалился на заднее сиденье.

Повернуться и увидеть, что происходит за его спиной, водителю помешали комплекция и слишком удобное анатомическое сиденье. Не успел он поднести руку к нагрудному карману пальто, как в его гладко выбритую щеку уткнулся ствол ружья.

— Тихо, — спокойным голосом предупредил Кирилл и с металлическим лязгом передернул помповый затвор. — У меня медвежьи жаканы. Одним выстрелом сносит полчерепа.

Детина был хорошо обучен и прекрасно знал, что нужно делать, чтобы нечаянно не схлопотать пулю. Он очень плавно опустил обе руки в перчатках на руль и, едва шевеля губами, спросил:

— Что надо?

— Вера где?

— Вера? — удивленно переспросил детина. — Так ты... Где-то я тебя уже видел. Давай поговорим, снимем все проблемы...

— Давай, — ответил Кирилл, молниеносно накинул ему на шею ремень и, вращая кулаком, стал затягивать. Детина попытался схватиться за ремень руками, но тотчас получил чувствительный удар в лицо.

— Убери руки, — шепнул ему на ухо Кирилл. — Заводи и поехали.

Тяжело и шумно сопя, детина положил одну руку на руль, другой потянулся к ключу зажигания и сказал:

— Я хочу тебя предупредить. Там много крепких ребят. И у всех есть оружие... получше твоих жаканов...

Кирилл, не слушая его, связал ремень узлом. Теперь водитель не мог ни встать, ни повернуться — ремень петлей сдавливал его горло. Машина мягко тронулась с места и объехала гостиницу. Пристроив ствол на затылке водителя, Кирилл обыскал карманы его пальто, вынул мобильный телефон и «Макаров». Ножом выковырял из телефона кодовую карту и выкинул ее в окно. Оглохший и онемевший телефон вернул хозяину, а пистолет положил на сиденье рядом с собой.

— Зачем вам девчонка? — спросил он.

— Задолжала нам кое-чего... — ответил детина. — А ты что ж, не в курсе? Или прикидываешься?

— Значит, так, — решительно проговорил Кирилл. — Если подъедешь к своим ребятам слишком близко, то первым я убью тебя. Если ошибешься адресом — я потуже затяну ремень. Все понятно? — и с силой дернул ремень на себя.

— Не балуй, парень, не балуй! — захрипел водитель, пытаюсь одной рукой ослабить петлю. — Все будет хорошо. И тебе, и мне. Зачем нервничать?..

Машина двигалась вдоль реки. Начался поселок. За автобусной станцией она свернула на мост и, проехав по раскисшей грунтовке, остановилась на краю вертолетной площадки.

— Смотри, — сказал детина, упираясь указательным пальцем в лобовое стекло. — Видишь особнячок за деревьями? Там она.

— Конкретнее!

— Конкретнее не знаю. Я ее подвез к особняку, ребята ее выгрузили, и я уехал в «Ковчег».

— Сколько там человек?

— Все равно не поверишь.

— Тебе выгодно сказать мне правду. Тебе выгодно, чтобы я вообще вышел оттуда живым и невредимым.

Водитель скосил глаза. Его разбирало любопытство: кто же это такой наглый и самоуверенный?

— Трое.

— Хозяева? Соседи?

— Хозяева живут отдельно. Мы арендовали весь дом.

— Прекрасно! — воскликнул Кирилл и пристроил у виска детины еще и «Макаров». — А теперь поехали назад. Вон на ту горку.

Тот молча пожал плечами и взялся за рычаг передач. «Лексус» развернулся, вернулся к мосту и оттуда по заброшенной лесной дороге стал подниматься в гору.

На крутом повороте, где левый край дороги ограничивался крутым обрывом, Кирилл заставил его развернуться. Когда машина, маневрируя, скатилась к самому обрыву, он рванул на себя ручной тормоз, и она замерла в метре от пропасти. Мотор заглох.

— Руки назад! — приказал Кирилл и, видя, что водитель медлит, двинул его в челюсть рукояткой пистолета.

— Ох, парень, — вздохнул детина, нехотя заводя руки за спинку сиденья. — Жалко мне тебя...

Кирилл связал его руки скотчем. Потом соорудил из веревки петлю и кинул ее к правой ноге водителя, которой тот крепко давил на педаль тормоза.

— Просунь, пожалуйста, ногу в петлю!

— Грубо работаешь, парень, — выказал беспокойство водитель. — Вместе же в пропасть улетим.

— Мне повторить?

Осторожно, миллиметр за миллиметром, детина убрал ногу с педали тормоза. Тяжелая машина чуть подалась вперед. Казалось, что слабый ручной тормоз удерживает ее на крутом спуске из последних сил. Капли

пота выступили на лбу водителя. Он побагровел. Тугой ремень мешал ему дышать.

— Не делай глупостей, — попросил он Кирилла, когда тот потянул веревку на себя и привязал ее к полозьям сиденья. — Ведь можно обо всем договориться... Э-э, парень! Мне же больно!

Теперь его правая нога была согнута в неестественном положении. Он не мог ни пошевелить ею, ни, тем более, давить на педали.

Выйдя из машины, Кирилл открыл дверцу со стороны водителя и запустил двигатель. Тот, кажется, понял, какой фокус ему уготовил наглый пассажир, и стал кряхтеть, пытаясь разорвать скотч и освободить руки. Кирилл опустил рычаг сцепления, выжал рукой сцепление и, поставив рычаг передачи на первую скорость, сказал ему:

— Держи педаль, а то улетишь.

Громко сопя, детина немедленно послушался и свободной ногой надавил на педаль сцепления. Кирилл на всякий случай кинул под передние колеса кирпичные обломки и, любуясь результатами своей работы, отряхнул руки.

— Вот так, — удовлетворенно сказал он и, обойдя машину с другой стороны, осторожно снял ее с ручного тормоза. «Лексус», булькая мотором, задрожал на самом краю пропасти. Только два кирпича под колесами удерживали его от неминуемого падения. Если водитель по какой-либо причине уберет ногу с педали сцепления, машина рванет вперед и неминуемо свалится с обрыва.

Побледневший как мел водитель начал извергать угрозы и проклятия в адрес Кирилла, но тот, затолкав ему в рот пучок пожухлой травы, пообещал:

— Если я останусь жив, то обязательно вернусь. Если нет — то извини! Давить тебе на педаль до тех пор, пока не закончится бензин.

Включив обогрев сидений и салона на максимальную температуру, а заодно и магнитолу на всю мощь, он захлопнул дверцу и, заталкивая «Макаров» за пояс, быстро пошел по лесу напрямик к особняку.

Глава 29

Погода в горах меняется быстро и непредсказуемо. Только что пронзительно светило солнце, а над головой плескалось ярко-синее небо. Но в одночасье все изменилось. На горных седловинах стали набухать облака, и чем обширнее и тяжелее они становились, тем ниже опускались. Небо потемнело. Верхушки гор срезало как ножом. На лес, по которому шел Кирилл, клочьями опустился туман.

Он едва ли не вплотную приблизился к особняку, стоявшему на крутом склоне, прежде чем увидел в тумане его смутные очертания. Особняк был не достроен, в оконных проемах второго этажа отсутствовали рамы и стекла, крыша была прикрыта рубероидом, но из печной трубы вился тихий дымок.

Кирилл подбежал к кирпичному забору, встал на выступ и заглянул во двор. Напротив калитки, уютно устроившись в плетеном кресле, сидел парень. Он был в белом горнолыжном костюме, который оттенял его смуглое лицо, на голове — красная кепочка с большим козырьком от солнца. Глаза его были закрыты, но он не спал, а потягивал из бутылки пиво. «Э, да это же сноубордист! Катается, надо признать, он неплохо».

Не придумав ничего более остроумного, Кирилл поднял с земли смятую жестяную баночку из-под пепси-колы и кинул ее в железную дверь калитки. Банка цокнула, охранник вздрогнул и вскочил с кресла. Как только он стал приоткрывать калитку, выглядывая наружу, Кирилл бесшумно перелез через забор и спрыгнул на упругий тюк пакли.

Охранник, выясняя причину жестяного звука, вышел за забор. Взяв ружье за ствол, Кирилл приблизился к калитке, встал за металлической дверью, ожидая, когда он вернется во двор. Хороший удар прикладом должен был сложить его пополам.

И вдруг — прокол! Кирилл вздрогнул от тихого металлического щелчка за своей спиной и даже не успел обернуться.

— Ну что, обманул? — тихо спросил его голос. В затылок Кириллу уперся ствол. — Ружьишко брось на землю. Так, хорошо. Теперь ручки повыше подними... Ты один?

Кирилл отрицательно покрутил головой и медленно указал на противоположную линию забора, а затем оттопырил два пальца — мол, за забором еще двое. Мгновение внимание охранника было сосредоточено на расшифровке этих жестов и его вполне хватило, чтобы, сжав руку в кулак, откинуть охранника назад, на голос. Сильный удар пришелся ему по переносице. Развернувшись пружиной, Кирилл добавил еще и ногой. Охранник отлетел к забору и потерял сознание. Кирилл оттащил его за бетономешалку. Снял с него ботинки, приподнял за ноги и вытряхнул его из комбинезона. Натянув его на себя и пристроив на макушке кепку, подобрал пистолет охранника и свое ружье и по битым кирпичам обошел дом с торца. Комбинезон был ему слишком мал, и подниматься по строительным лесам было ужасно неудобно. Зато этот маскарад при неожиданной встрече с кем-либо из обитателей особняка давал драгоценное мгновение преимущества.

Поднявшись к окнам второго этажа, Кирилл влез в пустой проем и прошел по бетонному полу, покрытому слоем строительного мусора. Откуда-то снизу доносилась приглушенная музыка и голоса. Стараясь не наступать

на раскиданные инструменты, он обошел все комнаты. На втором этаже спрятать Веру было негде.

Лучше всего, конечно, было бы затаиться около лестницы, ведущей на первый этаж, да послушать разговоры, рано или поздно стало бы ясно, где находится Вера. Но времени было в обрез. Мог прийти в чувство и поднять тревогу охранник. Мог, в конце концов, каким-то образом освободиться водитель и прикатить сюда на «лексусе». Поэтому приходилось торопиться.

Кирилл поднял с пола ватную телогрейку, оставленную строителями, и поднес к ней зажигалку. Отсыревшая вата практически не горела, но, тлея, давала много дыма. Держа дымящуюся одежду в руке, он стал ходить по комнатам, оставляя за собой дымный удушливый шлейф. Вскоре весь второй этаж наполнился дымом. Кирилл швырнул телогрейку в угол, откуда торчал пучок электрических проводов, накрыл ржавым корытом, а сам втиснулся в нишу для стенного шкафа.

— Эй, ты ничего не чувствуешь? — донеслось снизу.

— Горит что-то? — неуверенно ответил второй голос.

Внизу все пришло в движение: заскрипели стулья, застучали по полу ботинки.

— На кухне ничего!

— И в коридоре все нормально!

— Крикни Марата, может, это он свои любимые папиросы курит?

— А не девчонка ли это начудила? Проверь-ка у нее...

Чуть высунувшись из ниши, Кирилл смотрел на лестницу, пытаясь по движению теней определить, в каких местах обитатели дома ищут источник дыма. С грохотом сдвинулось что-то тяжелое — шкаф, что ли? Нет, пожалуй, что-то более легкое, чем шкаф. Скорее, тумбочка или комод. Затем хлопок. С таким звуком открываются крышки погребов.

— Эй, подруга! Это не у тебя горит?

Никакого ответа. И снова хлопок, затем грохот мебели... Значит, Вера сидит в подвале, а на крышке люка стоит то ли комод, то ли тумбочка.

Шаги! Кто-то поднимался по ступеням на второй этаж.

— Э-э! Да это здесь горит!

Крепкий парень в спортивном костюме смотрел по сторонам и махал перед лицом рукой. Не определив, из какой именно комнаты валит дым, он стал проверять все подряд. Кирилл тенью последовал за ним. Когда парень склонился над корытом, чтобы заглянуть под него, об его голову ударился и разбился на куски кирпич.

Парень упал Кириллу на руки. Тот отволол его поближе к окну, чтобы не задохнулся. Затем связал его руки и ноги липкой лентой и заклеил рот.

Еще один.

«Комод или тумбочка», — мысленно повторял Кирилл, спускаясь по лестнице.

Он открыл первую попавшуюся дверь и оказался в маленькой спальне. Кровать, шкаф, комод... Шагнул к комоду и сдвинул его в сторону. Дудки! Нет никакого люка. Беззвучно выругавшись, высек пламя из зажигалки, поднес его к занавескам и, прижимаясь спиной к косяку, приоткрыл дверь. Пламя моментально взметнулось по занавеске, пожирая ее. Огонь быстро перекинулся на деревянный карниз и принялся облизывать виниловые обои. «Так недолго и самому поджариться», — мелькнула мысль, и Кирилл, перебежав в большую комнату, нырнул в задымленный проем.

Еще одна комната, похожая на рабочий кабинет. Стол на высоких ножках — под ним люка точно нет. Узкий книжный шкаф, набитый тяжелыми томами, — такую дурынду с места так просто не сдвинешь. Столик для кофе. И сейф...

Он метнулся к нему, и тот загремел, как трамвай, передвигаясь на своих маленьких ржавых колесиках. Удача! Вот он, люк, с большим металлическим кольцом.

Кирилл поднял крышку. Снизу потянуло подвальным холодом. Темно. Деревянная лестница, ведущая вниз.

— Вера! — позвал он, опустившись на колени. — Ты здесь, Вера?

Девушка не сразу узнала Кирилла. Пригибая голову, чтобы не удариться о низкий свод, она заковыляла в горнолыжных ботинках к лестнице и осторожно, словно кошка, которую поманил к себе незнакомый человек, стала подниматься.

— Это ты?! — наконец вырвалось у нее. — Откуда ты? Я не могу поверить...

— Сейчас это совсем не обязательно! — пробормотал Кирилл и протянул ей пистолет.

Кто-то дернул ручку двери, затем так громко начал бить по ней, что дверь буквально содрогалась от ударов. Кирилл подбежал к окну, отдернул шторы — на окнах стояли решетки.

— Это хуже, — произнес он и выстрелил по двери. Удары снаружи тотчас прекратились. Передернув затвор, он выстрелил еще раз. Посреди двери образовалась дыра размером с человеческую голову.

— Только так...

Он схватил Веру за руку и ударил по двери ногой. Сорвавшись с петель, та грохнулась на пол. Перепуганная Вера волочилась за Кириллом хвостиком, грохоча тяжелыми ботинками.

Комнаты быстро наполнялись удушливым дымом. Дышать было очень тяжело. Один плюс — в густом дыму Кириллу и Вере удалось незаметно

пробраться к дверям и выбежать во двор. Он подсадил девушку на забор и перекинул на другую сторону. Оглянулся — никого, только стрельба и крики в доме. Перелез сам, прыгнул на талый снег, схватил за воротник комбинезона Веру и потащил дальше, в лес, за кусты и стволы деревьев.

— Быстро, солнышко! — негромко повторял он. — Все надо делать очень быстро... Ты в школе стометровку бегала?

— Бегала... Но не в таких ботинках...

Только скатившись кубарем в неглубокий овраг, они смогли отдышаться.

Глава 30

— Ты как? — спросил Кирилл, лежа на снегу и прижимая к себе ружье. — Все цело? С тобой хорошо обращались?

— Распяли на лыжах, а потом сфотографировали, — ответила Вера. Она испуганно озиралась по сторонам, губы ее дрожали, глаза все еще были полны страха. — А как ты меня нашел?.. Слушай, а они нас не догонят?

— Если бы ты еще вчера вечером сказала мне, что за тобой следят, то сегодня проблем было бы намного меньше, — нравоучительным тоном проговорил Кирилл, набирая в ладонь снега и выжимая в рот талую воду.

— А откуда я знала, что за мной следят?

— Даже я это заметил, а ты нет.

— Странно, с чего бы это за мной начали следить?

— А это уже тебе виднее. Что в рюкзачке-то было? — как бы между прочим, спросил Кирилл.

— Что было, того уже нет, — уклончиво ответила Вера и вздохнула.

— Деньги?

— Не-а, — неумело соврала она и перевела разговор на другую тему: — А ты как? Встретился с одноклассниками?

Кирилл лишь выразительно посмотрел на нее. Он отстегнул от ружья магазин и полез в карман за жаканами.

— Хотел поохотиться на медведя... — продолжила она.

— А охочусь на людей, — докончил фразу Кирилл, ударом ладони загоняя магазин в ружье. — Продавец сказал мне: «Это ружье спасет тебе жизнь». Как в воду глядел!

— Я доставила тебе столько хлопот, — виноватым голосом произнесла Вера.

— Просто не люблю наглецов, — объяснил свой альтруизм Кирилл. — Не знаю, сколько ты им задолжала, но мне не понравилось, как они с тобой обращались...

— Ты можешь проводить меня до «Ковчега»? — спросила она.

— До «Ковчега»? — разочарованно протянул Кирилл и почесал затылок. — А вот туда тебе лучше не соваться. Эта банда сняла там номера.

— Я знаю, — рассеянно кивнула Вера, глядя сквозь Кирилла, словно он был стеклянным. — Тогда... тогда ничего не надо. Спасибо тебе... — и стала выбираться из оврага. Ее ноги скользили, и девушке приходилось хвататься за ветки и стволы тонких деревьев. «Что значит — спасибо?» — с недоумением подумал Кирилл, пожал плечами и позвал:

— Вера! Ты не выберешься отсюда. Они наверняка перекрыли мост.

— Что же делать? — наморщила она лоб и стала тереть его рукой.

Кирилл передернул затвор, подготовив ружье к стрельбе, закинул его за спину и быстро пошел по склону.

— Шлепай за мной! — сказал он.

Не рискуя выходить на лесную дорогу, Кирилл шел по оврагам и лесоповалу. Вера часто останавливалась, опиралась о ствол дерева и отдыхала. На ее щеках проступил румянец, а комбинезон покрылся золотистыми пятнами сосновой смолы. На очередном подъеме она сильно отстала. Оглянувшись, Кирилл увидел только стволы деревьев, испугался, кинулся вниз, но сразу же увидел ее. Вера стояла, согнувшись и опираясь ногой на лежащее бревно. Подтянула кверху штанину, обнажив голеностопную часть горного ботинка с замками и регулировочными болтами. Он подумал, что она натерла ногу или хочет поправить носок, но девушка вытасила из ботинка черный продолговатый предмет. Это была портативная радиостанция, какой пользуются в горах туристы и альпинисты.

— Ваня! — негромко заговорила она, прикрывая рот ладонью. — Ваня, ответь мне! Алло, ты слышишь меня?.. Я иду к тебе! Я запомнила место, где они меня держали. И лица запомнила. Они тоже будут сидеть, я тебе это обещаю!.. Ты слышишь меня?.. Алло, алло! Почему ты молчишь?..

Тут она увидела Кирилла, отключила радиостанцию и, сунув ее в карман комбинезона, покачала головой:

— Нехорошо подглядывать.

— Ваня — это твой муж?

— Я не замужем, — ответила Вера, с ненавистью глядя на заснеженный склон, который ей еще предстояло преодолеть.

— А кто? Жених? Брат?

— Какой же ты любопытный!

Кирилл не успел съехидничать в ответ, так как вдруг между деревьями увидел на дороге черную машину, стоящую на краю обрыва. Из глушителя у нее по-прежнему вылетал дымок.

— Идем быстрее, не то он там живьем сварится, — сказал он и на всякий случай взял ружье на изготовку.

Вера шла за ним молча. Но когда Кирилл приблизился к «лексусу», содрогающемуся от звуков тяжелого рока, и открыл водительскую дверь, она воскликнула:

— А-а, старый знакомый! Вот ты где прячешься!

«Старый знакомый» с неимоверно красным и мокрым от жары лицом скосил глаза и заорал, перекрикивая рев музыки:

— Печку выруби, садист!!

Кирилл заглушил двигатель, выключил музыку и открыл все двери машины, чтобы прохладный сквозняк выдул из салона тропическую жару. Водитель со стоном наслаждения убрал ногу с педали сцепления. Кирилл обрезал веревку, привязанную к его ноге, и вытащил детину из салона. Тот мешком повалился на снег — затекшие ноги отказались его держать.

— Ну что, голубчик, — нежным голосом произнесла Вера, опускаясь рядом с ним на корточки. — Напарился, вспотел... Пива, наверное, хочешь?

Нежный голос испугал водителя больше, нежели недобрый взгляд Кирилла.

— Отцепись! — сквозь зубы процедил он, пытаясь подняться на ноги, но со связанными за спиной руками это ему никак не удавалось, и он несколько раз упал лицом в грязный снег.

— А помнишь, как ты меня по животу бил? — тихо напоминала Вера. — А как «молнию» на куртке порвал и за грудь хватал, пользуясь тем, что у меня руки были связаны?

— Да где там у тебя грудь! Было бы за что хватать... Помоги лучше встать!

— Вот же сволочь! — в сердцах воскликнула Вера.

— Так ты у него, оказывается, в должниках, — сказал Кирилл и, подойдя к водителю, рывком поднял его на ноги. — Нехорошо, Вера. Долги надо возвращать.

— Не хочется, но придется, — вздохнула она и врезала ногой парню между ног.

Тот крикнул «ой!» и снова повалился в талый снег.

Вера и Кирилл сели в машину.

— Когда будем подъезжать к мосту, пригнись, — посоветовал Кирилл. — А пистолет все-таки возьми, он может пригодиться, — и, съехав к реке, свернул на мост.

— Стоят, — сказал он, увидев на мосту три фигуры в черных кожаных куртках, и приветственно «моргнул» фарами.

Парни не расступились, продолжая перекрывать собой проезд, как герои популярной кинокомедии. Посредине стоял Марат в тренировочных брюках. Кирилл посигналил — без результата. «Они не видят нас через

тонированное стекло, — подумал он, — но все равно очень насторожены».

Марат продемонстрировал выдержку и не отошел даже тогда, когда «лексус» остановился в нескольких сантиметрах от его живота.

— Вот он, кто меня на трассе в снег повалил, — сказала Вера, нервно тиская рукоятку пистолета.

Марат махнул рукой, мол, выходи. Парни, стоящие с ним рядом, недвусмысленно сунули руки во внутренние карманы курток.

— Пригнись, — сказал Кирилл.

— Ты тоже!

— Делай, что я тебе говорю!!

Он взялся за ручку двери и резко распахнул ее.

Удар отбросил Марата к перилам моста. Срывая машину с места, Кирилл захлопнул дверь, но она успела своей внутренней стороной поймать несколько пуль. Вера вскрикнула и обхватила голову руками. Заднее стекло мгновенно покрылось дырками и сетью трещин. Машина прыгала по выбоинам и буграм, ударялась днищем о камни, мотор ревел, как раненый зверь. Раскидывая гравий, она взлетела по крутому подъему, промчалась мимо вертолетного поля, шлепая пробитым задним колесом, затем свернула на поселковую улицу. Кирилл сбросил скорость и, поглядывая в зеркало заднего вида, повел машину мимо магазинов, пунктов проката и туристских гостиниц, пока не заехал в какой-то тупичок, где отдыхали дорожно-строительные машины, остановился, заглушил мотор.

— Приехали, — пытаюсь улыбнуться, взглянул он на Веру, и они, выбравшись из машины, медленно двинулись по улице, почти ничем не отличаясь от гуляющих горнолыжников. Только ружье Кирилл никак не мог спрятать под безрукавкой, приклад все время норовил выглянуть из-под полы.

— Что ты на меня так странно смотришь? — спросила вдруг Вера, заметив его изучающий взгляд.

— Мне не нравится твой красный костюм... И особенно твои горные ботинки. Тебя за километр видно.

— Мне что, раздеться и голой идти?

— Замерзнешь, — серьезно ответил Кирилл и, взяв ее за руку, свернул к магазину «Одежда».

Магазин, судя по разнообразию и оригинальности моделей, ориентировался на скромные запросы местных жителей. Выставленная на продажу зимняя одежда в основном предназначалась для женщин преклонного возраста. Понимая, что здесь вряд ли удастся осчастливить девушку модным прикидом, Кирилл в нерешительности остановился у манекена, одетого в ядовито-зеленое пальтишко с воротником из меха мокрой кошки.

«Ну и что, — подумал он. — Главное, чтобы было тепло и неприметно» — и снял с вешалки пальто. В обувном отделе выбрал страшненькие ботиночки на резиновой подошве «Прощай, молодость!», да еще купил шерстяной платок в розах и занес все это в примерочную. У Веры сначала округлились глаза, а затем она стала хохотать. Когда же вышла из примерочной, пришел его черед хохотать. Только продавщицы, переглядываясь, не могли понять, в чем, собственно, заключается юмор.

Упаковав горные ботинки и комбез в большой полиэтиленовый мешок, они вышли на улицу. Вера, вытирая слезы, взяла Кирилла под руку и, всхлипывая, произнесла:

— Все подумают, что идет сын с престарелой мамой.

— А зачем ты платок по-старушечьи повязала?

— Да его хоть на ногу повяжи, все равно лучше не будет.

— Ну что, проводить тебя к Ване? — спросил Кирилл.

— Нет, — ответила Вера. Затем остановилась, поцеловала Кирилла в щеку и добавила: — Спасибо тебе.

— Я буду тебя вспоминать, — признался Кирилл.

— Ты будешь меня ненавидеть, — покачала она головой.

— Но почему? — Кирилл прислонил ружье к стволу дерева, взял ее лицо в ладони и приподнял, чтобы заглянуть в глаза: — За что я должен тебя ненавидеть?

— Узнаешь...

— Ну! Ты окутала себя таким туманом тайн и загадок... — возмущенно протянул он и тут увидел, как по тротуару в его сторону бодрой походкой идет Андрей Вешний. Кирилл узнал его сразу. Одноклассник мало изменился за минувшие пятнадцать лет — тот же рост, светлые кудрявые волосы, узкое лицо, водянистые глаза. Не замечая Кирилла, Вешний прошел мимо.

— Эй! — воскликнул Кирилл. — Здраваться надо!

Вешний на мгновение обернулся, но не остановился, хотя Кирилл готов был поклясться, что Андрей его узнал. Догнав одноклассника, он схватил его за плечо. Шмыгая крупным красным носом, Вешний повернулся, как-то странно взглянул на Кирилла и безрадостным голосом произнес:

— А, это ты!

Он ежился от холода в какой-то легкомысленной курточке. Из кармана торчала связка бананов.

— А где наши? — громко спросил Кирилл и потрянул Вешнего, чтобы тот немного ожил и включил мозги.

— Наши? — пробормотал Вешний и пожал плечами. — Как тебе сказать... Кто умер, кто пока жив.

Глава 31

— Надеюсь, вы понимаете, что я не могу разговаривать с бандитами при вас?

— Конечно, — без колебаний согласился Курга, жадными глазами глядя на миниатюрную трубку мобильного телефона, которая лежала в ладони Ирины. — Я поднимусь вверх. Только, пожалуйста, звоните быстрее! У меня дурное предчувствие.

— Нет, этого будет недостаточно, — покачала головой Ирина, едва Курга стал подниматься по лестнице. — В этом колодце все будет прекрасно слышно, где бы я ни находилась. Я должна выйти на улицу.

Курга задумался. В его воспаленных глазах на мгновение мелькнуло недоверие. Поверить ей? Отпустить, когда бумага уже у нее в саквояже?

— Вы мне не доверяете? — спросила Ирина. — Но я же дала вам слово делового человека!

— Да, — тихо произнес Курга. — Я должен вам верить. Сейчас открою дверь.

Он пошел вверх. Она слышала, как он споткнулся, упал и сдавленным голосом пробормотал: «Если не везет, то во всем».

Сработал электрозамок. Ирина, не переставая удивляться доверчивости Курги, вышла на свободу и зажмурила глаза от ослепительно белого снега. Она вздохнула полной грудью, посмотрела на горы, которые были покрыты рваными облаками, похожими на ватные комки, и подумала: «Господи, хорошо-то как!» Подложила под дверь дощечку, чтобы не захлопнулась, и набрала номер Леши. Его телефон молчал — наверное, был отключен. «Аккумуляторы сели, что ли?» Позвонила Марату. Тот ответил сразу. Голос его был встревожен:

— Неприятность, Ирина Юрьевна! Девчонка сбежала!

Ирина не поверила своим ушам и несколько секунд не знала, что сказать.

— Как?! — наконец вырвалось у нее. — Как вы могли это допустить?! Вы чем там занимаетесь, идиоты?!

— Бога ради, не волнуйтесь! Мы перекрыли все дороги! Мы ее из-под земли вытащим!

— Боже... Теперь она обязательно настучит в полицию. Это конец...

— Да не пойдет она в полицию, Ирина Юрьевна! — с оптимизмом убеждал Марат. — У нее самой рыльце в пушку! Да она, наверное...

— Все, заткнись, слушать тебя не могу! Перепились там, совсем перестали делом заниматься. Можете забыть о Мальдивах, о новых машинах и девочках... Баланду жрать будете!

— Ирина Юрьевна, мамой клянусь — нет здесь нашей вины. Ее дружок к нам ворвался, полдома спалил, всех на пол уложил... Вооружен как Рэмбо — с гранатометом, «Калашниковым», «эфками»... Мамой клянусь, это какой-то чеченец, совершенно отвязанный, ничего не боится...

— Тряпка! — со злостью выкрикнула Ирина и отключила телефон.

Она была шокирована известием. Когда ей пришла в голову идея взять Веру в заложницы, она, кажется, предусмотрела все: еще на горнолыжном склоне девчонке должны были надеть на глаза повязку, чтобы она не увидела машину, ее номеров и дом, в который ее затем отвезли. Снять повязку должны были только в подвале, причем «братве» предписывалось общаться с девчонкой исключительно в масках. Отпустить Веру должны были тем же порядком: с повязкой на глазах сначала отвезти куда-нибудь подальше на машине, потом затащить в лесную глухомань и только там отпустить. Но эти ублюдки все заporоли! Они прошляпили ее! Конечно же, девчонка запомнила местонахождение дома и, вполне возможно, кое-какие физиономии. Нормальному следователю не составит труда протянуть логическую цепочку от подвала, в котором сидела Вера, до нее, Ирины.

Она медленным шагом прошла по тропе, покусывая кончик телефонной антенны. Марат кое в чем, конечно, прав. Рыльце у этой дурехи, в самом деле, в пушку. Да еще в каком! Она, по сути, сообщница Курги. Брат поручил ей самую ответственную процедуру — получение денег. И никто ей не поверит, расскажи она, как рюкзак с деньгами вдруг отобрали неизвестные ей люди.

В конце концов, остается шанс, что эти лоботрясы все-таки поймают ее, не дадут далеко уйти. Если они исправят свою ошибку, то заткнуть рот девчонке с легкостью можно будет «признанием». Пригрозить: если ляпнешь кому-нибудь о том, как тебя заперли в подвале, так «признание» сразу попадает на стол прокурору, и твоему братцу — кранты! Если эта Вера не полная идиотка, она не станет обращаться в полицию, а, наоборот, постарается тихо и бесследно исчезнуть. В этом случае брат будет сам отдуваться на суде, а она останется вне подозрений.

Успокоившись, Ирина повернула назад, к трубе. Теперь другая проблема: как объяснить Курге, почему в данный момент переговоры с сестрой невозможны? Если сказать правду, мол, радуйся, твоей сестричке удалось сбежать на волю, то не станет ли он требовать свое «признание» назад? Станет, наверняка станет. И еще палить из своей берданки начнет. Даже такой тюфяк запросто может озвереть, когда осознает, как его крепко надули, и в какое дерьмо он сам себя окунул. Пока подоспеет Леша с ребятами, от кого ждать помощи? От дегенеративного Пирогова?

Тогда лучше солгать. Сказать что-то неопределенное. Вроде: Вера сейчас спит или Вера отказалась говорить с тобой.

Едва Ирина приблизилась к трубе, как дверь распахнулась, и из темноты показалось озверелое лицо Курги:

— Ну?! Что?! Не тяните же!!

— Все в порядке! — кивнув, ответила Ирина.

— Дайте же трубку! Она уже на связи?

— Нет, подождите! Я договорилась, ее скоро отпустят — живой и невредимой. Но сейчас, к сожалению, она не может с вами поговорить.

— Почему? — произнес Курга, и Ирина увидела, как смертельная близна заликает его лицо.

— Понимаете, — стала она с ходу сочинять, — Вера сидит в таком подвальном помещении, где мобильный телефон не берет.

— А разве, — едва слышно произнес Курга, — разве ее нельзя вывести из этого помещения наверх?

— Пока нельзя! — начала злиться Ирина. — И на это есть объективные причины. Что вы беспокоитесь? Я же вам сказала — все нормально! Ее отпустят! Чуть позже!

Курга, глядя остекленевшими глазами на Ирину, медленно качнул головой и одними губами прошептал:

— Я вам не верю. Они ее убили...

— Это уже ваши проблемы! — отмахнулась Ирина. — Я что, попугай, чтобы по сто раз одно и то же повторять? Жива ваша сестра! Жива!

Курга ничего не сказал, молча повернулся и, шаркая ногами, стал медленно подниматься по лестнице. Дверь не захлопнулась, ее по-прежнему удерживала дощечка. Ирина стояла и слушала, как завывает в трубе сквозняк. В душе ее вдруг шевельнулось какое-то странное и очень неприятное чувство: на мгновение ей вдруг показалось, что это она идет вверх по винтовой лестнице в бесконечную пустоту — измученная от недосыпа, от холода и грязи, истерзанная одиночеством и потерей последнего человека на земле, который ее любил... Она тряхнула головой, прогоняя это глупое наваждение, глубоко вздохнув, повернулась лицом к горам, уже почти полностью скрытым облаками, и вдруг вздрогнула от грохота выстрела, который эхом заметался по тесной трубе. «Господи, что это?!» Ирина с опаской приоткрыла скрипучую дверь, зашла в коридор и стала на цыпочках подниматься наверх по лестнице.

Курга лежал на ступенях головой вниз. Из его почерневшего раскрытого рта толчками выплескивалась темно-вишневая кровь. Ружье валялось в ногах, и одной рукой он все еще сжимал ствол.

«Дурак! — подумала она, не давая предательской жалости охватить ее душу. — Сам виноват. Надо было набраться терпения, и увидел бы свою

убогенькую сестру... Ох, все-таки совок — он и есть совок. Даже не попытался отобрать у меня свое «признание».

Осторожно, чтобы не наступить в ручеек крови, Ирина приблизилась к труп, открыла саквояж, вынула «признание» и вложила его в скрюченную ладонь Курги. Принтерную фотографию «распятой» Веры подняла с пола, чиркнула зажигалкой и сожгла.

Вдруг послышался приглушенный звук зуммера. Она осмотрелась вокруг себя, но ничего, что могло бы издавать такой звук, не увидела. Тогда присела перед трупом на корточки, брезгливо откинула край его куртки, и в глаза бросился торчащий из нагрудного кармана штырь антенны. Вынув портативную радиостанцию, повертела ее в руках и надавила на кнопку «Прием». Раздался тихий женский голос:

— ...я иду к тебе! Я запомнила место, где они меня держали. И лица запомнила. Они тоже будут сидеть, я тебе это обещаю!.. Ты слышишь меня?..

«Мерзавка!» — подумала Ирина, и даже глаза прикрыла от ненависти. Воткнула радиостанцию обратно в карман покойника и, включив свой мобильный, глухо произнесла:

— Марат, слушай меня внимательно. Девка идет в мою сторону. Поставь на уши всех наших уродов. Прочешите лес в моем направлении. Ее надо найти и прикончить...

Аккуратно, не оставляя следов, она спустилась вниз, поддела ногой дощечку, и дверь мягко закрылась. Щелкнул электрозамок.

Глава 32

— А теперь держись за что-нибудь, — сказал Вешний Кириллу. — Сейчас я тебе расскажу такое, отчего у тебя уши в трубочку свернутся. Отгадай с трех раз: что с нами случилось?

Они продолжали стоять посреди улицы под пирамидальной елью. Вера — плечом к плечу с Кириллом, Вешний — напротив.

— Все угодили в вырезатель, — предположил Кирилл. Он терпеть не мог длинных вступлений.

— Если бы! — вздохнул Вешний и с некоторым подозрением взглянул на Веру. — Надеюсь, у девушки нервы достаточно крепкие? Кстати, меня зовут Андрей.

Он протянул ей руку. Вера тоже представилась.

— Валяй дальше! — поторопил Кирилл.

— Так вот, — сказал Вешний, прикуривая. — Какой-то паскудник взял нас всех в заложники. Запер в охотничьем приюте. И поставил Ирке Гончаровой условие: или «лимон» баксов, или мы все покойники.

Кирилл не мог понять — разыгрывает его Вешний или говорит правду.

— Ты шутишь?

— Если бы! — хмыкнул Вешний. — Никаких шуток! Все очень серьезно... Мне чудом удалось вырваться. В шесть утра, когда он потерял бдительность, я сиганул через забор... Мать моя женщина, пулеметная очередь прямо надо мной прошла!

— У него что — пулемет?

— И пулемет, и снайперская винтовка, и еще целый арсенал! — жуя фильтр сигареты, заверил Вешний. — Садист, маньяк, ни на какие уговоры не поддается.

— Может быть, это всего лишь грубый розыгрыш? — натянуто улыбнулась Вера. — Местные парни иногда любят подшутить над туристами. В прошлом году первого апреля они знаете что учудили?..

— Какой розыгрыш! — возмущенно перебил ее Вешний. — Счет открыт, один покойник уже есть! — Он перевел взгляд на Кирилла и, скривив рот, добавил: — Серега Земцов убит вчера поздно вечером!

— Серега?! — ахнул Кирилл.

— Как, убит?! — прошептала Вера. — Неужели? Вы не ошибаетесь?

— Трудно ошибиться, у него череп раздроблен и мозги торчат наружу!

Кирилл провел ладонью по лбу, сдвинув шапку на затылок, зачем-то посмотрел вокруг и взял в руки ружье.

— Ты сбил меня с толку, — признался он. — Мы едва с одними разобрались, как ты тут со своей новостью... В голове все это не укладывается. Может быть, это одна и та же банда работает? А почему ты до сих пор не сообщил в полицию?

— Я как раз туда и бегу. Надо ведь спасти наших, правильно я говорю?

Кирилл обратил внимание, что Вешний все время кидает взгляды на стоящий неподалеку продуктовый магазин — «стекляшку», и хмыкнул:

— С шести часов утра бежишь?

— Я же не реактивный, Кирюша! — закашлялся Вешний. — К тому же охотничий приют далеко, и снега в лесу по пояс... Кстати, очень хорошо, что я тебя встретил. Очень прошу тебя — для твоего же блага, — не суйся ты туда. Погуляй еще денек здесь. А я пока все организую, обеспечу нормальный отдых, обезврежу террориста...

Он уже не сводил глаз с магазина.

— Андрей, — сказал Кирилл. — Если ты шутишь, то шутка твоя идиотская. А если говоришь правду, то я немедленно пойду в приют.

— Это ты напрасно, — отрешенно произнес Вешний, по-прежнему глядя на магазин. — Очень даже напрасно. Я ведь тебя как друга предупреждаю, не ходи туда.

Кирилл не выдержал и, схватив Вешнего за ворот куртки, толкнул его на ствол ели.

— Ты или притворяешься идиотом, или же действительно идиот! Ты правду говоришь?

— Да правду, правду! — сердито крикнул Вешний. — Отпусти куртку...

— Отпусти его, пожалуйста! — вдруг взмолилась Вера. — Пусть уходит, мы сами разберемся!

Кирилл разжал кулак, и Вешний, как ни в чем не бывало, протянул ему руку:

— Ну, будь здоров!

Он быстро перешел дорогу, приблизился к магазину и скрылся за дверью.

— Врет он все, — уверенно проговорила Вера.

— Но за такую ложь надо бить по морде. Причем неоднократно...

— Ты очень расстроился?

— А ты как думаешь?.. — с удивлением посмотрел на девушку Кирилл. — Сказали бы тебе такую новость: твои друзья в заложниках, один уже убит. Расстроилась бы?

— Не принимай близко к сердцу его слова. Поверь моей интуиции — он болтун и лжец.

— Может быть, — задумчиво произнес Кирилл, глядя вверх, туда, где над лесом плыл густой туман. — Мы с ним не виделись пятнадцать лет. Возможно, в чем-то я его уже не понимаю... — Он вдруг резко повернул голову и посмотрел Вере в глаза: — А тебя я вообще не знаю.... Кстати, ты знаешь, где находится этот охотничий приют?

— Знаю, — ответила Вера и стала подниматься. — Я именно туда и иду.

— Ты мне только объясни, где это. Тебе вовсе не обязательно идти туда.

— Обязательно... Потому что там мой брат.

Глава 33

Они шли по глухому, дремучему лесу. Вера выбилась из сил. Ей трудно было говорить на ходу, она задыхалась.

— Он мягкий и робкий, — говорила она. — Скорее я смогла бы взять людей в заложники и вить из них веревки. А он — размазня... Это все от отчаяния. Он очень хотел сделать меня счастливой, купить мне квартиру, устроить на учебу, чтобы я вышла замуж за хорошего человека... Поверь, он не мог убить. Он просто не способен это сделать...

— Тебя послушаешь, так он, получается, святой, — ответил Кирилл. Он шел впереди, стараясь, чтобы шаги были короткими: Вере было легче идти, ступая по его следам.

— Да, святой.

— Любой святой может убить человека по неосторожности. Например, дал очередь из пулемета для острастки — и нечаянно попал.

Кирилл сел на поваленное дерево, дожидаясь, когда Вера догонит его. Тяжело дыша, она остановилась на его глубоких следах и оперлась о палку, которой помогала себе.

— У него нет пулемета. Твой одноклассник сказал неправду.

— Он что — вообще без оружия?

— У него дробовик. С ним можно только на уток охотиться.

— А почему я должен тебе верить?

— Вот ты умный человек, — произнесла Вера. — Представь людей, которые почти сутки находятся в заложниках у полусумасшедшего убийцы. Каким-то чудом одному удается бежать. Он вырвался из ада, из лап смерти. Он в шоке, у него истерика. Он без оглядки несется в полицию и умоляет спасти его одноклассников... Похоже на твоего Вешнего?

Не найдя, что ответить, Кирилл молча поднялся и пошел дальше. Он не хотел верить всему, о чем рассказала ему девушка, и относился к ее словам с осторожностью. А вот что касается темной истории с акционерным обществом «Титаник», которое в свое время возглавляла Ирина Гончарова, то во многом Кирилл был готов согласиться с Верой. В качестве частного детектива он как-то занимался подобным делом — расследовал загадочное убийство руководителя финансовой пирамиды Милосердовой. Об ограблении «Титаника» он узнал из газет, и первой его мыслью было, что это инсценировка, что никто «Титаник» не грабил, просто Ириша решила выйти из игры вместе с деньгами вкладчиков.

— Ну, что ты молчишь? — не выдержала Вера. — Скажи, в чем ты еще сомневаешься?

— Мне не совсем понятно то, что произошло на «вышке». Брат по радиостанции сообщил тебе, что Ирина согласилась отдать деньги?

— Да. Он мне сказал, в котором часу я должна быть под канатной дорогой и кто конкретно сбросит мне деньги.

— Когда ты подобрала рюкзак и заглянула в него, там были деньги?

— Были. Пачки долларов в полиэтиленовых упаковках.

— Те люди, которые тебя взяли внизу, сразу проверили рюкзак?

— Сразу. Я на это обратила внимание — они хорошо знали, что там лежит.

— Какие-то бандюги случайно поймали вашу волну и подслушали твой разговор с братом? — задумчиво проговорил Кирилл. — Или же это дьявольская игра Ириши: она как бы согласилась отдать деньги, чтобы тут же забрать их обратно. А тебя на всякий случай посадили в подвал.

— Тогда вовсе не обязательно было класть в рюкзак деньги. Достаточно было набить его старыми газетами.

— Правильно, — согласился Кирилл. — Деньгами не обязательно было рисковать. Несостыковочка получается. Такой ляп умная и изворотливая Ирина не допустила бы. Выходит, это были люди не Ирины, а какие-то случайные грабители? Ладно, — пробормотал он и протер лицо снегом. — У меня уже мозги разогрелись от всех этих мыслей. Ты мне лучше ответь: дальше что? Ты придешь к брату в охотничий приют — и что?

— Ничего! Уведу его оттуда!

— Убил он кого-нибудь или не убил — принципиального значения уже не имеет. Он совершил преступление, Вера. Его будут судить. Ты это понимаешь?

— Сначала будут судить твою Ирочку!

— Каждый должен отвечать за свои поступки.

— О-о-о! Ты просто проповедь читаешь! Слушать тебя тошно!..

— Не кричи!

— Я не кричу...

Кирилл вдруг кинулся к девушке и закрыл ей рот рукой. Замерев, они стояли в сугробе. Вера не сопротивлялась, лишь глубоко дышала носом и вопросительно смотрела на него. Они оба отчетливо слышали чей-то протяжный крик. Было похоже, что человек звал на помощь.

— Это где-то там, — произнес Кирилл и махнул рукой на сумрачные лесные дебри, покрывавшие склон. — Пойдем! — Он передернул затвор ружья и, насколько мог быстро, стал подниматься.

Лес был наполнен звенящей тишиной. «Если это кричал кто-то из заложников, то почему не было слышно выстрелов? А если «святой братишка» не стрелял, то зачем заложник звал на помощь?»

Еще минут десять Кирилл карабкался по склону. Он уже стал подумывать о том, что неправильно выбрал направление, что его обманула игра эха, как вдруг совсем недалеко от себя увидел распластанное на снегу тело. Обернувшись, он знаком показал пробирающейся через сугробы Вере, чтобы она соблюдала тишину, и, озираясь по сторонам, стал медленно приближаться к неподвижно лежащему человеку.

Чем ближе он подходил, тем сильнее холодело у него внутри. Он увидел огромное пятно крови, посреди которого лежал изуродованный труп молодого мужчины. Не веря своим глазам, Кирилл узнал в нем Марата.

Вера приближалась, крепко прижимая ладонь ко рту, словно не ручалась за себя и могла закричать. А кричать было от чего. Голова мертвеца была почти отделена от туловища. Шея от ключиц до подбородка была разворочена и представляла собой гигантскую рану с рваными краями

аорты и сухожилий. Кисть левой руки отсутствовала. В мертвых глазах несчастного застыл бесконечный ужас.

— Это медведь, — шепотом произнес Кирилл, показывая Вере множество огромных следов, напоминающих формы для выпечки кекса, и посмотрел по сторонам.

— Я боюсь, — жалобно прошептала она и крепко сжала руку Кирилла.

Медвежьи следы уходили в глубь леса. Параллельно с ними тянулась кровавая нить. Наверное, чудовище унесло с собой руку несчастного.

Готовый в любое мгновение открыть огонь, Кирилл несколько минут всматривался в темный частокос сосновых стволов и прислушивался к тишине. Затем присел около трупа, расстегнул залитую кровью куртку и обыскал карманы.

— Хотелось бы мне знать, — сказал он. — Откуда этот парень здесь взялся, если мы с ним расстались в особняке?

— Он бежал сверху, — сказала Вера, показывая рукой на цепочку следов с отпечатком тяжелой подошвы.

— До охотничьего приюта отсюда далеко?

— Уже близко... А он не вернется?

— Смотря, насколько голоден... — Кирилл откинул в сторону полу куртки мертвеца и увидел торчащую из-за пояса рукоять пистолета. — Нет, мне уже надоело коллекционировать «пушки»! По всей видимости, Марат не грибы здесь искал.

— Он нас искал... Точнее, меня.

— Это почти очевидно. Только как он узнал, что ты пойдешь в охотничий приют?.. Однако какой агрессивный мишка!

— Этот тот самый... Шатун.

— Интересно, по каким признакам ты узнала, что это шатун? — спросил Кирилл, извлекая из нагрудного кармана Марата трубку мобильного телефона. Покрутил ее в руке и сунул себе под свитер. — Выясним, кто по этому телефону отдавал Марату приказы.

— В этом районе других медведей нет, — с запозданием ответила Вера на вопрос Кирилла. — А этот шатун питается человечинкой...

Кирилл так взглянул на девушку, что у нее похолодело внутри.

— А правда, странно, что медведь искал человечину рядом с охотничьим приютом?

Не выдержав взгляда, Вера опустила глаза и пожала плечами:

— Это его дело, где искать. Лес большой, он в нем хозяин... А что ты на меня так уставился?

— Пытаюсь понять, почему ты так испугалась моего вопроса.

— Ничего я не испугалась! — выкрикнула Вера. — Не лезь в душу!

— Мне кажется, что ты знаешь, почему медведь пасется в этом районе.

— Не знаю! Отстань! Никто не может отвечать за поступки медведя!.. Придурок! — С этими словами Вера швырнула в лицо Кирилла снежок. Он легко увернулся.

— Вера, ты своим поведением выдаешь себя с головой. Если хочешь, чтобы я тебе помог, то должна рассказать мне всю правду.

— Не знаю я никакой правды! — со слезами в голосе крикнула она и вдруг не сдержалась, села на снег и закрыла лицо ладонями. Плечи ее задрожали. — Не знаю я никакой правды... Не знаю я никакой правды...

Глава 34

Она боялась возвращаться в дом, где ее ждали Белкин, Пирогов и Люда. Чувство страха Ирина ненавидела, трусов презирала и беспощадно давила в себе любое проявление неуверенности. Но сейчас ничего не могла с собой поделать. Страх оказался сильнее ее воли. Это был тот редкий случай, когда она теряла контроль над ситуацией и не знала, что ожидает ее в ближайшем будущем. Рыжая девчонка приближалась к приюту, и никто пока не мог ее остановить.

Ирина стояла у ворот, почти равнодушно глядя на труп Земцова, прикрытый накидкой, из-под которой торчали ноги в джинсах и тяжелых зимних ботинках. Она обошла его, внимательно глядя на истоптанный снег. «Странно, — подумала она. — Я совершенно отчетливо помню, что он валялся вот здесь, у самых ворот».

Она думала о куске мяса, который нашел Белкин. Мягкий комочек, не успевший заledenеть на морозе, упал прямо под навесным замком, Ирина отчетливо запомнила это. А сейчас ничего подобного у ворот не было. Лишь потемневший от дневного тепла снег.

Она присела у ворот и стала внимательно рассматривать снег. «А это что такое?» На снегу была отчетливо видна глубокая борозда, которая проходила как раз под воротами. «Батюшки! Да это же след огромной когтистой лапы! Какой-то зверь сунул лапу под ворота и достал когтями мясо... Не собака и не волк, это точно. Слишком большой след. Медведь разве что?»

Ирина поднялась и медленно направилась к дому. Погода испортилась, пошел снег. Небо потемнело. Ей становилось все страшнее. Она думала про Вешнего и невольно начинала верить в глупость, которую придумал Пирогов... Нет, нет, это полнейший бред! Каким же надо быть отморозком, чтобы расчленил своего одноклассника и скормить медведю? В кошмарном сне такое не привидится!.. Такого просто не может быть! Вешний жив и здоров...

Она глубоко вздохнула, перекрестилась и распахнула дверь.

Люда сидела в кресле и читала книгу. Белкин спал на диване. Пирогов со стаканом чая ходил вокруг стола.

— Наконец-то! — воскликнул он, кинулся к столу, долил в стакан воды и стремительно понес его Ирине.

— Не хочу, — бросила она, с отвращением глядя на мутный стакан, и, раздевшись, прошла в комнату.

— Мы слышали выстрел, — оторвавшись от книги, произнесла Люда. — Пирогов очень испугался за тебя. Он даже хотел побежать тебе на помощь, но не смог найти свою куртку.

— Ладно тебе врать! — крикнул Пирогов, сжимая кулаки.

— Это в меня Курга стрелял. Но, к счастью, промахнулся, — как о чем-то обыденном сказала Ирина и села на диван рядом с Белкиным. Коснулась его редких волос, пощекотала его по щеке. — Просыпайся, милый мой! Проспишь опохмелку!

— Он в тебя стрелял?! — выпучив глаза, воскликнул Пирогов. — Вот же гад!

— Наливай! — усмехнулась Ирина. — Праздновать будем.

— А что случилось? Что праздновать будем?

— Я согласилась заплатить ему, — ответила Ирина. — Взяла кредит под залог квартиры, дачи и машины... Денег вышло не много, но Курга согласился на меньшую сумму. Деньги уже на подходе. Скоро мы будем свободны.

— Ура! — закричал Пирогов и принялся перебирать бутылки, стоящие на столе. Все они оказались пусты.

Белкин, не выказывая особой радости, поплелся в прихожую и напялил на себя куртку.

— Куда? — спросила его Люда.

— За дровами. Камин совсем погас.

Люде не хотелось оставаться наедине с Пироговым и Ириной. Она положила книгу на подоконник и поднялась на второй этаж. В комнату, предназначенную для мужчин, никто еще не заходил, и в ней было чисто и холодно. Через плотные шторы почти не проникал дневной свет. В вазе, стоящей посреди стола, торчала засохшая сосновая ветка. Люда медленно обошла стол, подошла к койке, упруго застеленной солдатским одеялом, и легла.

Она смотрела в потолок и вспоминала, как вчера вечером с ней разговаривал Курга. Это было, когда она вместе со всеми вышла во двор искать Земцова. Она отстала, обдумывая, как ей отсюда сбежать. Ей, во что бы то ни стало, надо было вырваться на свободу, чтобы об обмане не узнал муж. И она зашла в сарай, надеясь найти там лестницу. Кто-то толкнул ее на

мешки с цементом и зажал рот рукой... Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела перед собой осунувшееся лицо Курги. «Вот что, — исступленно зашептал он. — Вы это прекратите! Прекратите, я говорю!»

Она была слишком напугана, чтобы сразу понять, о чем он. А он тем временем продолжал нашептывать скороговоркой: «Не надо на меня это валить! — скороговоркой бормотал он, кидая испуганные взгляды на дверь сарая. — Ты, пожалуйста, скажи своим, что меня на мякине не проведешь!.. Дурака из меня делаете?..»

«Я не понимаю вас!» — сказала Люда как можно спокойнее, чтобы не нервировать Кургу.

«Ты, может быть, не понимаешь, потому что у тебя совесть на своем месте. А вот кое-кто из вас понимает. Не знаю, кто там у вас такой строптивый... Я по этим правилам играть не собираюсь. Я на многое способен, но невинного человека убивать не стану... Понятно тебе? Вот так и скажи! И сама будь осторожна!»

«Что, кому сказать?! Вы хоть нормально объясните, что случилось?»

Она слышала, как Курга громко сопит в темноте и скрипит зубами.

«На мне его крови нет, — сказал он уже без напряжения, тихим голосом. — Убийца среди вас... Все, иди, а то заметят, не отмажешься потом...»

Она вышла из сарая точно пьяная — от переживаний, от круговорота слов и чувств. И когда увидела труп Земцова, лежащий у ворот, то сразу все поняла. Поняла и поверила Курге безоговорочно. «Убийца среди вас...» Эти слова звенели в ее голове, как церковный колокол. Она не могла избавиться от них ни на минуту. Лучший класс в школе!.. «Убийца среди вас...»

Глава 35

Ирина стояла у окна и поглядывала на часы. Сейчас. Сейчас Марат позвонит ей и успокоит. Он скажет, что все благополучно, и проблема снята. Это будет означать, что они отловили рыжую и убили ее. Труп закопали. Путая следы, ушли подальше от охотничьего приюта и спустились по каменной осыпи водопада, коих в здешних местах великое множество. Потом загрузились в какой-нибудь бар, где смешались со смуглолицыми горнолыжниками и проститутками. И все встало на прежние места.

Ирине останется только ждать, когда муж Люды, тот самый тюфяк, передавший деньги в детском рюкзаке, пойдет в полицию. Там он будет путано объяснять про злодея Кургу и свою горячо любимую жену. Пройдет еще пара часов, пока полиция свяжется с прокуратурой, пока выяснится, что Курга арендует охотничий приют, пока из Адлера вызовут группу спе-

циального назначения, и плечистые амбалы в масках и пятнистой униформе пойдут на штурм частокола. Потом они взломают железную дверь трубы, найдут труп террориста и его предсмертную записку, в которой он берет на себя два убийства. Бравый оперативник зайдет в дом и, мужественно окинув взглядом испуганные лица, скажет: «Вы свободны!» И тогда к любимой Люде кинется муж и, заикаясь, станет рассказывать ей, как он не спал всю ночь, продавая квартиру, и как храбро вез деньги в детском рюкзаке с зайчиком, и как потом метко скинул его на голову юной преступнице в красном комбинезоне... Какой, однако, хеппи-энд! И Люда будет обнимать своего убогого агента страховой компании, как когда-то давно, на выпускном балу, она обнимала Земцова...

— Пирогов! — не оборачиваясь, позвала Ирина.

Она почувствовала, как он подошел к ней. Маленький, завистливый, злобный человечиска, ненавидящий всех, кто выше его ростом, кто преуспел, кого любят. Великолепный материал!

— Ну что, ты хочешь работать у меня?

— Ириша, да я... да я... — Он хлопал себя ладонями по груди и по-детски надувал губы.

— Что ты? — усмехнулась Ирина. — Ну что ты сделал, чтобы заслужить мое доверие?

— Да я горы перевернуть могу! В академию менеджмента поступлю! На курсы бухучета... Клянусь, Ириша... Ирина Юрьевна!

— При чем здесь бухучет, глупый! — усмехнулась Ирина, подошла к Пирогову и погладила его по голове. — Дипломы и образование в бизнесе играют последнюю роль.

— Да? — опешил Пирогов и заморгал глазами. — А что же играет первую?

— Ложь и хитрость. Богаче тот, кто сумел навесить больше лапши на уши людям. Глупый и доверчивый народ — находка для бизнесмена.

— Ну-у, — с некоторым облегчением протянул Пирогов. — Это не самое трудное.

— Правда? Что ж, я хотела бы посмотреть на твои способности. Когда здесь появится муж Люды, как бы между прочим, скажи ему, что она затащила тебя в постель, и у вас с ней была интимная связь.

— Со мной?! — ужаснулся Пирогов и невольно кинул взгляд на свое отражение в зеркале, словно надеялся увидеть какие-нибудь изменения к лучшему.

— А почему бы и нет? — совершенно серьезным тоном спросила Ирина. — Почему ты себя так низко ценишь? Это школьные комплексы, милый мой! Если ты хочешь быть бизнесменом, тебе надо решительно избавлять-

ся от них. Или ты собираешься и впредь пресмыкаться перед ней? Она тебя в школе унижала, сейчас унижает, а ты все терпишь?

— Больше терпеть не буду! — объявил Пирогов. — А сразу по морде!

— Фу-фу! Зачем так грубо? Сделай то, что я тебе сказала. Этого будет достаточно.

— Но ее муж мне не поверит, — засомневался Пирогов и опять посмотрел на себя в зеркало.

— Если соврешь — не поверит, — согласилась Ирина.

— Так я должен... — медленно доходило до Пирогова.

— Ты ничего не должен. Своим подчиненным я никогда не говорю, что они должны делать. Я всего лишь извещаю их о том, какой результат желаю получить, а они уже сами думают, как этого добиться.

— Я понял, — сжав зубы, ответил Пирогов и с решимостью посмотрел на лестницу. — Я понял...

— Ну, раз понял, так иди!

Глава 36

Дверь неожиданно распахнулась, и Люда, вздрогнув, приподняла голову. Не спрашивая разрешения, в комнату вошел Пирогов.

— Привет! — сказал он.

— Ага, давно не виделись, — ответила она, снова опуская голову на подушку.

— А я к тебе, — сообщил Пирогов и сел на койку напротив. — А что это у тебя полотенце на лбу лежит? Голова болит?

— Да, болит...

— А я поболтать с тобой хочу!

— Саша, может быть, мы поболтаем в другой раз?

— Другого раза может не быть. Когда мы еще встретимся?

Он встал и пересел на ее койку — на самый край, у ее ног, словно проверяя, какая на это будет реакция. Люда недоуменно взглянула на него:

— С тобой все в порядке? Ты себя хорошо чувствуешь?

— Прекрасно! Я, Люд, давно хотел тебя спросить. А чего ты в школе все время меня защищала?

— Наверное, жалела тебя, — пожав плечами, ответила она.

— А я думал, что ты в меня влюбилась!

Люда накрыла лицо полотенцем, чтобы не видеть его глупого лица и не расхохотаться. И вдруг почувствовала, как его рука осторожно коснулась ее ноги выше колена. Она скинула полотенце с лица и, серьезно глядя в глаза Пирогову, сказала:

— Я никогда не была в тебя влюблена.

— А может, все-таки ошибаешься? — скаля зубы, спросил он и дотронулся до ее «молнии» на джинсах.

Она ударила его по руке и предупредила:

— Если ты еще раз тронешь меня, я ударю тебя по лицу.

— Не ударишь, — покрутил головой Пирогов и придвинулся к ней еще ближе. — Хочешь, докажу, что не ударишь?

Она поняла, что уже нет смысла уповать на его разум. Попыталась всколоть койки, но Пирогов опередил ее и прижал ее руки к подушке. Теперь его лицо нависало над ее лицом.

— Только один поцелуй! — прошептал он.

— Меня тошнит от тебя! Отпусти, урод!

— А если не отпущу? Что тогда? Думаешь, я по-прежнему самый слабый, ни на что не годный? А ты по-прежнему самая красивая и недоступная? Фиг тебе с маслом!..

Люда неожиданно выгнулась и ударила его коленкой. Зверея от боли, Пирогов на секунду отпустил руку, а затем принялся бить ее кулаками по лицу и яростно срывать с нее одежду. Она почувствовала, как ослабел ремень ее джинсов. Пистолет Земцова, который она хранила под ремнем, выскользнул и оказался у нее за спиной. Она уже не думала, что делает, но знала, чем все это кончится. Перестала сопротивляться, чуть приподняла плечи, словно желая помочь Пирогову разорвать застешку лифчика. Повизгивая оттого, что добыча вдруг оказалась доступной, Пирогов двумя руками схватился за ее джинсы, чтобы стащить их вместе с колготками...

Выстрел отбросил его на спинку кровати. Захлебываясь собственной кровью, он мешком повалился на пол.

— Иди сюда! — крикнула Ирина, высунувшись из двери. — Бегом!! Да бегом же тебе говорят, пьянь кривоглазая!

Белкин бережно завинтил пробку на бутылке и сунул ее в карман.

— Иду, не ори, — сказал он, подходя к ней. — Ну, что случилось?

— Только что на втором этаже раздался выстрел! Иди и посмотри, что там произошло!

— Да что там теперь может произойти! — отмахнулся Белкин. — Какая разница, кто там стрелял!

— Ты мужик или нет? — подбоченившись, вспылила Ирина и тут увидела спускающуюся по лестнице Люду. Лицо ее было белым как мел. В руке она держала пистолет.

— Я убила Пирогова, — произнесла она едва слышно и положила пистолет на стол. Потом подошла к креслу и забралась на него с ногами.

Ирина сложила ладони лодочкой у лица и что-то прошептала. Можно было разобрать лишь: «Так и знала! Так и знала!»

— Не стой же! — наконец прикрикнула она на Белкина.

— А что я должен делать? — пожал тот плечами. — Засвидетельствовать смерть? Или выкопать могилу? Давай лучше помянем...

— Заверни пистолет в полотенце, чтобы отпечатки пальцев не смазаны! Налей ей чего-нибудь выпить!.. Господи, какой же ты неповоротливый!

Ирина сама накинула на пистолет салфетку, подняла его двумя пальцами и, встав на стул, положила на буфет.

— Понятно? — спросила она Белкина, выразительно шевеля бровями. — Понятно, кто умыкнул пистолет? Понятно теперь, кто сообщник Курги?

— Ни хрена мне не понятно, — ответил он.

— Это потому, что ты все мозги пропил, милый мой! — язвительно произнесла Ирина.

— Нет, не потому, — равнодушно ответил Белкин, вытаскивая бутылку из кармана. — Никакого сообщника у Курги не было. Но если тебе так хочется кого-то назвать сообщником, то лучше назови себя.

— Что?! — воскликнула Ирина. — Ты в своем уме?! Ты бредишь! У тебя белая горячка!

— Не знаю, белая у меня горячка или черная, — ответил Белкин, свинчивая пробку, — но в чем я точно не сомневаюсь, так это в том, что Земцова убила ты.

Глава 37

«Всего их было четверо, — думал Кирилл, продолжая подниматься по склону. — Марат накормил собой медведя. Значит, еще трое...»

Он остановился и прислушался. Тишина была звенящей. Какая-то птица вспорхнула с ветки, и вниз беззвучно упал комок мокрого снега. Вера, измучившись в своем нелепом пальто, стащила с головы платок и пощелкала пальцами, привлекая внимание Кирилла. Она показывала рукой на следы от ботинок, гирляндой поднимавшиеся вверх. Судя по расстоянию между ними, человек бежал, останавливался и снова бежал. Кирилл прижал палец к губам и знаком показал, чтобы Вера медленно пошла по этим следам, а сам, пригнувшись, взял левее и едва ли не на четвереньках побежал по склону.

Он не ошибся. В том месте, где склон был более пологим, темным пятном бросалось в глаза нагромождение замшелых валунов. Снега вокруг них не было — солнце нагревало темные камни, и они распространяли тепло вокруг себя, как печи. И из-за камней едва заметно струился дымок: кто-то, сидя в засаде, курил.

Кирилл неслышно обошел человека со спины и приблизился к нему настолько, что мог вытянуть ружье и коснуться стволом его затылка. Это был крепкий парень в спортивных брюках и легкой «дутой» куртке. Загасив окурок о камни, парень чуть привстал, наблюдая за приближающейся Верой. Перебирая руками и ногами, что делало его похожим на гигантского паука, он подполз к крупному валуну, за которым выпрямился во весь рост и стал прислушиваться к шагам девушки. Он был уверен, что Вера уже попала в его сети, и потому не обратил внимания на треск сухой ветки за спиной. Когда Вера подошла к валуну и, переводя дыхание, села на мшистую поверхность камня, Кирилл уже оседлал парня и связывал ему руки за спиной.

— А этот меня к лыжам привязывал, — опознала она его.

— Нехорошо, — покачал головой Кирилл, заталкивая вязаную рукавицу парню в рот и заклеивая скотчем. — Придется скормить тебя медведю.

Парень замычал и начал крутить головой.

— Не хочет, — догадался Кирилл.

— У медведя может несварение быть, — усмехнулась Вера. — Зачем животное мучить? Давай его просто камнями обложим...

Парень протестовал, но, связанный по рукам и ногам, он мог только мычать и извиваться. Кирилл и Вера уложили его рядом с валуном и отгородили невысокой стенкой из камней.

— Осталось двое, — сказал Кирилл, когда они продолжили подъем. — Один из них — знакомый нам водитель. Имей в виду, у него большой зуб на нас.

Они бродили по снегу и не находили никаких следов. Кирилл уже подумал, что они далеко ушли от своих преследователей, но вдруг толкнул Веру в глубокую заснеженную воронку и сам прыгнул туда же. Привстав, он осторожно выглянул из ямы.

Из-за деревьев показались двое. Водителя «лексуса» Кирилл узнал сразу. Второй был ростом пониже, с бритой головой и круто скошенным лбом. Они быстро шли по следам Кирилла и Веры, смотрели по сторонам и размахивали пистолетами.

— Сразу двое, — шепнул Кирилл. — Замечательно!

Он схватил полиэтиленовый пакет, который все это время тащила с собой Вера, вытряхнул из него красный комбез и ботинки и стал раскладывать одежду на дне ямы, придавая ей очертания человеческого тела. Слегка присыпал сверху снегом.

— Уходим!

Они по-пластунски вылезли из ямы. Кирилл потянул Веру за рукав, показывая ей на широкий ствол бука:

— Встань за ним! Стреляй только в крайнем случае!

— А ты?

Он не ответил и на четвереньках отполз в сторону. За густым кустарником барбариса снял с себя безрукавку, шапку и повесил все это на сучок сосны. Потом расстегнул пряжку и вытащил из джинсов ремень.

Водитель со своим бритоголовым коллегой быстро приближались к яме. Метров за двадцать до нее бритоголовый положил ладонь водителю на грудь, приказывая остановиться, а сам, осторожно ступая по следам Кирилла, приблизился к яме. Опустился на одно колено, вытянул шею и посмотрел на дно ямы. По его губам пробежала усмешка. Он повернул голову, тихо свистнул, привлекая внимание водителя, и едва слышно произнес:

— Фуфло!

Водитель стал приближаться к яме. Бритоголовый, выпрямившись, осмотрелся, увидел торчащий из-за дерева край безрукавки, что-то сказал водителю, и в то же мгновение они оба открыли беспорядочную стрельбу по безрукавке. Она сорвалась с сучка и упала на снег.

— Готов! — удовлетворенно проговорил бритоголовый, заталкивая пистолет за пояс. — Иди проверь!

Едва водитель отошел на несколько шагов, на шею бритоголового опустилась петля из брючного ремня и крепко сдавила ему горло. Он попытался выхватить из-за пояса пистолет, но к его виску прижался холодный ствол.

— Дернешься — сделаю дырку, — тихо шепнул ему Кирилл.

Тем временем водитель медленно шел к дереву, из-за которого выглядывал край простреленной насквозь безрукавки. Чем ближе он подходил, тем все более осторожным становился. Пистолет он держал в вытянутой руке, готовый в случае опасности немедленно открыть огонь. Остановившись в шаге от лежащей на снегу безрукавки, тихо позвал:

— Глобус!

Глобус не мог ему ответить, потому что стоял у дерева с петлей на шее, и водитель стал пятиться, водя стволом во все стороны. Он сделал шаг, второй и тут почувствовал, что дорога назад неожиданно закончилась.

— Брось пистолет! — сказала Вера, прижимая ствол «Макарова» к затылку водителя. — Считаю до трех. Раз... Два...

Он развел руки в стороны, показывая, что готов выполнить приказ, и вдруг резко присел, уйдя из-под прицела, а затем с разворота ударил Веру кулаком в плечо. Она повалилась на снег, выронив пистолет. Водитель навел на нее оружие, но выстрелить не успел. Грохнул выстрел, и раскаленный жакан угодил ему в грудь.

— Какого черта ты вскочила?! — крикнул Кирилл, подбегая к Вере.

— Я хотела тебе помочь...

— Помочь! — передразнил он, поднимая и отряхивая от снега безрукавку, зияющую дырами. — Мы тут что, в «Зарницу» с тобой играем? Пойдем! А то скоро стемнеет.

— Смотри! — сказала Вера, показывая рукой на маленький детский рюкзачок, выглядывающий из-под пальто водителя. — Тот самый...

Кирилл, приподняв тяжелое тело, высвободил рюкзачок, отряхнул его от снега, заглянул внутрь, а потом протянул Вере:

— Держи! Если не ошибаюсь, ты должна была передать его брату?

Она рассеянно кивнула, глядя на рюкзачок с нарисованным на нем смеющимся зайцем.

— Что ж, делай то, что должна была сделать.

Но Вера отрицательно покачала головой и, закидывая лямку рюкзака на плечо, сказала:

— Наверное, все же будет лучше, если я отдам его Ирине. Это ведь ее деньги, и пусть она сама ими распоряжается.

— Дело твое, — кивнул Кирилл. — Ну что? Пойдем дальше? Надо торопиться.

— А мы уже почти пришли, — ответила Вера.

Она хотела спросить, а где бритоголовый, но увидела его сама. Бритоголовый стоял, балансируя на трухлявом бревне. Руки и ноги его были связаны липкой лентой, рот забит мхом, горло стягивала петля, конец которой был привязан к крепкому суку.

— А он не свалится с бревна? — повернулась она к Кириллу.

— Захочет жить — не свалится, — заверил он. — Главное, чтобы под бревном снег не растаял. Но до весны вроде еще далеко. — И, взяв ее за руку, повел дальше.

Через пару сотен метров Вера села на снег.

— Дай дух перевести!

Кирилл, хмурясь, смотрел по сторонам.

— Что с тобой? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Кирилл, глядя вниз, откуда на гору заползали сумерки. — Такое чувство, словно за нами опять кто-то следит.

Он поднялся вверх и, свернув в сторону, по большому кругу начал спускаться к своим прежним следам. В какой-то момент ему показалось, что за стволами мелькнула тень. Можно было подумать, что где-то рядом бродит лесной дух. Впрочем, этот лесной дух оставил на снегу вполне материальные следы. Его обувь была «лысой», совершенно лишенной какого бы то ни было протектора. Видимо, ботиночки у него были так себе, не предназначенные для снега и гор.

Кирилл прошелся по следам, убедившись, что человек соблюдал приличную дистанцию, но и не отставал слишком. Рядом с огромным вековым

дубом снег был изрядно примят. Видимо, человек стоял здесь относительно долго, наблюдая за передвижением Кирилла и Веры. Опустившись на корточки, Кирилл подобрал крохотный пучок полуистлевшего табака, нарезанного длинными тонкими стружками.

Вернувшись к Вере, он показал ей свою находку.

— Что это? — спросила она, растирая в пальцах табак и нюхая его.

— Он курит трубку.

— Никто из тех бандитов трубку не курил, — уверенно произнесла она.

Кирилл с тревогой посмотрел на лес и прошептал:

— Не нравится мне этот человек-невидимка.

— Захотел бы нас убить — давно бы это сделал, — философски заметила Вера. — Ладно, пошли. У меня и без того на душе тяжело. Брат на вызовы не отвечает. Боюсь, что все очень-очень плохо...

Они взялись за руки и, не оборачиваясь, быстро пошли дальше и вскоре вышли на широкую просеку с отчетливым гусеничным следом снегохода. Вера остановилась и, повернувшись лицом к багровому закату, на фоне которого темнел излом частокола, произнесла:

— Пришли.

Глава 38

Они подбежали к частоколу, прижались к гладким, отполированным бревнам. Кирилл кивнул на снегоход, лежавший на боку.

— Что бы это значило? Неужели мои одноклассники так напились?

— Который час? — шепотом спросила Вера.

— Скоро шесть.

— Еще два часа, — задумчиво проговорила она.

— До чего два часа?

— До восхода луны. И лес наполнится вампирами, и они подойдут к воротам частокола и станут требовать крови.

Кирилл сильным ударом вогнал охотничий нож в столб частокола на уровне своего лица, затем встал одной ногой на бревно, второй — на нож и дотянулся руками до верхнего края. Без усилий перекинул тело через заостренные концы столбов и спрыгнул в снег. Сугроб смягчил удар. Не вставая, он прижал ружье к телу и перекатился за штабель вагонки. Там полежал несколько секунд, прислушиваясь, затем приподнял голову. Крепкий двухэтажный дом с кирпичной цилиндрической пристройкой. Свет в окнах. Пустой двор с беседкой посередине. На противоположной стороне — «слепая» избушка, навесное, баня. Ближе к воротам теснятся два флигеля. Нигде никого не видно.

Он встал в полный рост, повернулся к воротам и вдруг остолбенел. На снегу, накрытый куском брезента, лежал человек. Кирилл отчетливо увидел торчащие ноги в ботинках. Первый красавец класса, любимец девчонок... Значит, Вешний не соврал.

Кирилл сел на снег, опершись спиной на ворота. «Он святой, он не способен убить человека!» — вспомнились слова Веры, какими она характеризовала своего брата. «Да уж, святой... — подумал он. — А я доверчив, как пацан, почти безоговорочно поверил случайной девчонке. Святой! Ее братишка — подонок и убийца! Он держит моих одноклассников взаперти, вымогая деньги. Он убил Земцова, и еще неизвестно, ограничился ли только этим...»

— Вера! — позвал он. — Дай мне пистолет!

— Зачем?

— Попробую выстрелом перебить ушко.

— А если ружьем?

— Бесплезно — жакан свинцовый. Это мягкий металл.

Она выгребла из-под створки снег и просунула пистолет. Он прицелился в ушко замка, выстрелил, а когда замок сорвался с петель и упал, приоткрыл створку и впустил Веру во двор.

— Что это? — испуганно спросила она, увидев торчащие из-под брезента ботинки.

— Сергей Земцов, — ответил Кирилл. — Мой одноклассник.

Вера отшатнулась, отрицательно покачала головой и прошептала:

— Нет... Этого не может быть! Ваня не мог убить! Ты его совсем не знаешь! Это они! — кивнула она на лес.

— Нет, Вера, — ответил Кирилл, словно выносил приговор. — Его убили как минимум сутки назад.

— Нет! — шептала она. — Не верю... не верю... Это невозможно! Ты совсем не знаешь Ваню!

И она, торопясь доказать свою правоту, быстро пошла по тропе к кирпичной пристройке. Приблизившись к двери, дернула за ручку, нажала на кнопку звонка, посмотрела наверх, где темнело маленькое, похожее на амбразуру, окошко, и со слезами в голосе произнесла:

— Он не открывает! Что-то случилось! Давай взломаем дверь! Боже мой, я как чувствовала!

— Подожди, не причитай! — взял ее за руку Кирилл. — Пошли в дом. Там разберемся.

Он больше не мог ни слушать ее, ни видеть ее глаз. Ему казалось, что истина давно ждет его за этими бревенчатыми стенами, бьется за мутными стеклами окон в виде отблесков камина. И истина эта настолько страш-

на и непредсказуема, что для постижения ее от него потребуются небывалое мужество.

Глава 39

Кирилл распахнул дверь, вошел в прихожую и встал на пороге гостиной. В простреленной безрукавке, без шапки, с ружьем в руке. Ситуация была настолько непонятной, что он совершенно не знал, как себя вести. Или с мягким сарказмом сказать: «Приветствую всех, кто еще жив!» Или со скорбным выражением лица молча выразить свое соболезнование по поводу кончины Земцова. Или же обвести пытливый взгляд присутствующих и строго спросить: «Ну? Что у вас здесь случилось?»

К счастью, ему на помощь пришел Белкин. Он первым узнал Кирилла и вскочил с дивана:

— Блин горелый! Кажется, к нам пожаловал Вацура!

Подошел, стукнул его кулаком в грудь, обнял. Ирина тоже оживилась, подскочила к столу, плеснула в рюмку и, оттесняя Белкина, приблизилась к Кириллу.

— Здравствуй, милый мой! Как хорошо, что ты приехал! Мы тут уже с ума сходим, переругались все, как черти!.. Давай, мой хороший, до дна!.. А здоровый же ты стал!

— Сейчас я тебе такое расскажу... — Белкин пытался отвоевать внимание Кирилла.

— А что я тебе расскажу! — перебила его Ирина.

Люда, съездившаяся в кресле, подняла голову, убрала волосы и взглянула на Кирилла так, словно они только что виделись, обо всем переговорили и успели друг другу надоесть. Она вяло кивнула ему, и на ее безразличном лице не отразилось никаких чувств.

На Веру никто не обратил внимания. Девушка стояла за спиной Кирилла в своем тоскливом зеленом пальто и ищущим взглядом осматривала гостиную. Потом она увидела дупло, забитое тряпкой, и все остальное ее сразу перестало интересовать.

— Ты как нас нашел? Пешком через лес шел? Мы ждем, когда Курга получит деньги и оставит нас в покое. Тебе, наверное, дико все это слышать? — скороговоркой щебетала Ирина, переводя взгляд с Кирилла на Веру и обратно. — Это, прости за любопытство, твоя жена или?.. Очень миленькая девушка! У меня такое ощущение, что я ее уже где-то видела!

На экране ноутбука лицо Веры выглядело несколько иначе, потому Ирина ее не узнала.

— Дружище, давай выпьем по соточке, посидим, побалакаем. Мне много тебе надо рассказать, — упрямо гнул свою линию Белкин. Он обнял Кирилла за плечо и повел к столу.

— В общем, опасности уже нет никакой, — звонким голосом перекрикивала Белкина Ирина. — Я за все заплатила! С минуты на минуту будут деньги, я отдам их Курге, и он отчалит отсюда на все четыре стороны. Ты хоть два слова о себе расскажи! Где ты сейчас?.. Да выпей же ты, наконец, иначе вскипит она у тебя в руке!

— Не надо, дружище! Я не советую тебе пить с этой женщиной...

— Я тебе, Белкин, сейчас так посоветую! Так посоветую!..

Кирилл не выдержал, сделал шаг вперед, вырываясь из сумасшедшего круга, зажал ладонями уши и взмолился:

— Да хватит меня грузить!! Замолчите!! Где этот... Курга? — спросил он, оглядывая комнату и пытаясь отгадать, где удобнее находиться террористу, чтобы держать под контролем всех заложников сразу.

Белкин пожал плечами, а Ирина легковесно махнула рукой на душло:

— Там... Он все время там торчит, как кукушка в часах.

— Вы давно его видели? — спросила Вера.

— Может, час назад. Может, чуть больше, — неопределенно ответила Ирина. — Совсем недавно, кажется, тряпка шевелилась... Но вы не беспокойтесь. Этот негодяй уже никому не причинит зла. Он удовлетворился убийствами и моими деньгами.

— Блин горелый! — покачал головой Белкин. — Какая наглая ложь!

— У него абстиненция, — пояснила Ирина и развела руками, мол, простите, что я не смогла закрыть ему рот. — Как закончилась водка, у него стал развиваться депрессивно-маниакальный психоз. Он втемяшил себе в голову, что Земцова убила я. Вы представляете? При этом он упорно не хочет говорить о том, что произошло на втором этаже.

— На втором этаже я убила Пирогова, — отрешенно ответила Люда на вопросительный взгляд Кирилла.

Кириллу стало жарко. Он снял безрукавку.

— По-моему, вы тут все сошли с ума, — произнес он и, глянув на Веру, нервно заметил: — Не стой, как свеча, пожалуйста! Сними пальто и сядь!

Вера послушалась. Движения ее были замедленные, взгляд рассеянный. Она была погружена в свои мысли и, кажется, не вполне отдавала отчет в том, что делает.

Кирилл обошел комнату под пристальными взглядами присутствующих, затем поднялся на второй этаж и заглянул в обе комнаты. Чтобы лучше рассмотреть труп Пирогова, лежащий рядом с койкой в луже крови, зажег свет. Потом спустился вниз.

— Люда, это действительно сделала ты?

— Да, — одними губами ответила она.

— Ты не ошибаешься?

Ирина ехидно рассмеялась:

— Ой, мужики, мужики! Нет у вас ни ума, ни логики. Все чувства сосредоточены ниже пояса.

— А при чем здесь это? — встрепнулся Белкин. Возможно, его опять стало клонить ко сну, и реплика Ирины его разбудила.

— В школе вы все поголовно были влюблены в Люду, с годами ничего не изменилось. Мне остается лишь по-доброму позавидовать ей. Слезу вышибает, как Вацура с ней мурлыкает: «А ты уверена? А ты не ошибаешься? Ути-пуси!»... Смотреть тошно! У Белкина бы лучше спросил, в какой стадии дегенерации пребывают его мозги, коль он уже меня в убийстве обвиняет!

— А кто, по-твоему, убил Земцова? — спросил Кирилл.

— Кирюша, милый! — взмолилась Ирина. — Конечно же, Земцова убил Курга. Конечно же, Пирогова убила Люда... Что ты еще хочешь выяснить? Сядь, успокойся! О себе лучше расскажи. Я слышала, что у тебя своя фирма по продаже автомобилей?

— Да, — ответил Кирилл и, наконец, поднял глаза на Веру.

Она вдруг вскочила с дивана и быстро вышла в прихожую. Кирилл остановил ее у двери, когда девушка с пальто под мышкой уже собиралась выйти на улицу.

— Оставь меня! — крикнула она.

— Подожди, я должен во всем разобраться.

— Ты уже разобрался!.. Не прикасайся ко мне!

— Да остановись же ты! Это в твоих же интересах, неужели ты этого не понимаешь?!

Ирина, с любопытством наблюдая за этой сценой, вздохнула:

— Ну вот, семейная драма!.. Никак не могу вспомнить, где же я видела эту рыженькую... Около «Ковчега» она не могла попасться мне на глаза?.. Нет, не могла... А где же?

Глава 40

Вернувшись обратно в гостиную и усадив Веру на диван, Кирилл взглянул на Белкина:

— Что ты хотел мне сказать?

Белкин, заметно волнуясь из-за общего внимания к себе, засуетился, подошел к столу и занял руки бутылкой и рюмкой.

— Давай, давай! — кивнула Ирина, глядя на него со злой усмешкой. — Давно не прикладывался, умнеть начал и забыл, что хотел сказать...

Белкин обиделся, скривился, как от удара, но, тем не менее, выпил и проворчал: «Общаясь с такой стервой, поневоле запьешь».

— Тут вот такая ерунда случилась, — начал он, обращаясь только к Кириллу. — Жаль, конечно, что так вышло с Пироговым, а то он подтвердил бы...

— Особенно жаль, что так вышло с Земцовым, — издевательским тоном вставила Ирина, — а то он подтвердил бы, что его замочила не я.

— Нам Земцов предложил игру, — игнорируя ее выпад, продолжал Белкин. — Разложил на столе баксы. Каждый должен был взять по одной купюре. У кого сумма цифр окажется больше, тот эту купюру возьмет себе...

— Кирилл, да ты посмотри на него! — опять не выдержала Ирина. — Он же совершенно пьян!

— Пожалуйста, — взмолился Кирилл, — дай ему высказаться!

— Выиграл Пирогов, — произнес Белкин. — Но не в этом суть. Каждый из нас вслух называл цифры. А Пирогов, чтобы его никто не обманул, записывал их на салфетке. Очень такой дотошный был человек... Потом Земцов предложил еще какой-то конкурс: в двух совершенно одинаковых купюрах найти одно существенное различие, исключая номер. Но мы почему-то играть не стали, и Земцов положил все бабки себе в карман.

Кирилл мельком взглянул на Ирину. Она по-прежнему иронично улыбалась, но ему показалось, что теперь она напряженно вслушивается в слова Белкина.

— Потом мы выходили гулять, потом вылезла из своего дупла эта кукушка, пальнула из берданки — в общем, я не совсем хорошо помню, как мы снова очутились во дворе и нашли мертвого Земцова. Не в этом суть... У Земцова, то есть у трупа, пропали деньги. Те самые баксы. Кто-то забрал их себе, а конверт выкинул. А позже Пирогов мне по секрету говорит, что Ирина, как своему будущему заместителю, подарила ему сто долларов. Саша, будучи человеком дотошным, на всякий случай проверил номер этой купюры. И что ты думаешь? Этот номер совпал с тем, который Пирогов во время игры записал на салфетке... Въезжаешь?

— Очень интересно! — голосом, предвещающим шторм, произнесла Ирина. — А с какой стати Пирогов рассказал тебе о наших с ним секретах?

— Объясняю, — спокойно ответил Белкин. — Он не только рассказал мне о ваших секретах. Он просил меня запустить среди одноклассников слух, что ему известны кое-какие неприглядные факты, связанные с тобой. Я догадался, зачем это ему было надо. Он очень хотел работать в твоей фирме и на всякий случай решил тебя немножко пошантажировать.

— Какой же он нехороший! — покачала головой Ирина. — Но самое обидное, что добрые дела почему-то возвращаются плевками... Да, я действительно подарила Пирогову сто долларов. Я каждому хотела сделать подарок. Тебе, Федя, между прочим, подарила ящик водки, который ты благополучно вылакал... Но вот только никаких денег у Земцова — живого или мертвого — я не брала. Пирогову подарила свои деньги, честно заработанные, в налоговой декларации зарегистрированные. Понятно? И никакой салфетки с номерами не было. Это все Федькины бредни. Очень жаль, что Пирогов безвременно отправился на тот свет и не может опровергнуть гнусную клевету неблагодарной твари по фамилии Белкин. — Интеллигентно выражая сдержанный гнев, она встала с дивана и подошла к окну. — В который раз убеждаюсь — людям нельзя делать добро... Мужики, милые!! Пошевелите мозгами!! Я не бедная женщина. Последний год вообще очень хорошо зарабатываю. И неужели вы думаете, что из-за какой-то худой пачки долларов я стану убивать своего одноклассника? Да я такую же пачку при хорошей сделке за день заработаю!

— А давайте обыщем друг друга, — предложил Белкин. — Вдруг найдем у кого-нибудь эту злосчастную пачку долларов?

— Большой глупости я в жизни не слышала, — обернулась к нему Ирина. — Допустим, у меня есть доллары, причем пачка потолще, чем была у Земцова. Ну и что? Что это доказывает? Ты хочешь на нее посмотреть? А если не принимать во внимание мифическую салфетку Пирогова, у тебя есть номера купюр Земцова?

«Она права, — подумал Кирилл. — Ничего мы не докажем. Но самое главное — у Ирины не было никаких явных мотивов убивать Земцова».

— И что вы все на меня накинулись? — произнесла она размягченным голосом, стараясь вызвать жалость. — Что я вам сделала плохого? Почему ты, Кирилл, не поинтересуешься, откуда у нашей нежной и любвеобильной кошки оказался пистолет Земцова?

— Я его взяла, чтобы защититься от убийцы, — ответила Люда.

— Ты хотела сказать, от Курги?

— Нет. Я хотела сказать — от убийцы. А это разные люди.

— Опять двадцать пять! — всплеснула руками Ирина. — В атаку пошел второй эшелон...

— Я разговаривала с Кургой незадолго до того, как мы нашли труп Земцова, — произнесла Люда. — Он предупредил меня... Он сказал: «Убийца среди вас».

Ирина с заметной дрожью в руках полезла в сумку за сигаретами и, чиркая зажигалкой, тихо проговорила:

— Да, таких дурочек, как я, еще поискать надо... В то время, когда я беспокоилась, хватит ли выпивки, закуски, хорошо ли нас устроят, как бы

всем угодить с подарками, кому бы помочь с работой, мерзавец Пирогов распускает обо мне какие-то мерзкие слухи, Людочка вступает в сговор с террористом и втихую вооружается «Макаровым», а Федя торопится выжрать всю водку, пока она халявная... Спасибо вам, спасибо вам всем за теплое и доброе ко мне отношение! Я понимаю, все это от зависти. Если бы я была бедна, как церковная крыса, несчастна и одинока, тогда могла бы рассчитывать на ваше искреннее сострадание и любовь. А сейчас, как и пятнадцать лет назад, все лавры получают вечно плачущая Люда да бездельник Белкин — ведь они несчастнее и беднее меня... Вам всем хочется доставить мне неприятность, унижить меня, чтобы полюбоваться, как я, гордая и богатая женщина, буду корчиться от боли. И поделом мне! Не буду кичиться своими долларами, иномарками да особняками...

«Если бы я был с ними с самого начала, — подумал Кирилл, — то с какой легкостью разобрался бы в этой истории! А так мне приходится довольствоваться только рассказами и эмоциями. Вере хочется верить, но я знаю ее всего сутки. А с Ириной учился десять лет в одном классе... Хотя, что я знаю о ней?»

Он поднялся, обвел всех изучающим взглядом и произнес:

— Я не следователь. Разговор получился бессмысленным. Надо вызывать полицию.

— Да, надо, — согласилась Ирина. — Но чуть позже, когда Курга уйдет. Я дала ему слово, что не вызову полицию. Не стоит его нервировать и рисковать собой. Хватит крови...

Кирилл продолжал стоять лицом к Ирине, давая понять, что развитие ситуации теперь зависит от нее, точнее, от ее денег. Ирина поняла его, кивнула и вынула из саквояжа мобильный телефон.

— Я позвоню моему бухгалтеру. Что-то он задерживается... — Она стала набирать номер. — Давно должен был подойти... Может, заблудился в лесу?..

Она прижала трубку к уху. И тут произошло то, чего никто из присутствующих не ожидал. Под свитером у Кирилла вдруг пронзительно запищал мобильный телефон — тот самый, трофейный, который он взял у Марата, растерзанного медведем.

— Что это? — Ирина не сразу поняла, откуда исходит сигнал, и посмотрела вокруг себя, под ногами и даже заглянула под стол. — Это у тебя что-то пиликает?

— У меня, — ответил Кирилл, пытаясь сообразить, что это может значить.

— Ах у тебя! — воскликнула Ирина, еще не уловив связи между номером номера бухгалтера и звонком под свитером у Кирилла. — Ответь! Тебе звонят!

Кирилл сунул руку под свитер, но застыл в таком положении. Кажется, до Ирины стал доходить смысл происходящего. Она отключила вызов на своем телефоне, оборвав трель на груди Кирилла, кинула трубку на дно саквояжа и подошла к окну с таким видом, будто Кирилл ее смертельно оскорбил.

— Странно, — наконец произнесла она. — Очень странно, что мобильник моего бухгалтера оказался у тебя. Я бы хотела получить объяснения по этому поводу.

— Твоего бухгалтера разорвал медведь, — ответил Кирилл. — А телефон его я взял для того, чтобы узнать, на кого он работает.

— Кто? Медведь? — издевательским тоном спросила Ирина.

— Нет, бухгалтер Марат.

— И как, узнал? Ты доволен?

— Вполне. А потому хочу поставить тебя в известность, что еще трое твоих «бухгалтеров» пытались убить меня в лесу. Но они оказались неповоротливыми и глупыми, как пингвины, и потому у них ничего не получилось.

Ирина обернулась и посмотрела на Кирилла из-под густых черных бровей. Она часто и глубоко дышала, и ее ноздри были широко раскрыты, словно у погулявшей вволю лошади. Снова схватила свой мобильный, набрала один номер, затем другой, третий... Никто не отвечал.

— Ты получишь очень большой срок, Кирилл, — процедила она. — Это были телохранители бухгалтера, который нес сюда деньги. Они выполняли свой профессиональный долг.

— Ошибаешься, — покачал головой Кирилл. — Твой срок будет намного больше моего. Я всего лишь принял меры необходимой самообороны против людей, которые без всякой причины открыли по мне огонь. Двое твоих телохранителей остались живы. И я очень надеюсь, что полиция быстро разберется, какой долг они выполняли. А главное — кто меру этого долга определил. Думаю, что и за Земцова тебе придется отвечать... А что касается денег, которые ты ждешь, то вот они!

С этими словами он вышел в прихожую, принес рюкзачок и протянул его Ирине. Та машинально взяла его, повертела в руках, открыла, заглянула внутрь.

— Все правильно? — уточнил Кирилл.

— М-м-м... да, — неуверенно ответила Ирина.

— Странный круговорот денег получился, не правда ли? Один твой бухгалтер сбрасывает их с канатной дороги сообщнику Курги. Другой бухгалтер зачем-то отбирает их у сообщника и уже сам несет их Курге. Такие сложности! Прямо-таки спортивная эстафета. Называется «Передай другому»...

— Ну, все, хватит! — прошипела Ирина, крепко прижимая рюкзачок к груди. — Идем к Курге! Я отдам ему эти деньги, и он все сам объяснит вам.

Она вышла из дома первой, даже не накинув на плечи шубу. Никто не обратил внимания на Люду, которая смотрела на рюкзачок глазами, полными немомого ужаса. По забавному смеющемуся зайцу она узнала рюкзачок своего сына.

Глава 41

Подойдя к железной двери, Ирина ударила по ней ногой. Потом еще и еще раз.

— Мы уже стучали, — сказал Кирилл. — Он или не хочет открывать...

— Или? — нетерпеливо спросила Ирина.

— Или не может.

— Принеси монтировку! Где-то там, у ворот должна валяться! — как своей прислуге приказала Ирина Вере, и девушка, не обращая внимания на ее тон, побежала к воротам.

— Красивая у тебя жена, — похвалила Ирина, глядя вслед Вере. — Мне все время кажется, что я где-то ее видела. Она у тебя не актриса?

— Актриса, — подтвердил Кирилл. — Правда, плохая.

С монтировкой довольно ловко управился Белкин. Он отжал косяк от двери, а Кирилл дернул ручку на себя. Дверь распахнулась. Вера первой зашла в коридор и кинулась вверх по лестнице.

— Она у тебя еще и храбрая! — заметила Ирина.

Шаги Веры затихли наверху.

— Ну, что там? — крикнул Кирилл. Он хотел напомнить Вере, что внизу слишком много свидетелей, и ей не стоит выдавать своих родственных отношений с братом.

— Почему она молчит? — недовольно спросила Ирина. — Идите и посмотрите, в чем там дело! Есть тут мужчины или нет?

Закуривая на ходу, Белкин стал подниматься по лестнице. «Не представляю, как Ирина хочет выбить из Курги признание, — подумал Кирилл, поднимаясь следом за ним. — Даже если это он убил Земцова, то разве признается в этом?»

— Блин горелый!! — сдавленным голосом воскликнул вдруг Белкин. — Сколько можно?! Это уже четвертый!!

Оттолкнув его, Кирилл кинулся на площадку, освещенную тусклой лампой. Беззвучно покачиваясь, Вера стояла на коленях, прижимая к груди голову мертвого брата.

Кирилл не без труда поднял Веру на ноги и прижал ее к себе, чтобы залитое слезами лицо не увидела Ирина. Белкин, конечно, обратил внимание на странную реакцию спутницы Кирилла, но виду не подал.

— Мне становится страшно жить, — признался он, яростно раскуривая сигарету. — Очень не хочется оказаться следующим на очереди.

Наконец вверх поднялась Ирина и встала рядом с Кириллом, молча глядя на труп.

— Все, — прошептала она. — Теперь Белкин повесит на меня и это убийство. Я опоздала...

— Иди вниз, — тихо сказал Кирилл Вере, но она лишь отрицательно покачала головой.

— Пошла такая «мочилровка», что я уже перестал что-либо понимать, — пробормотал Белкин.

— А что здесь понимать? — холодным тоном отозвалась Ирина. — Кто-то из нас четверых свел счеты с Кургой.

— И я догадываюсь, кто это сделал, — покосился на нее Белкин.

— Разумеется, это сделала я! — кивнула Ирина. — Больше некому! Остается только сознаться, что я профессиональный киллер, прошедший спецподготовку в террористических лагерях курдов, ирландской освободительной армии и исламских фундаменталистов... Между прочим, в доме сидит хорошо известная нам особа, которая почти у нас на глазах убила человека. И не скрывает этого. Мужики, милые мои! Вы еще сколько лет будете в нее влюблены? Когда вы снимете с нее ангельские крылышки, которые сами же прицепили?

Кирилл, щадя нервы Веры, настойчиво подтолкнул ее к ступеням, заставляя спуститься вниз. На этот раз девушка подчинилась. Но спустилась она только на один пролет и встала лицом к маленькому узкому окошку.

— А теперь послушайте меня! — заговорил Кирилл. — Ни ты, Ирина, ни Люда здесь ни при чем. Кургу никто не убивал. Он сам покончил собой — сунул ствол в рот и выстрелил.

— Придется поверить специалисту, — сказал Белкин. — Выходит, не выдержали нервы.

— Как жаль! — вздохнула Ирина. — Это был единственный человек, который мог подтвердить, что я никого не убивала. Ну что ж, Кирилл правильно сказал: приедет полиция и во всем разберется.

— Это она с вами будет разбираться, — усмехнулся Белкин. — Меня к этому времени здесь уже не будет.

— А почему тебя здесь не будет?

— Потому что, — неопределенно ответил он. — Сами отдувайтесь. — И вдруг, склонившись над трупом, спросил: — А что это такое у него в руке?

Кирилл не успел крикнуть ему, чтобы он ни к чему не прикасался, как Белкин вытянул из скрюченной ладони Курги лист бумаги. Покрутил его перед глазами, повернул к свету и бегло прочитал:

— «Я, Курга Иван Георгиевич... хитростью заманил группу людей... требовал крупную сумму денег... В 21 час 30 минут я увидел на пищеблоке Земцова... ударил по голове монтировкой... наступила мгновенная смерть... В семь часов утра следующего дня я увидел, как на пищеблок зашел Вешний... ударил его по голове топором для разделки мяса...»

Кирилл выхватил бумагу из его рук и пробежался глазами по неровным строчкам.

— Неужели там так и написано? — поинтересовалась Ирина, рассматривая свои ногти. — «Ударил топором для разделки мяса»? Какой ужас!

Вера, стоявшая у окна, резко повернулась, убрала со лба рыжую прядь и с недоумением взглянула на Кирилла влажными покрасневшими глазами, будто спрашивая его: «Что это за бред? Мы же видели Вешнего сегодня днем!»

Белкин почувствовал себя неловко, что случилось с ним крайне редко. Он пожал плечами, почесал затылок и выдал:

— Что ж... Прошу вас, любимая моя Ирина Юрьевна, принять мои глубочайшие извинения в связи с тем, что я имел неосторожность скверно подумать про вашу незапятнанную...

— Довольно! Заткнись! — прикрикнула Ирина и философски изрекла, с состраданием глядя на лицо мертвеца: — Вот и конец всей истории. Даже у этого отморозка, оказывается, была совесть. Он искупил свой грех чистосердечным признанием. Ты удовлетворен? — подняла она взгляд на Кирилла, но, не дождавшись ответа, стала медленно спускаться, легкомысленно размахивая саквояжем, говоря на ходу: — Будем считать, что все довольны такой развязкой... На этой оптимистической ноте позвольте объявить, что встреча выпускников тридцать седьмой средней школы города Краснодара объявляется закрытой. Нам остается убрать со стола посуду, а тела покойников вынесет полиция.

Глава 42

Напевая что-то жизнерадостное, Ирина прошла мимо Люды, все еще сидящей в кресле, поднялась по лестнице до середины и, остановившись, оперлась на перила.

— Не переживай, милая, — сказала она. — Больше трех тебе не дадут. Состояние аффекта — это обстоятельство, смягчающее наказание...

Она едва успела увернуться — тяжелая стеклянная пепельница пролетела рядом с ее головой и с грохотом разбилась о стену.

— Не интеллигентно, — произнесла Ирина, заметно побледнев, и, торопливо поднимаясь выше, добавила: — Дура ты, Люда! Дура!

Закрывшись в комнате, она села на кровать, зажгла бра и раскрыла саквояж. Вынула оттуда рюкзачок, вытряхнула из него деньги, пересчитала запаянные в полиэтилен пачки и задумалась. Потом снова аккуратно сложила деньги в рюкзачок, приготовила лист бумаги, ручку и написала:

«В районное отделение полиции. Заявление. В то время, когда я находилась в заложницах у гражданина Курги, сотрудники моей фирмы разработали операцию по освобождению меня и всех остальных заложников. В ходе этой операции с большим риском для жизни им удалось задержать сообщницу Курги — его сестру Веру, и изъять у нее рюкзак с 50 000 долларов. К несчастью, преступнице удалось сбежать. Рюкзак с долларами остался у моих сотрудников. Полагаю, что деньги добыты Кургой и его сообщницей незаконным, преступным путем, и они могут стать неоспоримым вещественным доказательством совершенного преступления. И.Ю. Гончарова».

Она сложила лист, сунула его в рюкзачок, закрыла его и спрятала под матрацем. Потом вынула из саквояжа мобильный телефон, пудреницу, расческу и выложила все это в ряд на тумбочке.

Все хорошо, думала она, глядя на привычные предметы, которые сопровождали ее каждый день. «Признание» Курги Белкин и Вацура будут охранять как боевое знамя части. Им тоже не нужны лишние допросы в кабинете следователя. Эта бумага разом снимает проблемы у всех обитателей приюта. Даже облегчает участь Люды, на которую запросто могло упасть подозрение.

Одно только обстоятельство тревожило Ирину. Что знает Кирилл о «братках», с которыми повстречался в лесу? И главный вопрос: какого черта они стали по нему стрелять? Шел себе мужик с женой по лесу, никого не трогал, а в него вдруг из пистолета. Может, повздорили из-за какой-то ерунды?.. Нет, тут что-то другое. Ни Марат, ни Леша из-за пустяка за оружие хвататься не станут. Напротив, они лучше в сугроб залягут, чтоб остаться незамеченными.

Ирина в волнении вскочила и стала ходить по комнате из угла в угол... А вдруг Вацура случайно увидел, как они убивали сестру Курги? Кинулся ей на помощь, завязалась перестрелка... Это самое худшее, что могло случиться. Если это так, то Вацура становится для Ирины весьма опасным. И его жена, кстати, тоже... А все-таки, где же Ирина видела эту рыжую?

Да, думала она, надо выяснить, что же произошло в лесу. Что Кириллу известно? Неужели правда, что из четверых «телохранителей» осталось всего двое? И где же они? Если живы, почему не отвечают на телефонные звонки?

Кирилл — человек сложный и умный. Но если ему известно о делишках «братков», почему сразу не прижмет Ирину к стенке и не скажет: «Ты приказала убить сестру Курги! По твоему приказу у мужа Люды вымогали деньги...» Это был бы весьма чувствительный и точный удар... Значит, он

либо ничего не знает, либо по каким-то причинам не хочет обострять отношения с Ириной.

Оставшиеся в живых два идиота, которые попались Кириллу в лесу. Есть ли уверенность, что они, попав в полицию, будут выгораживать Ирину? Никаких гарантий. Вся эта сволота верна ей до тех пор, пока она исправно им платит и своими связями обеспечивает им безопасность. А как только запахнет жареным, они сразу сдадут ее с потрохами, и такая каша заварится, что Ирине долго придется ее расхлебывать. А потом, не дай бог, всплывут делишки покруче...

Значит, этих двоих надо упрятать очень далеко. Метра на два под землю. И пусть потом полиция все спишет на бандитские разборки.

Как же быть с Вацурой? Ссориться с ним нельзя, «братки» в его руках — все равно, что два козырных туза. Надо обязательно выяснить, что ему известно. Если он знает слишком много, то надо предложить ему союз на крови: пусть замочит оставшихся в лесу «братков», а Ирина поделится с ним деньгами. Пятьдесят тысяч баксов, должно быть, его устроят. И тогда будет все схвачено. Даже если вдруг объявится муж Люды, то он не испортит общей картины. Пусть рассказывает полиции, как Курга вымогал у него деньги, а девушка в красном комбинезоне эти деньги приняла под канаткой. Если эти деньги будут в руках Вацуры, то никто и никогда их уже не найдет.

Именно так.

Глава 43

А Кирилл тем временем решил позвонить своему знакомому следователю из Краснодарской прокуратуры Пузырькову. Несколько лет назад, когда он перегонял из Анапы в Крым катер аферистки Милосердовой, начиненный взрывчаткой, Пузырьков подстраховывал его действия. Позже, когда Кирилл открыл частное детективное агентство, тот частенько консультировал его по вопросам уголовного права и даже пару раз оформил его незаконные оперативные наработки в соответствии с кодексом, в результате чего Кирилл избежал тюрьмы, а Пузырьков получил уникальные вещественные доказательства преступлений. Оба остались довольны таким сотрудничеством.

— Старина! — сказал Кирилл в трубку, когда отозвался далекий голос Пузырькова. — Мне нужна твоя помощь.

— Кирилл? Я очень рад твоему звонку, но, черт подери, не вовремя! Я провожу допрос. Перезвони часа через три.

— Не могу, старина. Дело срочное.

Пузырьков, умница, сразу понял, что фраза «дело срочное» на самом деле означает почти что катастрофу.

— Ну, давай! Я весь внимание!

— Ты помнишь дело о финансовой пирамиде «Титаника»?

— А разве можно забыть такой позор «фээсбэшников»? Конечно, помню!

— Узнай, пожалуйста, не пересекались ли пути «Титаника» и Сергея Игоревича Земцова.

— Нет проблем! Тебе позвонит моя секретарша... А ты сам как? Где сейчас?

— В Эсто-Садке, катаюсь на горных лыжах.

— Завидую! Все, дорогой! Обнимаю!

Не прошло и пяти минут, как мобильник запиликал.

— Это Кирилл Вацура? — раздался в трубке женский голос. — Майор Земцов — старший оперуполномоченный оперативно-розыскного бюро. В тысяча девятьсот девяносто шестом году был включен в состав совместной с ФСБ следственно-оперативной группы, которая занималась расследованием ограбления «Титаника», но в операции «Черная метка» участия не принимал, был выведен...

«Вот и мотив, — подумал Кирилл, опуская руку с трубкой. — Так я и думал — встретились два бывших одноклассника: одна в роли преступницы, другой — в роли оперативника. Причем, если мне не изменяет память, в десятом классе у них была взаимная симпатия. Весьма взрывоопасная смесь... Белкин рассказывал, что Земцов предложил Ирине игру: найти отличие в двух столларовых купюрах. Она прекрасно поняла намек, что ему известно про украденные вклады. Вот она его и заказала. Да уж, поиграл кот с мышкой...»

Глава 44

Люда лежала на диване, накрывшись одеялом. Белкин сидел у камина и словно гипнотизировал огонь. Ирина за столом пила чай с булочкой. Она скребла ложкой по стенкам опустевшей банки из-под вишневого варенья и поглядывала на дверь. Где же Кирилл? Прошло уже не меньше часа, как они с подругой вышли. Какая все-таки красивая пара. Они понимают друг друга с полуслова, с одного взгляда. Не сюсюкаются прилюдно, оба держатся с достоинством. Глаз не оторвать! Ирина редко ошибалась в этом смысле. Она сразу видела, подходят люди друг другу или нет. Вот если бы она все же сошлась с Земцовым, то получилась бы не семья, а атомная бомба. Двух лидеров в одной семье быть не должно. От стремления властвовать друг над другом родилась бы колоссальная энергия ненависти и злобы. Ирина прекрасно знала об этом еще в школе, но все равно продолжала помогать Земцову. Она делала это не ради крепкой и счастливой семьи, а из принципа.

Ирина выудила со дна чашки лимонную дольку и отправила ее в рот. Время, однако, играет против нее. Надо выходить во двор и искать Кирилла. Только как бы поговорить с ним с глазу на глаз и при этом не вызвать ревность у его подруги? Судя по глазам, она ревнивая...

И все же пришла пора действовать. Если Кирилл соглашается с предложением Ирины, она сразу же дает ему деньги и отправляет в лес. Заодно подумает об его алиби. Алиби — это ее конек, любимая головоломка. Вот и Кириллу придумает...

За ее спиной хлопнула дверь, она обернулась и увидела Веру и Кирилла. Но что это с ними? Неужели поругались? Что ж, легче будет увести Кирилла наверх и поговорить с ним наедине.

— Кирилл, — сказала Ирина. — Я хочу с тобой поговорить.

— Я тоже хочу с тобой поговорить, — ответил он.

Глаза взволнованные, волосы мокрые от снега. Похоже, что Вере очень хотелось уйти, но он заставил ее снять пальто, настойчиво провел в комнату и показал на кресло. Какая все же она стройная! А пальто у нее отвратительное. Зачем она напялила на великолепную фигуру такое уродство? Словно нарочно хочет казаться дурнушкой. Будто прячется от кого-то...

Ирина посмотрела на Веру уже более внимательно. Нет, эта девочка появилась здесь не случайно. Бесспорно, у нее здесь свой интерес... И вдруг перед глазами встала фотография сестры Курги, которая пришла по факсу, и ей показалось, что у нее на мгновение замерло сердце... Господи, конечно же, это она! Вера! Выходит, эти остолопы не смогли ее догнать?! Это катастрофа!

А Кирилл, выходит, тот «отмороженный чеченец», который помог Вере бежать из подвала! М-да, Вацура, конечно, калач тертый, но сейчас он не опасен, никаким оружием против Ирины он уже не располагает. Зубы обломает, но ничего не докажет! Кишка у него тонка! То, что Курга писал «признание» под диктовку Ирины, никто не видел, никто не докажет, подкопаться здесь не к чему. Значит, Земцова и Вешнего можно «списать» вполне законно. Что еще? По ее приказу взяли девчонку в заложницы? Ну и ладно! Не убили же! А средства вполне оправдали цель: поймали сообщницу террориста, изъяли у нее деньги, которые Курга шантажом и угрозами требовал у мужа Людмилы... Фотографировали ее? Ну и что? Ребята всего лишь зафиксировали момент задержания. То, что Ирина получила фотографию по факсу, тоже никто не видел, а сами файлы давно стерты с винчестера, никакой компьютерный гений не восстановит.

Ирина еще раз взглянула на Веру... Анфас. Профиль. Высокий лоб, чуть вздернутый кверху нос. Подвижные, хорошо выраженные губы, великолепная фигура. Рыжая, как огонь... Конечно, это Вера, девушка со снимка! Можно отбросить последние сомнения!

И что же? Общая картина становится простой и ясной. Покончивший самоубийством Курга — убийца Земцова и Вешнего. Сопливая Люда — убийца Пирогова. Вера — сообщница брата, его личный «курьер». Вацура — любовник и поделщик Веры, убийца двух честных телохранителей. А она, Ирина Юрьевна, мужественная женщина, не потерявшая самообладание в критической обстановке, которая, с риском для собственной жизни и ценой жизни двух своих сотрудников, смогла перехватить и сохранить деньги заложницы.

Да за такие подвиги она должна награду МВД получить! Медаль «За охрану общественного порядка». А вот Вацуре вместе с Верой придется за свои поступки отвечать перед судом. Он помог преступнице сбежать, да еще двоих честных парней замочил... Или одного? Что-то он там про медведя лепетал... Будем считать, что двоих.

Ирина с облегчением вздохнула. Теперь можно расслабиться. Можно сесть в кресло и ждать прихода полиции. Хорошо бы и выпить. Если, конечно, Белкин не осушил все запасы.

Кирилл сел на край дивана, чтобы не мешать Люде, и обратился к Ирине:

— И о чем ты хотела со мной поговорить?

— А я уже передумала, — ответила она с легкомысленной улыбкой. — Мне не о чем с тобой говорить. Десять лет, которые я провела с тобой в школе, исчерпали все возможные темы... Я бы хотела получше узнать твою спутницу. Ты нам ее даже не представил... Что-то я запамятовала, как ее зовут? Знаете, девушка, — повернулась она к Вере, — вы так похожи на нашего несчастного террориста! Просто копия! Я как увидела вас первый раз, так сразу начала голову ломать, на кого же вы похожи. А сейчас вдруг поняла.

На Веру эти слова не произвели никакого впечатления. Она, как ни в чем не бывало, продолжала сидеть в кресле, спокойно опустив руки на подлокотники. Взгляд гордый и независимый. Статуя богини — ни больше, ни меньше. А вот Белкин шею вывернул, с удивлением рассматривая Веру.

— У тебя прекрасная зрительная память, Ирина, — усмехнулся Кирилл. — Наверное, стоит тебе один раз посмотреть на фотографию человека, и ты потом сразу можешь опознать его.

— Не знаю, как насчет фотографий, — скромно улыбнулась она, — но брата и сестру я запросто вычислю! Здесь меня на мякине не проведешь...

— Ну, все, хватит! — не выдержав, оборвал ее Кирилл. — Смотреть противно на твою фальшивую игру!

Ирина несколько мгновений молчала, озадаченная заявлением Кирилла, потом медленно произнесла:

— Грубо! Ты, Кирилл, вообще грубый человек. У тебя нет интуиции. Ты не способен чувствовать приближение событий. Например, заключение под стражу, предъявление обвинения в убийстве и пособничестве преступнице.

И ты старательно делаешь вид, что не знаешь, кто эта милая девушка. Правильно! Это, пожалуй, твой единственный шанс не утонуть вместе с ней — изобразить, что ты понятия не имеешь, что она сестра террориста Курги, и пыталась передать ему деньги заложников. Покажи всем, что это для тебя — ошеломляющая новость. Подойди к Вере, ударь ее по щеке, плюнь ей в лицо, и тогда мы все подтвердим сыщикам, что ты чистый, святой, только немного глупый... Ну! Смелее же, Кирилл! Ты же охотник, у тебя есть ружье!

— Мне тебя жаль, — рассеяно кивнув, произнес Кирилл. — Ты хранишь в своем саквояже написанную Кургой бумагу и думаешь, что это всесильная индульгенция. Ошибаешься. Стоит представить оперативникам одного хорошо известного тебе человека, как эта бумажка не будет стоить ровным счетом ничего. Точнее, она даже станет для тебя опасной. И ты постарайся избавиться от нее любым способом.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — пожалала плечами Ирина. Она огромным усилием воли старалась казаться беззаботной и веселой. — При чем здесь бумажка? Я могу тебе ее подарить. И ты сделаешь то же, что собираюсь сделать я: отдашь оперативникам, чтобы они сгоряча не заподозрили тебя в убийстве Земцова и Вешнего.

— Давай! — тотчас поймал ее на слове Кирилл и протянул руку.

— Давайте-давайте! — вскочила с кресла Вера и, подбоченившись, встала рядом с ним.

Кажется, Ирина пожалела о своих словах.

— Ваша суетливость вполне объяснима, — ответила она Вере и на всякий случай положила руку на крышку саквояжа. — Вас одолевает естественное стремление отмыть своего братца. Едва эта бумага окажется у вас в руках, вы ее тотчас съедите.

— Клянусь вам, — с улыбкой проговорила девушка, — что я лично передам ее сотрудникам уголовного розыска, а ксерокопию повешу дома на стену.

— Ну, допустим, никакой квартиры у вас нет, повесить ее вы можете только в камере, — как бы между делом заметила Ирина. — Тем не менее, вам я это письмо не дам. Я должна побеспокоиться, чтобы не пало подозрение на моих одноклассников.

Люда, которая, казалось, крепко спала, откинула одеяло и, приподняв голову, хриплым голосом произнесла:

— Ирочка, солнышко, я не нуждаюсь в твоих беспокойствах. Можешь отдать бумагу.

— А я нуждаюсь! — ответил Белкин, не оборачиваясь. Он следил за происходящим по отражению в оконном стекле и незаметно подносил бутылку к губам. — Отдай ее мне! Или слабо?

— И тебе не отдам, — ответила Ирина. — Ты ее запросто променяешь Вацуре на бутылку водки.

— Тебе не кажется странным, — сказал Кирилл, — что никто не хочет, чтобы эта бумага оставалась у тебя?

— Станным? — повторила Ирина, оглядывая всех. — Ничего странного. Банальная свинская неблагодарность. Вы все сговорились против меня. Вас всех угнетает навязчивая идея. Это бывает. Особенно из зависти. Хочется расправиться с человеком, который работает и движет прогресс. Это закон собачьей упряжки. Шавки боятся и ненавидят лидера, но укусить его хватает смелости только тогда, когда он привязан к шесту впереди всех. Они, глупые, кидаются на него, забыв о том, что все в упряжке, и тем самым начинают тянуть сани. Лидер, естественно, вынужден бежать — шест ведь толкает его вперед. Шавки в азарте бегут еще быстрее. А лидер все равно неузвим. Так и происходит движение вперед.

— У меня нет никакого желания тебя кусать, — признался Белкин. — Просто я не верю, что Земцова убил Курга. Захотел бы он это сделать — завалил бы его выстрелом из своего дупла. Зачем ему нужны были все эти сложности — монтировка, двор, темнота? А ты просто воспользовалась ситуацией и отомстила ему за то, что он предпочел Люду тебе.

Ирина громко рассмеялась.

— Что? Земцов предпочел мне Люду? Да бог ему в помощь, этому самовлюбленному нарциссу, хотя об этом говорить теперь уже поздно. — Она круто повернулась к Кириллу: — Ну? Теперь твоя очередь! Выкладывай очередной бред про то, как я убила Земцова!

— Хорошо, — спокойно отреагировал на ее выпад Кирилл. — Я постараюсь изложить все так, чтобы у тебя не возникло никаких лишних вопросов. Но для начала хочу попросить Федора оставить на несколько минут бутылку и встать ближе к Ирине, чтобы не дать ей порвать, сжечь или съесть письмо Курги... Вера! А ты, пожалуйста, встань с другой стороны... Вот так.

— Это что — конвой?

— В некоторой степени, да.

— В таком случае хочу предупредить, что первый, кто тронет меня пальцем, потом очень горько пожалеет об этом.

— Не бойся ее, — сказал Кирилл Белкину, который топтался рядом с Ириной.

— Да я не боюсь, — неубедительно ответил Белкин. — Просто не хотелось бы выкручивать даме руки. Может, она согласится добровольно отдать письмо?

— Ничего я вам не отдам! — выкрикнула Ирина.

— Ладно, — смирился Кирилл. — Начну с новости, которая ошарашит Федора и Людмилу. Скажи, Федор, когда ты заметил исчезновение Вешнего?

— Часов в шесть утра. Он ушел и не пришел.

— В шесть утра, — повторил Кирилл. — А приблизительно в два часа дня я и Вера встретили Вешнего в поселке.

— Что?! — с ошарашенным видом воскликнул Белкин.

— То есть, как встретили? — спросила Люда, убирая прядь волос с лица.

— Шли по улице и встретили. Он был жив, здоров и, по-моему, очень доволен жизнью.

Ирина покачала головой, усмехнулась и спросила:

— А Земцова с Пироговым рядом с ним не было?.. Мои милые, Белкин, например, каждый день видит зеленых чертиков, которые бегают по его плечам, но мы же не начинаем их разыскивать по всему дому.

— Что это может означать? — недоуменно произнес Белкин, пропустив мимо ушей слова Ирины.

— Это может означать, что Курга не убивал Вешнего, — пояснил Кирилл. — Но разве по собственной воле он бы признался в том, чего не совершал? Значит, на него было оказано давление. Кому-то очень нужна была бумага с его признанием.

Белкин повернулся к Ирине и посмотрел на нее с такой ненавистью, что она, приподняв саквояж, прижала его к груди и предупредила:

— Тихо, тихо!

— Ну что?! — крикнул Белкин. — Вляпалась?!

— Никуда я не вляпалась! — парировала Ирина. — Вы верите словам человека, который идет на поводу преступницы. Разве не видите, что эта девушка — любовница Вацуры? У них сговор!

— А если они приведут сюда Вешнего? — тихо спросила Люда.

— Вот когда приведут, тогда и разговаривать будем! Но именно на эту тему! Что вы все всполошились? Один видел Вешнего, другой не видел... Сумасшедший дом! Кажется, вы сначала обвиняли меня в убийстве Земцова, а теперь с пеной у рта доказываете, что Курга не убивал Вешнего! У вас не мозги, а винегрет, черт знает что намешано!

— Нет, — возразил Кирилл. — Никакого винегрета, все логично. Если выяснится, что Курга не убивал Вешнего, то у всех появится законное сомнение: а убивал ли Курга Земцова? Не так ли?

— Вы действительно спятили! — произнесла Ирина, оглядывая всех. — Неужели в самом деле верите, что я взяла монтировку, подкралась к Земцову, перед которым я как пигмей перед великаном, и точным ударом раскроила ему череп?

— Верим, верим! — закивал Белкин и даже попытался аплодировать, но Кирилл остановил его.

— Это не совсем так, — сказал он, прохаживаясь перед Ириной. — Конечно, ты не брала в руки монтировку и не била Земцова по голове. Ты просто не достала бы до его головы и, в лучшем случае, попала бы по плечу. Это было заказное убийство. Земцова убил другой человек, которому ты хорошо заплатила. Он высокий, почти вровень с Земцовым, и сил у него достаточно. Его фамилия Вешний.

Такой тишины в охотничьем приюте еще не было за последние сутки.

— Ты не только заплатила ему, но и обеспечила ему железное алиби, — продолжал Кирилл. — А лучшее алиби может быть только у мертвеца. И ты распустила слух, что Вешний тоже убит. Обстановка была нервная, все в это поверили. А бумажка, которую написал Курга, убедила всех в смерти Вешнего окончательно.

— Боже мой! — ахнула Люда.

Белкин присвистнул и покачал головой.

— Гадом буду, — пробормотал он, — но я в самом деле подумал, что Вешнего грохнули.

Вера с изумлением смотрела на Кирилла. Его вывод и для нее оказался полной неожиданностью.

— Это все слова, — медленно произнесла Ирина, напрягая губы. — А где доказательства?

— Короче! — рявкнул Белкин. — Надо отобрать у нее письмо!

— Я предупреждала... — произнесла Ирина, но Белкин схватил ее за руку и попытался выдернуть саквояж.

В это же мгновение входная дверь с грохотом распахнулась, и прогремело несколько оглушительных выстрелов.

— Всем стоять!! — раздался чей-то истошный вопль. — Руки за голову!!

Глава 45

На пороге комнаты стояли трое молодых мужчин в одинаковых позах: вприсядку, вытянув вперед руки, в которых держали пистолеты. Двоих из них Кирилл узнал сразу — бритоголового Глобуса со скошенным лбом и парня в спортивных брюках и «дутой» куртке, которого они с Верой заложили камнями. Лицо третьего большеголового человека с идеально ровным пробором показалось Кириллу знакомым, но он не сразу вспомнил, где его видел раньше.

— Наконец-то! — с облегчением произнесла Ирина и расслабленно опустилась в кресло. — Они меня тут чуть не убили.

— Не ждали?! — Глобус, усмехаясь, подошел к Кириллу и ударил его кулаком в подбородок.

— Анатолий?! — не веря своим глазам, прошептала Люда, глядя на молодого человека с пробором.

Тот быстро, задев стулья, подошел к ней, схватил за плечи, поднял с дивана и крепко прижал к себе.

— Это кто? — спросила Ирина, кивая на неподвижную пару, застывшую в объятиях.

— Этот парень нам помог, — ответил Глобус, связывая Кириллу руки за спиной.

— Я — муж Люды, — низким, словно простуженным голосом ответил молодой человек, все еще не выпуская из своих объятий Люду, и представился: — Анатолий!

Глобус заставил Кирилла встать лицом к стене. Парень в «дутой» куртке на всякий случай ударил Белкина коленом в живот. Тот гыкнул и беззвучно выругался.

— Джон, этого не трогай! — смилостивилась Ирина и презрительно махнула рукой: — Пустое место, бомж! Пусть уходит и отсыпается.

— Давай, вали отсюда! — скомандовал Джон, помахивая перед лицом Белкина стволом пистолета.

Тот, что-то бормоча себе под нос, вышел в прихожую, поднял с пола пуховик и, не задерживаясь, вышел во двор.

Ирина закурила, глядя, как Джон связывает руки Вере и толкает ее к стене.

— Что ж вы, ребята, так опозорились? — покачала она головой. — Вчетвером против Вацуры и девчонки не справились?

— Ирина Юрьевна! — взмолился Глобус, зачем-то натирая ладонью лысину. — Там снега по пояс, к тому же мы с ним по-людски хотели договориться, а он сразу по нас жаканами лупить начал!

— Не оправдывайся, — произнесла Ирина, стряхивая пепел на пол. — Нет к вам никакого доверия... Что с Маратом и Лешей?

— Лешку этот гад замочил! Ух, сволочь! — выругался Глобус и ударил Кирилла рукояткой пистолета по спине. Тот скрипнул зубами, но устоял, лишь привалился лбом к стене.

— А Марат на шатуна нарвался, — за Глобуса ответил Джон. — Может быть, эти двое спугнули зверя, вот он на Марика и кинулся... В общем, Ирина Юрьевна, надо их отмочалить по полной программе, а потом сдать в ментовку, да еще следователю деньжат подкинуть, чтобы впаяли каждому по «двадцатничку».

Анатолий, не видя ничего, кроме жены, тряс ее за плечи, растирал слезы по ее щекам и все допытывался:

— Вот видишь, чем оборачивается твоя ложь? Видишь?.. Ну, хватит, все уже позади! Все закончилось...

Люда качала головой, кусала губы и никак не могла произнести страшные слова.

— Кстати, Анатоль, — устало произнесла Ирина, — ваши деньги находятся у меня. Правда, я уже собралась сдать их в прокуратуру и по этому поводу написала заявление.

— Мои деньги? — сделал недоуменное лицо Анатоль и, вспомнив, кивнул: — Ну да, конечно... Я вам очень благодарен. Пусть они пока у вас побудут...

Он вдруг быстро подошел к Ирине, коснулся губами ее уха и что-то шепнул. Она отпрянула и посмотрела на него дикими глазами:

— Что?!

— Да! — радостно подтвердил Анатоль. — Тем не менее... Ах, если бы вы знали, Ирина Ивановна...

— Юрьевна.

— Извините, Ирина Юрьевна! Если бы вы знали, что мне пришлось пережить за эти сутки! Звонит этот негодяй Курга... Где он?! Дайте мне его!! — Стиснув кулаки, Анатоль стал крутиться посреди комнаты.

— Успокойтесь, — произнесла Ирина. — Курги уже нет в живых.

— Вот! Вот справедливый финал! Так и надо этому ублюдку!.. Звонит он мне и говорит: «Завтра утром ты должен принести в Эсто-Садок двести тысяч баксов!» Вы представляете его аппетиты? Я говорю: это невозможно, я не смогу найти такие деньги, даже если сам продамсья в рабство. Слава богу, сторговались на пятидесяти... А уже ночь. Куда бежать? Кому звонить?

— Да, я вас понимаю... — рассеянно кивнула головой Ирина. — Удивляюсь только жадности этого Курги. Выходит, он не только от меня требовал деньги, но и от вас. Кто его знает, может, он звонил жене Пирогова, жене Земцова...

Кирилл, стоя лицом к стене, повернул голову и, встретив кричащий взгляд Веры, тихо спросил:

— Что это значит?

— Кирилл, не верь! — одними губами ответила Вера. — Это все ложь...

— Так твой братец решил выдоить все стадо? Вошел во вкус?..

— Это неправда, Кирилл, клянусь тебе!

— Да уж, Робин Гуд. Ловкач...

— Рот закрой!! — рявкнул Глобус и ударил Кирилла по затылку.

Размахивая руками от возбуждения, Анатоль продолжал ходить по комнате.

— А эта рыжая... какая все-таки наглая девка! Хитро они все придумали! Я ей рюкзак сбрасываю, и тут в мою голову вонзается мысль: «Все, Анатоль, не увидишь ты своей жены». Поднимаюсь по канатке дальше, смотрю:

за ней какой-то парень лихо на доске скользит. Я так и решил: либо оперативник, либо кто-то из спасательного отряда. А оказалось, что это ваш, так сказать, человек...

Почувствовав, что своим рассказом привлек всеобщее внимание, он остановился посреди комнаты, широко расставив ноги, вынул из кармана курительную трубку, кисет и стал набивать ее табаком.

— Да, господа, мы провели с вами прекрасную операцию. Без участия полиции разоружили опаснейшую банду!.. Я эту рыжую и Вацуру еще в поселке приметил и тихонько пошел по их следам. Они на гору — и я на гору, они в лес — и я в лес. Когда увидел, что они с вашими, Ирина Юрьевна, сотрудниками сделали, тогда понял, что это будет не бой, а кровавая битва. Одного из каменного склепа откопал, другого из петли вынул... Нет, это я вовсе не для того, чтобы получить от вас какую-то материальную благодарность, просто мне хочется...

— Ваша жена, Анатоль, убила человека, — спокойным голосом перебила его Ирина.

— Как? — не расслышал Анатоль, по-прежнему сохраняя на лице улыбку. — Что вы сказали?

— Она застрелила Пирогова, нашего одноклассника.

— В каком смысле, застрелила?

— В прямом. Нажала на курок пистолета и убила.

Анатоль смотрел на Ирину с веселым недоверием и дергал головой, как делает петух, глядя на курицу.

— Что-то я ничего не понимаю. Как это — Люда взяла и убила человека?

— Да вы у нее лучше спросите, — посоветовала Ирина и повернулась к Джону: — Там у ворот снегоход стоит?

— Стоит, Ирина Юрьевна.

— Надо проверить движок и завести. А этих двух, — кивнула она на Кирилла и Веру, — связать и стащить вниз на буксире. Если упадут — потащить волоком.

— Будет сделано! — ответил Джон и застегнул «молнию» на куртке.

Анатоль приблизился к Люде.

— Я ничего не понял, Людмила. Я требую от тебя вразумительных объяснений!

— Я застрелила Пирогова, — едва слышно проговорила она. — Это правда.

— Ты?! Но как ты могла?! Ты отдавала отчет своим поступкам? Ты знала, что это уголовно наказуемое действие?

Люда кивнула.

— Ужас! — Анатоль нервно заходил по комнате. — А что я теперь скажу нашему сыну? Как я объясню нашей крошке, что его мать — убийца?

В это время из прихожей донеслись звуки борьбы и сдавленные крики. Распахнулась дверь, и в гостиную влетело увесистое сосновое полено. Следом за ним, едва держась на ногах, ввалился Белкин. Он тотчас споткнулся и растянулся на полу. Последним, с победным выражением лица, зашел Джон.

— Вот же суслик! — качая головой, произнес он и пнул ногой лежащего на полу Белкина. — Караулил меня за дверью, хотел поленом огреть.

Отстранив Джона, Глобус подскочил к Белкину, поднял его, схватил за грудки, прижал к стене и принялся наотмашь бить по лицу. Белкин неумело защищался, пытался увернуться, но удары достигали цели, и во все стороны летели брызги крови.

— Достаточно, — сказала Ирина, когда лицо Белкина было залито кровью, а под глазами стремительно набухали сизые мешки гематомы. — Пусть валяется здесь, а то его снова на подвиги потянет...

Анатоль отошел к окну и задумался о безрадостных перспективах мужа преступницы. Люда присела на диван, затем легла, поджав колени к животу, как любят спать дети, и накрылась одеялом с головой.

— Помогите, пожалуйста, провести задержанных к снегоходу, — попросила Ирина, кивнув на Кирилла и Веру.

— Да-да, естественно! — оживился Анатолий и поторопился вслед за Джоном и Глобусом.

Дверь захлопнулась. В комнате остались Ирина, Люда и Белкин. Ирина поднялась с кресла, подошла к окну и посмотрела, как по тропе гуськом идет странная компания людей, которые еще совсем недавно не знали друг друга. Теперь все они варились в одной кастрюле, а она, вдоволь помешав ложкой и добавив специй, накрыла их крышкой.

Ирина приблизилась к дивану. Минуту стояла над Людой, прислушиваясь к сдавленным рыданиям, затем потянула за кончик одеяла, открывая мокрое от слез лицо, и процедила:

— Это, милая моя, тебе отливаются мои слезы. Есть на свете высшая справедливость, запомни это.

Глава 46

«Они пьяные, — думал Кирилл, идя по тропе следом за Верой. — Сейчас привяжут нас к снегоходу и помчатся по лесу на всей скорости. Как только какой-нибудь ствол или бревно окажется на нашем пути, нас разорвет на части».

Ситуация казалась безвыходной. Он проклинал себя за то, что расслабился в теплом доме, потерял бдительность и оставил в прихожей ружье.

А куда он дел пистолет, который ему дала Вера? И какого черта он вообще его забрал у нее?

Он брел по тропе и не мог поверить, что проиграл по всем статьям, что добровольно идет на эшафот и даже не пытается как-либо переломить ситуацию. Но что он может сделать со связанными руками, следуя под конвоем трех вооруженных мужиков? Но особенно его отравляла мысль, что Вера, которой он уже начал верить и сострадать, солгала ему. «Благородство» ее брата оказалось пустым звуком. Можно было понять и простить Кургу за то, что он требовал деньги у воровки Ирины. Но как он мог шантажировать мужа Люды? При чем здесь этот человек?

Они приближались к воротам. Уже можно было разглядеть накрытое брезентом тело Земцова. Был человек, строил какие-то планы, делал карьеру, и все вдруг оборвалось на мероприятии, казалось бы, приятном и веселом. Его убийца разгуливает по поселку и крутит шашни с местными продавщицами, а заказчица убийства провернула дьявольски хитрую аферу и вышла сухой из воды. И вот теперь ведут Кирилла, как козла на бойню, за то, что пожалел первую попавшуюся смазливую девчонку и сделал для нее доброе дело. Нельзя верить, нельзя жалеть. Наступила эпоха циников и скептиков, аминь!

И тут вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее. В ту секунду, когда Вера приблизилась к воротам и уже готова была взяться за скобу, чтобы потянуть створку на себя, вторая створка со страшным скрежетом поехала на нее, словно ворота начал таранить бульдозер. Она едва успела отскочить в сторону — тяжелая, обитая металлом конструкция пошла по кругу, срезая пласт снега, а на ее месте стремительно выросло нечто огромное, горячее, мохнатое. Еще не сообразив, что все это значит, Кирилл услышал за собой истошный вопль кого-то из конвоиров:

— Атас, братва!.. Косолапый!.. Пали в него!..

Только потом до него дошло, что в проеме ворот на задних лапах стоит огромный бурый медведь. У страха, известное дело, глаза велики, но, тем не менее, животное и впрямь достигало в высоту никак не менее двух с половиной метров — его голова была почти вровень с краем частокола. С рычанием, от которого кровь стыла в жилах, чудовище шагнуло вперед. Под его тяжестью с хрустом продавился снежный наст. В мертвенном лунном свете появилась массивная голова, горящие жаждой крови глаза и широко раскрытая пасть с желтыми клыками.

Парализованный столь нежданной встречей с лесным бродягой, Кирилл застыл на месте, запрокинув голову. Зверь же, по-своему ошарашенный изобилием добычи, на несколько секунд замер, словно раздумывая, на кого броситься в первую очередь. И тут один за другим защелкали выстрелы.

Медведь взревел настолько громко и страшно, что в лесу проснулись и взмыли в черное небо стаи птиц.

— Сюда! — услышал Кирилл голос Веры.

Она сошла с ума! Втянув от страха голову в плечи, девушка мелкими шажками продвигалась вперед, в узкий проход между створкой и животным. Кирилл, не думая о последствиях, кинулся к ней в отчаянном стремлении остановить Веру, хотя со связанными руками он мог только схватить ее зубами. Первые пули уже впились в тело медведя, и он, свирепея, с оглушительным ревом поднял вверх передние лапы с саблевидными черными когтями.

Кириллу проще было пробежать через огонь в горящем особняке, чем рядом с обезумевшим от боли чудовищем, но Вера уже каким-то чудом смогла вырваться за пределы частокола. Потеряв представление обо всем, даже об опасности, Кирилл начал протискиваться между бревном, подпирающим ворота, и мохнатым, крепко пахнущим дичью телом. Авантюристность этого поступка зашкаливала, и страх мгновенно сменило идиотское веселье. Кажется, Кирилл довольно грубо оттолкнул от себя горячий и мягкий бок медведя, сказав при этом что-то вроде: «Извините, но не могли бы вы подвинуться...»

Раненый зверь пришел в бешенство от боли и дерзости мужиков, стреляющих в него, и потому, наверное, не обратил внимания на щеко-тавших его бок людей. Кирилл поверил в свое чудесное спасение лишь тогда, когда, ломая ветки и тонкие деревья, пробежал по лесу метров триста и, споткнувшись, упал лицом в снег. За частоколом, во дворе, творилось нечто страшное, и оттуда доносились звуки беспорядочной стрельбы, вопли мужиков, клацанье зубов, хруст костей и устрашающий рев медведя.

— Ты где? — услышал он шепот Веры.

Она приблизилась к нему, извиваясь в борьбе с сугробами и веревкой, стягивающей ее руки, повернулась к нему спиной и подставила к его рту руки.

— Развяжи!

Он тотчас вцепился зубами в узел и стал рвать его. Прежние чувства — обида и опустошение — ушли куда-то на второй план. Восторг от свободы и невероятного везения заполнил его душу, и Кирилл, дурачась как мальчишка, рычал, крутил головой, грыз веревку, изображая зверя.

— Это был тот самый шатун-людоед, — спокойно и со знанием дела сказала Вера, когда освободилась от пут и принялась развязывать руки Кириллу.

— Почему ты решила, что этот тот самый?

— Потому что он два раза в сутки подходит к воротам — в восемь вечера и восемь утра. Его Ваня прикормил.

— А зачем он это делал, Вера?

— На всякий случай, — ответила она и, повернувшись, пошла по черным полосам теней. — Подкармливал, как приبلудную собаку. Он вообще любит животных.

— Ничего себе, приبلудная собака! Да это же чудовище! Мاستодонт! Людоед!

— Благодаря этому людоеду, между прочим, ты сейчас на свободе.

— Вера, — скрипнув зубами, произнес Кирилл, и по его интонации она поняла все, что он собирался ей сказать: что уже не верит ни одному ее слову, потому что Курга оказался негодяем, он шантажировал хороших и добрых людей, да еще прикормил кровожадного зверя, чтобы держать заложников в страхе и творить свои черные дела...

— Все! — крикнула она и пошла быстрее. — Все! Не хочу тебя слушать! Думай, что хочешь! Надоело...

— Нет, еще не все, — ответил Кирилл, догнал ее, подтолкнул к сосне, обнял и, просунув руку под ее пальто, сразу нащупал за поясом пистолет. Вера с опозданием догадалась о коварстве Кирилла, стала яростно сопротивляться и даже пустила в ход ногти.

— Отпусти!.. Отпусти, негодяй!.. Глаза выцарапаю!..

— А ты, значит, все-таки вернула его себе? Ловко!

Она извивалась, крутила головой, двигала коленками и, в конце концов, укусила Кирилла в шею. Завладев пистолетом, он отступил на шаг.

Некоторое время они молчали, лишь шумно дышали и хищно смотрели друг на друга.

— Зачем он тебе был нужен? — спросил Кирилл.

— Надо! — дерзко выкрикнула она. — Отдай по-хорошему!

— Тебе надо ноги уносить, а не о пистолете думать. Давай, дуй отсюда! Я тебя не видел и не знаю.

— Отдай пистолет!! — стиснув зубы, произнесла Вера и вцепилась Кириллу в безрукавку.

Он снова прижал ее спиной к дереву, легко поднял вверх ее руки и завел за ствол. Беспомощная, обессилевшая, измученная жестокостью людей, зверей и судьбы, Вера вдруг перестала сопротивляться и горько, навзрыд, заплакала. Слезы ручьем лились по ее щекам, а она не могла даже вытереть их.

— Я не могу... вот так взять и уйти, — всхлипывала девушка. Ее губы дрожали, подбородок прыгал. — Я должна доказать, ч-что... мой брат н-никого не убивал...

Кирилл отпустил ее руки и мягко проговорил:

— Ну, все, успокойся. Как ты теперь докажешь? Все против тебя... Точнее, против нас.

— Я найду убийцу и приведу его туда... И тогда Ирина уничтожит бумагу... А когда у нее не станет этого ядовитого жала, я вызову полицию...

— И полиция сразу наденет на тебя наручники.

— А я покажу им фотографии.

— Какие фотографии?

Вера вытерла нос платком, привстала, сунула руку в карман пальто и вытащила пять снимкой небольшого размера. При весьма скудном освещении невозможно было уверенно сказать, что на них запечатлена именно она.

— Что это? — спросил Кирилл, перебирая их, как карты. — Где ты их взяла?

— В кармане Марата. Это те самые, о которых я тебе говорила.

Кирилл поднес один снимок близко к глазам.

— А кто это рядом с тобой?.. Негры, что ли?

— Это они маски на лица надели.

— И как ты хочешь доказать, что это люди Ирины?

Вера взяла снимки и сунула их обратно в карман.

— Очень просто, — ответила она, оглядываясь по сторонам. — По снимкам можно будет установить, в подвале какого дома меня держали. А потом выяснить у хозяина, на чье имя этот дом был арендован. Вот и всплывет имя твоей Ирочки.

— А у тебя соображалка иногда работает... — с любопытством посмотрел на нее Кирилл. — Хорошо. Допустим, тебе удастся доказать, что люди Ирины держали тебя в подвале дома. Но как ты докажешь, что она шантажировала твоего брата этими снимками и заставила его взять на себя убийства?

— Докажу! — упрямо произнесла Вера. — Дай мне только добраться до твоего Вешнего!

— И ты начнешь доказывать, что брат не требовал деньги у Анатоля? — спросил Кирилл. Вопрос сам собой сорвался у него с языка. Он очень хотел, чтобы Вера смогла это доказать.

— Да! В лепешку расшибусь, но докажу! Брат ни на минуту не отлучался со двора, и у него с собой была только коротковолновая радиостанция — такая же, как у меня. По ней он мог связаться только со мной, понимаешь? У нее дальность действия всего четыре километра! И он мне сказал: «Ирина согласилась отдать деньги». И я утром поехала на «вышку». Откуда я могла знать, что это деньги Анатоля, а не Ирины? На них же не написано, чьи они!

Убедительность этих слов казалась Вере совершенно очевидной. Она простонала от досады, что Кирилл такой тупой, и быстро пошла вперед. «Но Курга мог незаметно спуститься в поселок и позвонить Анатолию с междугородного телефона. А тебе солгал, что это деньги Ирины», — мысленно возразил ей Кирилл и подумал, что теперь Вера будет путаться у него под ногами, пытаюсь выловить Вешнего.

А Вешнего не так-то просто выловить! Смерть — это его единственное алиби, и он постарается исчезнуть, спрятаться как можно надежнее и на максимально долгий срок. Вешний и без того уже напуган случайной встречей с Кириллом в поселке и наверняка постарается не допустить повторения подобного. Скорее всего, его уже давно нет в Эсто-Садке.

В общем, работы — непочатый край. Но никуда не денешься, придется восстанавливать добрую репутацию частного детектива Вацуры, который в свое время распутал несколько совершенно безнадежных преступлений. И, конечно, надо примерно наказать вконец обнаглевшую Ирину. А потом уже можно подумать о репутации самоубийцы Курги, который в последние часы своей жизни умудрился замарать ее донельзя. А Вера во всей этой истории не столько его сестра, сколько его тень. Короче говоря — дело гиблое.

Глава 47

Ей вдруг нестерпимо захотелось солнечного света, и она, повинувшись неосознанному порыву, подошла к окну и отдернула штору. За мутными стеклами стояла плотная ночь. Накрытый тяжелым снегом двор был залит лунным светом. У ворот под брезентом покоился труп Земцова. Посреди двора, напоминая кучу черной земли, лежал убитый медведь.

Ирина рванула штору, чтобы закрыть окно, но веревка не выдержала. Штора повисла, как приспущенное знамя.

Она не могла найти себе места. Ей было тесно в комнате, ночь душила ее. Она ходила от одной стены к другой: за одной лежало тело Курги, за другой — тело Пирогова. Внизу — Земцов и медведь. Четыре трупа — это уже слишком. Не охотничий приют, а морг какой-то!

Ирина попыталась взять себя в руки и успокоиться. Достала из саквояжа пузырек с валокордином, встряхнула тридцать капель в стакан и выпила. Потом медленно опустилась на кровать, сложила руки на груди и уставилась в потолок. Глобус повез раненого Джона в поселок — тому медведь до ребер разорвал бок. Вся его куртка насквозь пропиталась кровью. Ког-

да Анатолий и Глобус несли его на снегоход, Джон что-то бормотал, какие-то бессвязные слова — в общем, уже ничего не соображал. «В больнице тебя заштопают, подлечат малость, и все будет о'кей!» — с притворным оптимизмом говорил Глобус. Кому он это говорил? И Ирина, и Анатолий прекрасно понимали, что Джон умрет раньше, чем снегоход спустится с горы.

Уезжая, Глобус пообещал Ирине, что обязательно поймает Веру и доставит ее в полицию. Ничего он не сделает! У Веры есть идея, она будет драться, как тигрица за своих детенышей. А у Глобуса нет ничего — ни идеи, ни преданности. Скорее всего, он даже не довезет Джона до больницы, а сбросит его в какой-нибудь овраг и даст деру.

В союзниках у Ирины остался один Вешний. Она ему верила, потому что он был прост и предсказуем. Суть его природы заключалась в безграничной любви к деньгам.

За пятнадцать лет, прошедших после окончания школы, Ирина ни разу не встречалась с Вешним и ничего о нем не знала. Но увидела его у «Ковчега» и поняла, что он мало изменился, и принцип управления этим человеком остался тот же.

Она вспоминала, как Земцов загасил свечи и разложил на столе купюры. В него словно вселился бес. Он клоуном крутился перед Ириной под недоуменными взглядами одноклассников и будто хотел ей сказать: «А ведь ты попала, ты уже у меня на крючке! И только я один знаю, что деньги вкладчиков у тебя».

Потом она танцевала с ним. Он очень бережно прижимал ее к себе и говорил что-то малозначимое. Она его почти не слушала, для нее Земцов уже был мертвецом.

Что было потом? Все вышли на улицу, в комнате остались она и Вешний. Он молча стоял за ее спиной. Не оборачиваясь, она бросила ему: «Шубу!» Он подал, задержал свои руки на ее плечах, и Ирина схватила их, опустила ниже, на грудь. Он сдавил ее тело, а она на одном дыхании еле слышно произнесла: «Земцова надо убить!» Эти слова прозвучали просто дико, но Вешний не воскликнул, не возмутился. Он продолжал спокойно стоять за ее спиной, и руки его были подвижны и нежны.

А дальше все было просто. Когда проблема решена в принципе, отработка деталей становится удовольствием. Она повернулась к нему и, гладя его грудь, шепнула: «Сделай это сейчас, когда все гуляют!» Он кивнул, точнее, закачал головой, как китайский болванчик, и спросил: «Чем? У тебя есть пушка?» «Ну, найди что-нибудь! — ответила она. — Нож или топор... У ворот я видела небольшой ломик... В кармане его куртки найдешь деньги. Принеси их мне. Потом я дам тебе в сто раз больше...»

Вешний тут же перебил ее: «Алиби!» Да, да, как же она сразу об этом не подумала. Сначала алиби, а деньги потом. Деньги без алиби — просто бумажки. Она вывела его в прихожую, подтолкнула к стене и зашептала: «Наш хозяин собирается меня ограбить. Это жулик, я его знаю. Мы все спишем на него». «А получится?» — не слишком беспокоясь, спросил Вешний. «Можешь не сомневаться, — усмехнулась Ирина. — У меня все всегда получается».

Они договорились встретиться рано утром в дровяном сарае, и Вешний вышел. Он сработал на удивление быстро — даже Ирина не поняла, когда он успел подкараулить Земцова у ворот, ударить его монтировкой и смыть с рук кровь. Она топтала снег на крыльце, ожидая его возвращения, и ее бил крупный озноб. Когда он прошел мимо нее и кивнул, она перекрестилась, глядя на полную луну, словно мысленно провожала душу Земцова, а, вернувшись в дом, сразу же махнула рюмку водки.

Она плохо спала под утро, боясь проспять время свидания. Едва начало светать, она накинула на плечи кофточку, тихо спустилась вниз и вышла из дома.

Вешний уже ждал ее в сарае. Он сидел на дровах и курил. Ирина со страхом всматривалась в его лицо: как он теперь воспринимает свой вчерашний поступок? Не терзает ли его совесть? Не мучают ли кошмарные видения?

Нет, лицо Вешнего выглядело спокойным, лишь бледным и подпухшим от выпитой накануне водки. «Короче, так, — хрипло произнес он, сплевывая себе под ноги. — Этот Курга сам себя окунул в дерьмо. Обещал убивать — и все это слышали». «Да! — ответила Ирина и опустилась перед Вешним на корточки. — Теперь все это ляжет на него. Можешь ни о чем не беспокоиться!»

Он вздохнул, поплевал на окурочок и поднял на нее глаза: «Деньги давай!» «Миленький, — прошептала Ирина, доставая из кармана спортивных брюк кошелек. — Сейчас я могу тебе дать только пять тысяч долларов. Все остальное немного позже. Хорошо? Ты потерпишь?»

Он согласился потерпеть. Деньги, не пересчитывая, небрежно затолкал в карман и сказал: «В общем, так. Я решил исчезнуть. Пусти слух, что он и меня замочил». «Нет необходимости, — мягко возразила она. — Ты вне подозрений!» «Так будет лучше, — гнул он свое. — Хочу отдохнуть, расслабиться. Чтобы ни жена, ни друзья не нашли. Достали уже все! Через месяц я тебя найду». «А если вдруг мне понадобится срочно с тобой связаться?» — спросила она. Он подумал, почесал кудрявую голову и ответил: «Пиши на ялтинский главпочтамт, до востребования».

«Он боится, что я могу его найти!» — подумала Ирина.

А Вешний вдруг резко поднялся и, пригнувшись, вышел через дверной проем, не сказав больше ни слова...

...Валокордин подействовал, и Ирина почувствовала, как слабеет чувство тревоги и наваливается сонливость. Она легла удобнее, но вдруг что-то вспомнила, и ее снова охватило тревожное чувство.

Она спустилась в гостиную. Анатолий, сидя на диване, раскладывал папьянс. Люда сонными движениями убирала со стола пустые бутылки, посуду и складывала в большую картонную коробку.

— Где Белкин? — спросила Ирина.

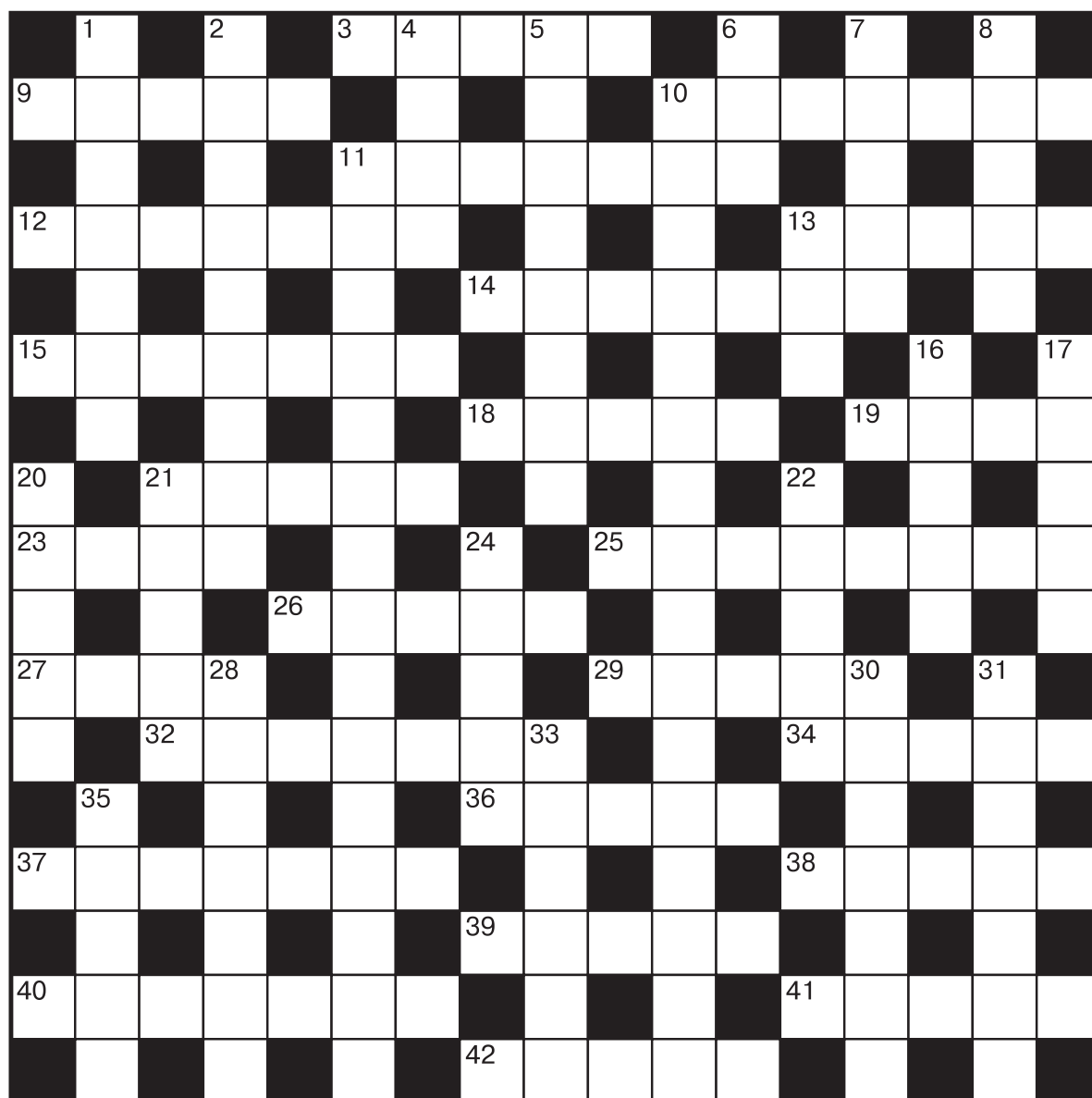
Люда на вопрос не отреагировала, а Анатолий приподнял лицо и, продолжая беззвучно шевелить губами, махнул рукой на входную дверь.

Ирина вышла в коридор, глянула на вешалку, затем осмотрела углы и даже приподняла край ковровой дорожки.

Она отчетливо помнила, что здесь, под одеждой, стояло ружье Вацуры. Теперь его не было. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кого больше всего почитают в Таиланде? **9.** Единственный непростительный грех по отношению к своему близкому (по Амброзу Бирсу). **10.** Подводник ближнего радиуса действия. **11.** «Король пряных трав» для древних римлян. **12.** Шестикрылый самолет. **13.** «Васса Железнова» у Максима Горького. **14.** Кто играет в живые шахматы

с Воландом? **15.** Зернами риса с древних времен во многих странах осыпают новобрачных, чтобы задобрить злых духов и привнести ... и изобилие в молодую семью. **18.** Где в 1902 году торжественно открыли первый памятник болгаро-русской дружбы? **19.** Какой хищник знает толк в молчании ягнят? **21.** Какой фрукт напоминает бумеранг? **23.** За-

держание противника. **25.** Чемпионка по длине среди змей. **26.** Беспорядок на молодежном сленге. **27.** Телефонный. **29.** Птица, чьего утреннего крика очень боится всякая ночная нечисть. **32.** «Палаточный ...» протестантов. **34.** Винегрет получил у французов прозвище «русский ...». **36.** Чье имя носит ежегодная премия, присуждаемая во Франции лучшему молодому актеру? **37.** В какой комнате хранился портрет Дориана Грея из романа Оскара Уайльда? **38.** Шлюзовые ворота. **39.** Чем итальянцы фаст-фуд обогатили? **40.** Кто Коломбину у Пьеро отбил? **41.** Столица с крупнейшей в мире сетью пешеходных дорожек с указателями. **42.** Какой наш легендарный крейсер затонул близ корейского порта Чемульпо?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Есть люди, чьи орбиты столь схожи с твоими, что ... невозможна с ними». **2.** При каком императоре начали возводить римский Колизей? **4.** Взрывчатка внутри ядерной бомбы. **5.** Гиппократ утверждал, что «из тысячи лекарств

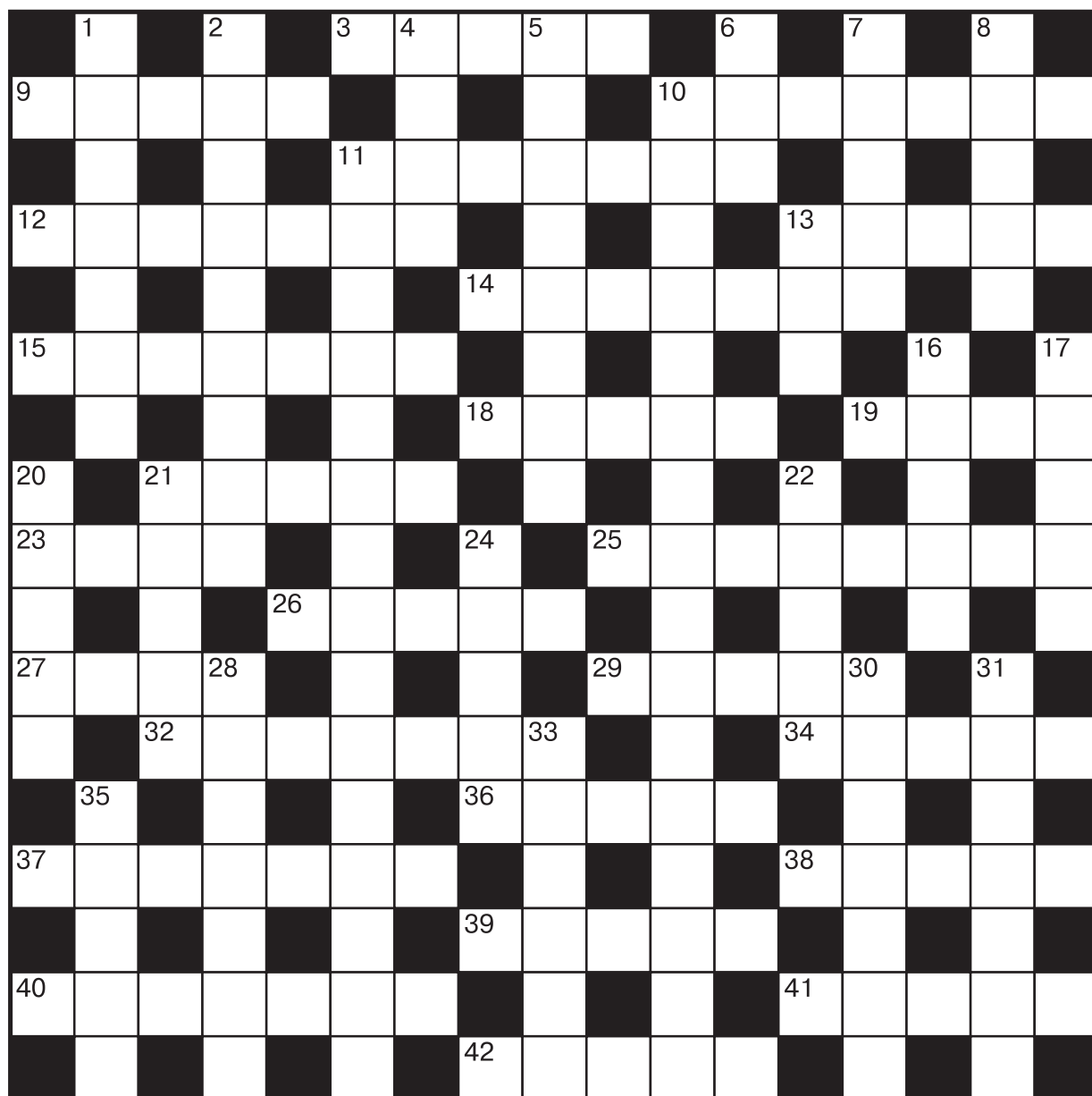
999 — это ...». **6.** У какой фрекен Карлсон плюшки таскал? **7.** Первый полнометражным 3D-мультфильм, от начала и до конца сделанный на студии Disney. **8.** Классическая история продажи души. **10.** В каком режиме руководство страны с народом общается? **11.** Каким способом древние египтяне сохраняли тела своих фараонов? **13.** Упасть с НЕГО невозможно. **16.** Главный конкурент для французского концерна Airbus. **17.** Что притягивает взгляды в кинозале? **20.** Монстр в виде кальмара. **21.** Место общения воды и суши. **22.** Изумительный аромат придуют песочному тесту ром, вишневый ликер и яблочный ... **24.** «Осенний горький чай, ... с грибами, и поздний час — прощаться и прощать». **28.** Какой из морских деликатесов когда-то называли «курятиной для бедняков»? **30.** Работа, сделанная по принципу «тяп-ляп». **31.** «Трудотерапия» для уголовников. **33.** У какого великого физика жил в доме Николай Бухарин, когда в 1931 году ездил в Лондон? **35.** Марти из мультфильма «Мадагаскар».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Спрут. **9.** Стейк. **10.** Бобслей. **11.** Магадан. **12.** Фитобар. **13.** Водка. **14.** Табаков. **17.** Схрон. **20.** Указ. **23.** Долина. **24.** Партаппарат. **25.** Араб. **26.** Игра. **27.** Херес. **29.** Безик. **31.** Носок. **32.** Бинт. **33.** Щипач. **34.** Бетон. **35.** Динго. **37.** Укроп. **38.** Ясность. **39.** Спирт. **40.** Аликс. **41.** Бильярд. **42.** Штраф.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Стоик. **2.** Айфон. **4.** Пиар. **5.** Ураган. **6.** Сон. **7.** Псков. **8.** Белка. **10.** Багаж. **11.** Манхеттен. **13.** Ворот. **14.** Толпа. **15.** Шуман. **16.** Запах. **18.** Пингвин. **19.** Напасть. **21.** Забегаловка. **22.** Хайек. **23.** Данилевский. **28.** Социопат. **29.** Болгарка. **30.** Циркуль. **32.** Болонья. **36.** Штурм.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Мыс с самым высоким на Балтийском море обрывом. **9.** Олимпийский комплекс для лыжников и биатлонистов в Сочи. **10.** Утяжелитель из фитнеса. **11.** Что испытал Андре Гарнерон в 1797 году, прыгнув с воздушного шара над Парижем? **12.** Сотрудник ОГПУ, живший в квартире Владимира Маяковского. **13.** Коровий ошейник с

колокольчиком. **14.** Магическая повязка на голову у тайцев. **15.** «Бессмертная гвардия» византийского императора. **18.** Цветок с полотен Поля Гогена. **19.** Какое блюдо когда-то в Средней Азии готовили в бараньей шкуре? **21.** Экологически чистая вискоза. **23.** Бельгиец, который в 1920 году впервые произнес Олимпийскую клятву. **25.** Хозя-

ин фермы, на месте которой выросла столица Исландии. **26.** Английский академик, один из четырех основателей Всемирного фонда дикой природы. **27.** Ноябрь в Сирии. **29.** Божественный белый бык с черной отметиной у древних египтян. **32.** «Белая лошадь из Аффингтона» в глазах археолога. **34.** «Божественная Эмилия», чей замок стал убежищем для Вольтера. **36.** Фривольный танец цыган Андалусии. **37.** Толстые спагетти. **38.** Какой ураган смел стены Илиона во время съемок исторического блокбастера «Троя»? **39.** Голландская селедка. **40.** Индийское мясо под луковым соусом. **41.** Придворный ювелир, приложивший руку к созданию Большой императорской короны. **42.** Виноградные выжимки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Стиль кунфу из Южного Китая. **2.** Фландерская лошадь. **4.** В давние времена влюбленные перед долгой разлукой обменивались кольцами из этого камня, способного поддержать их в самых трудных ситуациях, оберегая от измен. **5.** Крестильная рубашка.

6. Ситуация при игре в крикет. **7.** Картофельная лапша. **8.** Команда по драконболу на летательных ковриках. **10.** С каким заведением связан мюнхенский «Пивной путч»? **11.** Генетическая склонность к пьянству. **13.** Виночерпий Диониса. **16.** Пропитанная жиром тряпка для протирки ствола ружья в прежние времена. **17.** Кто первым в истории пробежал 400 метров быстрее 44 секунд? **20.** Из какого классического произведения исполняет куплеты взяточников герой комедии «Доходное место» Александра Островского? **21.** «Народ конца света». **22.** Какое вещество часто обвиняют в ранней смерти Амедео Модильяни? **24.** Кто в детстве лупил будущую звезду Эдиту Пьеху «как сидорову козу»? **28.** Единственная зарубежная команда в клубной карьере Рината Дасаева. **30.** Змеиный фрукт. **31.** Какой камень лижут змеи на Воздвиженье в русских сказаниях? **33.** Какой фасон шляп предпочитает Бритни Спирс? **35.** Под каким названием вышел в Соединенных Штатах роман «Зубр» нашего Даниила Гранина?

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Атман. **9.** Армюр. **10.** Фолишон. **11.** Макаров. **12.** Айдозер. **13.** Динги. **14.** Толстой. **17.** Земай. **20.** Элул. **23.** Волога. **24.** Берлихинген. **25.** Ежов. **26.** Учуг. **27.** Ваянг. **29.** Сурти. **31.** Кадис. **32.** Риза. **33.** Фонда. **34.** Жулан. **35.** Ниили. **37.** Ржавь. **38.** Алкиона. **39.** Румба. **40.** Брукс. **41.** Андорра. **42.** Бомба.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Брейк. **2.** «Дюпон». **4.** Тиар. **5.** Аналой. **6.** Иов. **7.** Дикий. **8.** Конго. **10.** Фосса. **11.** Метерлинк. **13.** Додон. **14.** Тарха. **15.** Лэйер. **16.** Зубов. **18.** Корчмин. **19.** Лангман. **21.** Левандовски. **22.** Анкус. **23.** Вейтпуллинг. **28.** Галимучо. **29.** Силлабаб. **30.** Роджерс. **32.** Равигот. **36.** Эндрю.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

